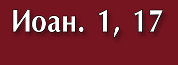
Благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа.
Иоан. 1, 17

Вестник истины

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЦЕРКВЕЙ ЕХБ № 2, 2012

Господи! цель моей жизни – прославить Тебя

Михаил Иванович ХОРЕВ

1931—2012

Памяти благословенного служителя МСЦ ЕХБ

Вестник истины

Духовно-назидательный журнал Международного союза церквей евангельских христиан-баптистов

Издаётся с 1963 года

Выходит шесть номеров в год

Издаётся на пожертвования верующих

Распространяется безвозмездно

Отпечатано в типографии издательства «Христианин» МСЦ ЕХБ

Москва

2 (216) . 2012

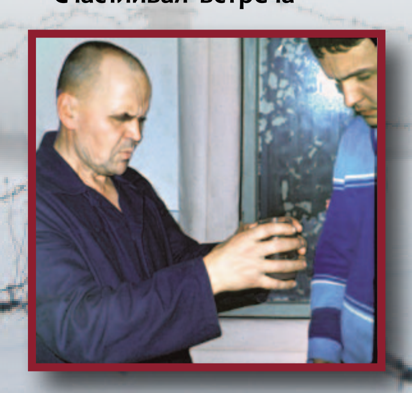
В НОМЕРЕ

с. 21

с. 43

с. 29

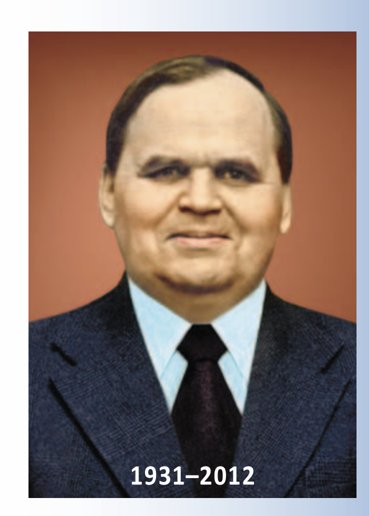

с. 47

«Отец мой...»
с. 44

«Праведник восхищается от зла»

Ис. 57, 1

1931–2012

Сущий над всем Бог допустил Своему народу новую скорбь и ощутимую утрату: в четверг, 3 мая 2012 года, на 81-м году жизни перешёл в вечные обители неутомимый, мужественный и верный труженик Международного совета церквей ЕХБ; последний участник работы Инициативной группы по пробуждению церкви ЕХБ; многолетний верный узник Церкви Христовой; более 30 лет ответственный служитель Молдавского объединения ЕХБ —

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ХОРЕВ.

Михаил Иванович был «любимым у множества братьев своих, ибо искал добра народу своему» (Есф. 10, 3).

Господь провёл его через жизнь, насыщенную скорбями: арест отца, блокада Ленинграда, четыре приговора, 12,5 лет неволи, восемь лет нелегального служения, восемь обысков в семье, десятки клеветнических статей в центральных газетах и телеканалах Молдавии, пытки от заключённых, удары надзирателей, — много теснили его от юности, но благодарение Богу, не одолели!

Он родился 19 декабря 1931 года в Ленинграде в семье благочестивых христиан Ивана Михайловича и Агриппины Михайловны. Его отец за проповедь Евангелия принял мученическую смерть в лагере г. Тавды Свердловской области в 1940 году, оставив на Божье попечение четырёх маленьких детей. В жизни родителей дети видели образец святой верности и преданности Богу до смерти, а их настоятельные поучения сформировали глубокое убеждение, что истинная церковь непобедима. В годы разразившихся репрессий Агриппина Михайловна постоянно повторяла фразу: «Дети, врата ада никогда не одолеют Церковь Христа, придёт время и Церковь в России пробудится». Михаил Иванович вспоминал: «Я рос с верой в это пробуждение и с нетерпением ожидал, когда же наступит это благословенное время?»

18-летним юношей Михаил Иванович обратился к Господу, но заключить святой завет смог лишь через пять лет (в 1954 году), но не в своей Ленинградской церкви, а тайно ночью на Украине. В 1958—1960 гг. он проповедовал среди своей молодёжи и был её руководителем, а также активно организовывал нелегальные молодёжные общения и совещания в Эстонии, Молдавии, на Украине, посещал ссыльных братьев в Сибири. В праздничные дни 7—8 ноября 1960 г., когда под Москвой в доме Рыжука В. Ф. собралась на общение молодёжь Центральной части России, Севера, Урала, — на юге страны, в Молдавии (с. Трушены), прошло подобное совещание под руководством Хорева М. И.

25 июня 1961 года он вступил в брак с Верой Георгиевной (сестрой по вере из Молдавии), в их семье родились три сына. Однако 50 лет семейной жизни были прожиты не для себя, а подчинены благословенному евангельскому принципу: на первом месте — Христос и Его Церковь!

В 1961 году Бог посетил Свой народ — в нашей атеистической стране началось духовное пробуждение церкви ЕХБ. Михаил Иванович искренним сердцем воспринял призыв Духа Святого и с первых дней бесстрашно встал в строй подвижников Христовых. Всего через 1,5 месяца после бракосочетания, 12 августа 1961 года, он прибыл на совещание Инициативной группы в Москву и с того дня совершал служение, полностью посвятив себя и свою семью Господу.

14 июля 1962 года Григорий Антонович Руденко и Геннадий Константинович Крючков рукоположили его в Кишинёвской церкви на служение благовестника, и в этом же году Михаил Иванович был избран благовестником Оргкомитета. В 1964 году служители Оргкомитета поручили ему нести духовное попечение о молодёжи в братстве. За организацию многочисленных молодёжных общений неутомимого труженика Христа трижды лишали свободы.

19 мая 1966 года Михаил Иванович был послан братьями в приёмную ЦК КПСС выяснить о судьбе арестованной делегации церквей братства, которая ходатайствовала о гонимых. Там он был арестован генералом КГБ Бойко и помещён в Лефортовскую тюрьму. Его осудили на 2,5 года.

Вернувшись на свободу осенью 1969 года, Михаил Иванович стал участником Всесоюзного совещании служителей в Туле, где его избрали кандидатом в члены Совета церквей ЕХБ. Но уже через две недели, 18 декабря 1969 года, последовал новый арест. Суд в Кишинёве приговорил его к 3 годам лагерей строгого режима. Отбыв срок заключения, он был избран в августе 1973 года членом Совета церквей и до конца жизни с упованием на Бога совершал нелёгкое и ответственное служение — попечение о церквах братства.

Ещё в 1969 году Михаил Иванович принял ответственность за общины ЕХБ в Молдавии, благословенно совершая порученный труд более трёх десятилетий. При содействии Михаила Ивановича Молдавское объединение послало большое представительство тружеников в издательство «Христианин». Жертвенным трудом строителей из Молдавии в братстве построены десятки домов молитвы. Изложенная в 1979 г. на молдавский язык (кириллицей) Библия долгие годы не издавалась. Михаил Иванович, находясь в узах, помнил эту нужду и писал из лагеря в 1982 году: *«Во всякой молитве вспоминаю вас и вопрос евангелизации в Молдавии. Я уверен, что дорогие молдаване вскоре будут читать Слово Божие на своём родном языке... Это моя уверенность в Господе»*. Верный служитель Христа не был посрамлён: в 1985 году Библия, изложенная на молдавском языке (кириллицей), была впервые издана.

В те годы он был ответственным в братстве за международные связи: десятки тонн Библий и другой литературы

тайно проникали в нашу страну из Финляндии через Румынию в Молдавию. Михаил Иванович нёс ответственность за организацию конспиративной разгрузки, хранения и развозки Библий и другой литературы во все концы нашей огромной страны. Преодолевая многие опасности, братство получало вожделенный духовный хлеб.

Самобытными, вдохновенными проповедями Михаил Иванович вдохновлял идущих за Господом и мужественно отстаивал приоритет повелений Христа над человеческими постановлениями. Духовные принципы и позиции Хорева М. И. всегда были понятны и друзьям, и врагам, он не произносил двусмысленных речей, говорил слова истины, несмотря на то что они нередко влекли за собой уголовное преследование. Так, в статье «Святое неповиновение» («Вестник истины» №1, 1978 г.) он безбоязненно призвал Божий народ не покоряться Законодательству о религиозных культах от 1929 года, что послужило основанием для сурового приговора. Верховный Суд МССР осудил его в мае 1980 года на 5 лет лагерей строгого режима. Наказание он отбывал в г. Омске.

13 октября 1982 года Михаил Иванович направил из лагеря главе СССР Л. И. Брежневу «Открытое письмо», в котором изложил восемь обязательных требований «для урегулирования конфликта между церковью и государством», и 21 день находился в посте и молитве. За отказ от приёма пищи его водворили в ШИЗО. Каков итог? Всё, написанное им верой, осуществилось спустя восемь лет. Врагов церкви Бог рассеял, а братство сохранил и умножил!

В неволе Михаил Иванович написал серию писем, опубликованных в журнале «Вестник истины» с названием «Пишу вам, дети» (№№1–4, 1983—1984 гг.). За эти письма истинный пастырь и отец платил высокую цену: его лишали свидания с семьёй, помещали в штрафной изолятор, закрывали в камеру пыток, прозванную заключёнными "африканка". Эти пытки пошатнули его здоровье, но не сломили дух.

Книга Хорева М. И «Пишу вам, дети», изданная на английском, немецком, финском, голландском и румынском языках, принесла благословение христианам во многих странах мира.

Как ответственный за Кишинёвскую общину Михаил Иванович мужественно отстаивал перед гонителями право церкви на независимость. Он отверг многочисленные предложения о сотрудничестве с органами КГБ, отверг компромиссную идею автономной регистрации Кишинёвской общины, и люди в штатском заявили ему: «Зря вы заняли крайнюю позицию. Вам придётся задержаться в лагере, чтобы не мешать на свободе процессу регистрации Кишинёвской общины». В январе 1985 года, в день освобождения, Хорева М. И. осудили в лагере на четвёртый срок и приговорили к 2 годам лагерей строгого режима. Когда в 1984 году в Кишинёве бульдозером разрушили частный дом брата Никоры Н. И., 15 лет предоставлявшего свой земельный участок для богослужений, Михаил Иванович написал церкви из лагеря слова утешения: *«Сегодня враг хочет увести церковь в спокойное русло жизни без борьбы и побед. Бойтесь этого. Будьте тверды и мужественны. Я же буду стоять в проломе до конца. Для меня нет большей радости, чем слышать, что вы стоите в истине. Мужайся, дорогая церковь!»* Благодарение Богу, Кишинёвская церковь отстояла позиции независимости и умножилась. Сегодня в столице Молдавии действуют четыре самостоятельные общины. Михаил Иванович содействовал их организации и духовному созиданию.

19 декабря 1986 года Хорев М. И. освобождён под надзор милиции. В 1987 году вновь нависла угроза ареста, поэтому он в условиях нелегального положения продолжил труд в братстве.

В годы свободы он содействовал благовестию и созиданию новых общин.

21 ноября 1990 г. Хорев М. И. на заседании Верховного Совета Молдавской ССР подарил всем депутатам 600 Библий на молдавском и русском языках. В обращении к парламентариям он сказал: *«Бог свидетель, что мы делали всё возможное для распространения Слова Божьего в Молдавии. В 1985 году издательство «Христианин» отпечатало тираж Нового Завета на молдавском языке. Но бригаду молодых печатников арестовали (в селе Старая Обрежа), а 10 тыс. Евангелий уничтожили...»* Затем, стоя на трибуне, он поднял Библию и вдохновенно произнёс: «Воистину для Слова Божьего нет уз». Законодательная власть атеистического государства услышала слова истины из уст многолетнего узника. Спустя год богоборческая сверхдержава закончила своё существование.

По предложению председателя Совета церквей Крючкова Г. К. и по поручению совещания СЦ ЕХБ 5—6 июля 2006 года Михаил Иванович стал руководителем Историко-аналитического отдела. Под его руководством в братстве прошли исторические конференции, изданы историко-аналитические материалы: «Церковь должна оставаться церковью», «Евангелие – или социальная доктрина», выпущены десятки дисков с историко-аналитическими материалами.

Геннадий Константинович свидетельствовал: «Михаил Иванович самый подвижный служитель в Совете церквей». В зимнее время по трудным северным дорогам он добирался до Архангельска, Воркуты, Камчатки, рукополагал служителей, содействовал строительству домов молитвы и переселению семей миссионеров из Молдавии в отдалённые районы Севера. В объединениях братства, где возникали трудности, Михаил Иванович был частым посетителем. Его труд в общинах был созидательным, умиротворяющим.

В 1976 году Михаил Иванович участвовал в образовании церкви из уверовавших цыган в Закарпатье, а сегодня духовным пробуждением охвачены многие цыганские табора этой местности, действуют 12 самостоятельных общин и групп общей численностью 1100 членов церкви, рукоположены служители из этого народа. Михаил Иванович – друг цыган, его любили наши дорогие братья и сёстры по вере этой национальности, и он любил их по-отечески. Они всегда находили общий язык и, по примеру наставника, жили душа в душу с братством.

Михаила Ивановича приглашали друзья из Германии и Америки, он и там был желанным гостем и способствовал богоугодной жизни эмигрировавших из наших общин.

Обременённый недугами, он никогда не унывал. Наоборот! Удивлял бодростью и твёрдостью духа. Подавал пример стойкости. Побеждал многоразличные нападки неизменным благодушием и терпением. Отличался особенной добротой и мудростью. Врачевал заблудшие, истомлённые сердца отеческой заботливостью, искренним сочувствием. Девиз его жизни: «Я должен всем». Он не жалел своей жизни ради интересов Божьего дела.

В 2011 году Михаил Иванович отметил три памятные даты: 50 лет семейной жизни, 50 лет пробуждения братства, 80 лет своей жизни, и «насыщенный жизнью, приложился к народу своему» (Быт. 25, 8).

Сегодня мы с полной уверенностью свидетельствуем: он прославил Господа на земле, совершил дело, которое Он поручил ему исполнить (Иоан. 17, 4).

Блокадный Ленинград

Кишинёвская тюрьма

Страницы жизни

Во второй половине XX века Церковь Христа была богата яркими личностями. Это были такие Божьи служители, как Крючков Г. К., Батурин Н. Г., Миняков Д. В., Хорев М. И., Храпов Н. П., Бойко Н. Е. и другие. Их имена тысячи раз упоминаются в отчётах Совета по делам религий, ЦК КПСС, КГБ, Генеральной прокуратуры СССР, в документах с грифом: «Совершенно секретно», «Хранить конспиративно».

Их имена были написаны на плакатах, с которыми христиане Запада стояли перед зданиями Советского посольства в Англии, Америке, Германии, Голландии.

Их проповеди, судебные процессы переводились на европейские языки и побуждали христиан любить Бога делом, жить свято и жертвенно.

Что выдающегося в этих служителях замечательной плеяды 60-х годов прошлого века?

— Они осознанно расточили свою жизнь ради Христа и Евангелия!

— Они свято хранили повеления Господа!

— Они говорили правду, жили по правде, страдали за правду!

— Они мужественно отстаивали интересы Церкви, не отдали и пяди врагу!

— Они не посылали в мир посольство просить о мире, стояли твёрдо и мужественно! Тактика компромисса и отступления им не была присуща.

— Они не уклонялись от страданий за Церковь Христа!

— Они были истинными пастырями, которые отдавали жизнь за овец!

— Они действовали в интересах Церкви Христовой!

— Они отстаивали независимость Церкви!

— Девиз их жизни — «Божье — Богу»!

— Они не шли на компромисс ради греховного единства!

— Они являлись добрыми и верными служителями, чистыми от сотрудничества с миром и духовным Вавилоном!

— Основанием для всех вопросов жизни и веры им служила Библия!

— Они верили в победу от Господа, их сила сокрыта в Боге!

— Они не дорожили собой ради проповеди Евангелия погибающим! Девиз их жизни: «Я должен всем!»

— Они жили верой в Божье воздаяние и осуществление ожидаемого!

— Они исполнили все Божьи хотения, воплотили в жизнь евангельские программы!

— Их объединяет общее качество: «Ревность по доме Твоем снедает меня...» (Пс. 68, 10).

— Бог избрал их для духовной реформации XX века!

Об этих участниках духовного пробуждения ярко и точно свидетельствовал Г. К. Крючков:

«В 1961 году мы писали: «Вняв побуждению Духа Святого, мы не стали советоваться с плотью и кровью...». Перед каждым христианином в ту пору встал вопрос: вступить в эту борьбу или не вступить? выдержит ли моя плоть и кровь этот натиск? пойдёт ли моя плоть в тюрьму или не пойдёт? будет ли она стоять на кафедре в зарегистрированном молитвенном доме или сидеть в тюрьме, не ожидая никакого освобождения? В основном братья Совета церквей отправлялись на личную борьбу и на личный подвиг, готовы были умереть каждый в одиночку...

25 декабря 1991 г. перестало существовать атеистическое мировое могущество. Господь совершил над нами чудо освобождения и избавил нас от власти атеизма. Мы смотрим на следы Божьего благоволения и видим, что Он в Своём всемогуществе совершил великое!»

НЕЗАСЛУЖЕННАЯ МИЛОСТЬ

Воспоминания Михаила Ивановича в день своего 80-летия 19 декабря 2011 года

«Господь доверил мне высокое служение. Притом я знаю, что не заслуживаю этого, я знаю свои ограниченные способности. Если я чем-то был богат, то тем, что Бог дал на временное пользование. Всегда у меня было желание трудиться в Церкви Христовой, хотя 50 лет назад я не имел представления, как придётся трудиться. Направлял меня на труд Сам Господь. Через 1,5 месяца после моей свадьбы 12 августа 1961 года меня пригласили в Москву на совещание Инициативной группы под руководством Г. К. Крючкова. Я знал, что с этим совещанием будет связана вся моя жизнь. Произошёл полный поворот моей жизни, я понимал, что уволюсь с работы, а как дальше жить семье? Согласна ли будет моя жена с этим движением? Вскоре меня лишили ленинградской прописки. Жена переехала в Кишинёв, и началась жизнь, насыщенная борьбой и победами: слежка за домом днём и ночью, обыски, травля в прессе, четыре судебных приговора, напряжённый труд в церкви. Так прошли 50 лет. Милостивый Бог особо покровительствовал мне на протяжении всего пути.

Я размышляю: за что, Господи, Ты так возвысил Твоего раба? За что удостоил меня великой чести четыре раза быть на скамье подсудимых, оберегал, миловал, радовал, давал силы хранить верность, благословлял? За что, Господи, ко мне такая милость? Видимо, во всём повинен мой папа.

Мой папа, Иван Михайлович, родился в 1892 году в Псковской губернии. Обратился к Господу в 1912 году, в 20 лет. В это время он служил матросом. Как-то с сослуживцами пришёл в «Дом Евангелия» на Васильевском острове, Дух Святой коснулся его сердца, он покаялся и стал служить Господу. Полюбив Бога, начал свидетельствовать о Нём матросам, его сочли смутьяном и арестовали. Первый срок он отбывал ещё при царе. Вскоре после революции его арестовали второй раз. В 1920 году И. Н. Шилов рукоположил И. М. Хорева на служение диакона, затем на благовестника. В 1928 году он женился на моей маме.

В 20-е годы как благовестник Северного Союза баптистов папа трудился в трёх областях: Псковской, Новгородской, Великолужской. Два раза в год он приезжал в Ленинград для отчёта о миссионерской работе: сколько человек крестил, какие церкви создал.

Сестра Юля, член Ленинградской общины, обратилась к Господу через служение отца. Она рассказывала мне, что до войны жила в Псковской области. Иван Михайлович Хорев пришёл в их село с благовестием, вошёл в один из домов и спросил: "Можно собрать в вашем доме людей, я хочу рассказать им о Боге". Хозяин согласился, послал детей оповестить всех жителей и собрать их послушать проповедника. Присутствовал для порядка и православный священник. Один из пришедших во время проповеди крикнул Ивану Михайловичу: «Тебе хорошо проповедовать: на тебе пальто заграничное, а на мне — телогрейка...» Добротное драповое пальто отцу подарили. Папа спросил: "Скажите, милый человек, если бы вместо телогрейки на ваших плечах было это пальто, Вам легче было бы обратиться к Господу?" — "Ну конечно!" — "Давайте меняться". Поменялись. Деревенский мужик надел отцовское пальто и пошёл домой. Его жена удивилась: "Где же ты раздобыл такую вещь?" Он рассказал: "Поменялся с одним глупцом, он сам отдал мне своё пальто". "Как же тебе не совестно, — бранила его жена, — над тобой всё село смеяться будет». Спор в их доме закончился тем, что она с мужем пришла к Ивану Михайловичу, чтобы вернуть пальто. В итоге они познакомились, уговорили папу прийти к ним на ночлег, и впоследствии этот человек стал пресвитером церкви, а его жена (тётя Юля) рассказала мне эту историю.

Я попросил её: "Расскажите о методах служения моего отца". — "Переходя из села в село (5—7 км), твой отец раза три преклонял колени, молился Господу, и я никак не могла понять, почему ему так хотелось обязательно на колени встать для молитвы".

Из этой истории я делаю вывод: мой отец боялся Господа. Он прожил короткую жизнь, но весьма благословенную. Нет предела Божьей щедрости для боящихся Господа. Бог осчастливил и мою жизнь, насытил благословениями различного рода из-за богобоязненности моих родителей. «Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его. Сильно будет на земле семя его; род правых благословится» (Пс. 111, 1—2).

Однажды вдова, одна из жён сынов пророческих, с воплем говорила Елисею: «Раб твой, мой муж, умер. А ты знаешь, что раб твой боялся Господа» (4 Цар. 4, 1). Богоугодная жизнь этого пророческого сына принесла семье, казалось бы, только нищету: «Теперь пришёл заимодавец взять обоих детей моих в рабы себе» (4 Цар. 4, 1). Но Бог не остался в долгу перед семьёй богобоязненного пророка. По слову Елисея вдова собрала у со-

Историческая справка:

«В субботу, 24 июля 1920 года, в "Доме Евангелия" на молитвенном собрании верующих пресвитером Петроградской общины Баптистов бр. И. Н. Шиловым при участии помощника пресвитера бр. И. Я. Урлауб и пресвитера Латышской общины бр. Г. Ю. Редина было совершено рукоположение братьев — И. М. Хорева во диаконы и бр. И. С. Грушенкова в благовестники…»

(Журнал «Источник из камня» №№ 15—24, издатель: Петроградская Община ЕХБ, Васильевский Остров, 24 линия, д. № 11)

Молодёжь Ленинградской церкви возле «Дома Евангелия».
• Отмечены Шилов И. Н. и Хорева Агриппина Михайловна, мать Хорева М. И.

Возле тюрьмы «Кресты» в Ленинграде

Кладбище заключённых г. Тавда

Лагерь заключённых. г. Тавда

Иван Михайлович ХОРЕВ

седей пустые сосуды, и Бог наполнил их маслом с избытком, так что все долги раздали и на жизнь семье осталось. Когда Бог рассчитывается, Он делает это очень щедро. Его щедрости нет предела. За что такое благословение? За то, что муж боялся Господа. Тот, кто ради Господа и Евангелия оставил всё и служил Богу посвящённо, получит не только во сто крат, но и несравненно больше. «В страхе пред Господом — надежда твердая, и сынам Своим Он прибежище. Страх Господень — источник жизни, удаляющий от сетей смерти» (Притч. 14, 26—27).

Я размышляю о всей своей жизни и близко к сердцу принимаю: мне ещё не исполнилось семи лет, когда отца под конвоем двух солдат с винтовками увели из дому в тюрьму "Кресты". Я хорошо помню, как он бодренько прощался с нами, помахал нам рукой в окошко, и мы расстались навсегда.

Год спустя после ареста отца (в 1939 году) я пошёл в первый класс. Помню, как учительница вывела меня вперёд, поставила перед всем классом и сказала: "Дети, посмотрите: этот мальчик — сын врага народа. Играть с ним нельзя". (Мой папа был осуждён на пять лет по ст. 58, а эта статья политическая.) Я молчал. Когда пришёл домой, рассказал всё маме и спросил: "Почему нашего папочку называют врагом народа?" Она утешала меня, как могла. Но чаще всего повторяла: "Сынок, давай преклоним колени и прославим Бога за то, что твой папа удостоился пойти в узы. Иисуса Христа больше злословили. Терпи, милый". И я терпел и рос.

В 1940 году папа написал нам последнее письмо, оно было коротким: "Милая, если ты услышишь, что я умер, то не верь, потому что верующий не умирает, а переходит от смерти в жизнь". Он писал это письмо за 1—2 часа до перехода в вечность. Моя мама осталась вдовой в 38 лет с четырьмя маленькими детьми. Мы скитались долгие годы без средств к существованию на правах семьи "врага народа", но мама безропотно переносила все жизненные невзгоды, никогда не сожалея о сделанном выборе.

Папа умер в 1940 году в лагере г. Тавды Свердловской области. Из информационного центра УВД по Свердловской обл. мы получили справку:

«Хорев И. М. умер 16 июля 1940 года и похоронен на городском кладбище г. Тавды. За давностью времени конкретного места захоронения не сохранилось. Другими сведениями архив не располагает».

Во время блокады Ленинграда в 1941 году нас, четверых детей, миновала голодная смерть не потому, что у нас были большие запасы. Отец не оставил нам материального наследства. Секрет в другом. Мой папа верно совершал служение до конца своей жизни, оставив нам в наследство веру и упование на Бога. Мы сегодня богаче самых богатых, потому что верим живому истинному Богу.

Если бы папа оставил нам в наследство деньги, недвижимость, то нашу семью постигла бы участь многих умерших от голода во время блокады. В сентябре 1941 года ни за какие деньги нельзя было купить хлеб, его выдавали по 125 г по карточкам. Трупы лежали на улицах. Мы не только выжили, но более того: все здоровы, все члены церкви и избраны на высокое служение. Мы жили под особой Божьей заботой.

Мой папа боялся Господа — в этом секрет благословения всей моей жизни! «Око Господне над боящимися Его и уповающими на милость Его, что Он душу их спасет от смерти и во время голода пропитает их» (Пс. 32, 18—19).

ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ОЗНАКОМИТЬСЯ С ДРУГИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА И НЕКОТОРЫМИ ЕГО ПИСЬМАМИ ИЗ УЗ

СЫНУ ИЗ УЗ

сентябрь 1972 г.

Сердечно поздравляю тебя с днём рождения! Тебе исполнилось 9 лет. Твой папа-узник решил высказать тебе пожелание, дать напутствие. Я выслал тебе открытку с изображённым на ней мостом, соединяющим две отвесные скалы, и по нему идут путники.

Есть длинные пути, есть короткие, но каждый из них имеет начало и конец. Сынок, твой жизненный путь начался девять лет назад. Желаю тебе долгой жизни, но никто не сомневается в том, что жизненному пути когда-то приходит конец. Торопись делать добрые дела, впитывай, как губка, хорошие примеры жизни, приобретай навыки добродетельной жизни. «Да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен».

Я вспоминаю свою жизнь в 9 лет и сравниваю её с твоей.

1. В 9 лет я уже лишился папы. Мы же с тобой хоть и редко, но встречаемся на свиданиях.

2. В этом возрасте я испытал голод в Ленинграде и находился на грани смерти. Несколько лет я не знал, что̀ такое сытость. Однажды я был голоден и увидел на улице человека, который ел яблоко. Я шёл следом и думал: не бросит ли он огрызок на землю, чтобы подобрать его. Но он съел яблоко вместе с огрызком. По три дня я ничего не ел, но школу не пропускал.

3. Ты идёшь в школу тепло одетым, обутым, у тебя есть ранец, учебники, — всё нужное для учебы. А у меня? Вместо авторучки я выстрогал палочку и привязал к ней ниткой пёрышко. Учебников не было, а про ранец и говорить нечего. В школу бегал босиком, а когда выпал снег, нашёл в мусорном ящике один резиновый сапог и один валенок. Так как валенок был очень рваным, я привязал к нему верёвкой старую галошу и был рад, что не буду пропускать школу. Ах, как замерзали мои ноги! Я и сегодня удивляюсь, как они сохранились...

4. Вы живёте в отдельной квартире. Ты спишь в тёплой и чистой кровати. Дождь не мешает вам отдыхать, и ветер вас не беспокоит. А я? С 1942 по 1946 годы мы скитались... Помню, в 1942 году мы поселились в колхозном сарае. Три месяца спали на соломе. Дождь лил на нас, холодный ветер дул во все щели. По ночам мои сёстры, мама и я укрывались с головой, так как было очень много крыс. Но одно у нас было хорошо: все мы были очень дружны.

ПОКАЯНИЕ

Я часто думаю: каким образом мои родители смогли вложить в нас веру и любовь к Господу? В детстве (с 1936 по 1946 годы) мы росли без богослужений. Я верю, что в деле спасения нашей семьи исполнилось обетование: «Войди ты и всё семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным в роде сём». Божье благословение распространяется на всю семью, если Бог видит главу семьи праведным и боящимся Его. Бог никогда не остаётся в долгу перед теми, которые ради Него не возлюбили своей души. Молитвы родителей и их праведная жизнь пришли на память перед Богом, и Он посетил сердце каждого из детей духом покаяния. Да будет имя Господне благословенно!

Я стал христианином в 18 лет. Совершенно сознательно я вручил себя Господу, желая одного: чтобы Он сохранил меня в чистоте и святости во все дни земной жизни. Я избрал узкий путь Христа не потому, что можно разбогатеть, приобрести славу, иметь земное изобилие и т. д. За короткую жизнь на примере своей семьи я убедился в том, что все, желающие жить благочестиво, будут гонимы.

Мой папа учился в вечернем институте, но в 1934 году его отчислили. Сказали: «У нас своих учеников хватает». В 1933 году у моих родителей отобрали паспорт, и они голодали. Так что я голод познал не только во время блокады Ленинграда 1941 года, но намного раньше. Отец в 1940 году отошёл в вечные обители, а семья его продолжала скитаться не только без миллионов, но и без куска хлеба.

Почему я избрал узкий, тернистый путь Христа своим путём? Потому что только этот путь ведёт к жизни вечной во Христе Иисусе.

Я прекрасно помню тот вечер, когда Господь коснулся моего сердца. Это произошло 7 декабря 1949 года. В тайных молитвах я просил Господа послать мне рождение свыше и ожидал просимое. Однажды мама принесла мне три книги для чтения: «Герои веры», «Варавва» и «Камо грядеши?» (Г. Сенкевича). Читая в этих книгах о казни над христианами, о пылающих кострах, которые зажёг Нерон, по побуждению духа я захотел помолиться Богу. Склонился на колени, помолился, но сокрушения не было. Второй раз преклонил колени, взывая к Господу дать мне искреннее раскаяние с умилением сердца, и снова встал с колен, не получив просимое. По влечению духа я третий раз помолился, и Господь посетил моё сердце слезами сокрушения, дал Духа Святого, Который вошёл в моё сердце. Я был безмерно счастлив и впервые воздал славу Спасителю, что Он записал моё имя в Книгу жизни.

Помню, я говорил в молитве: «Владыка, Господи, владей мной как Своей собственностью и помоги быть послушным орудием в Твоих руках». Незадолго перед этим мне пришлось слышать проповедь на тему: «Твой жезл и Твой посох — они успокоивают меня» (Пс. 22, 4). Меня глубоко коснулась эта проповедь. Я продолжал уединённо молиться: «Господи, Ты мой Пастырь навеки, а я навсегда Твоя овечка. Пусть Твой жезл будет всегда в Твоей руке. Когда я буду в опасности, Ты защитишь меня от врагов. А когда, испугавшись трудностей или чем-то прельстившись, я сверну с Твоего пути и уйду в сторону, то, Господи, употреби Твой жезл и вновь направь меня на правый путь.

И если я по испорченности сердца стану говорить когда-нибудь иначе, то прошу Тебя, Владыка, пусть наш сегодняшний союз будет вечным союзом верности между Тобой, моим Господом, и мной, Твоим рабом!»

Эта молитва была совершена за закрытой дверью, втайне, и Господь мой, видящий тайное, воздаёт мне явно. С тех пор за долгие годы моего сознательного следования за Богом я никогда не сомневался в своей принадлежности Ему.

«НЕ РАССКАЖЕТ РУЧЕЙ ГОВОРЛИВЫЙ...» (крещение)

Ленинградская община была одной из центральных церквей, входивших во Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ), поэтому вполне закономерно, что она первой вкусила горькие плоды отступления.

Обратился я к Господу в 1949 году, а крещение принял лишь пять лет спустя. Среди ленинградской молодёжи было человек 20 жаждущих вступить в завет с Господом. Я мечтал стать членом церкви, обращался к братьям с просьбой о крещении, но бесполезно. Как-то группа молодых христиан подошла к старшему пресвитеру Михаилу Акимовичу Орлову: «Мы хотим принять святое водное крещение». — «Нет-нет! Вы — молодые! О крещении не может быть и речи!» Ещё не вышли коварные инструкции, а тайные циркуляры, удушающие духовную жизнь в общине, действовали вовсю. В то время в зарегистрированных общинах избегали преподавать крещение молодёжи. Студенты вообще не имели права стать членами церкви. Власти стремились к тому, чтобы церкви не пополнялись молодыми членами. Поэтому они оказывали давление на служителей церкви с тем, чтобы заставить их «свести крещение молодёжи до минимума», как это позже было сказано в «Инструктивном письме» ВСЕХБ старшим пресвитерам.

Юные души всем сердцем тянулись к Богу, к свидетельству о Нём, но их святые стремления разбивались о множество запретов со стороны руководящих служителей. Однако в Божьем народе всё же были боящиеся Бога служители, которые тайно крестили желающих заключить завет с Господом.

1950 г.

Поехал я в отпуск в г. Шостку (Сумская обл.). После моей проповеди в церкви пресвитер оставил меня для беседы. «Не могли бы вы преподать мне крещение?» — спросил я. Он согласился, но при условии, если я пройду испытание. Пресвитер задавал вопросы и просил не только подтвердить ответы Священным Писанием, но и указать, где они написаны. Вопросов было более 20. Помню пресвитер спросил: «Где сказано: "Хотя в этом испытайте Меня, говорит Господь... не изолью ли на вас благословения до избытка?"»

Я пояснил, что в этом тексте речь идёт о десятине, но не мог вспомнить, где это написано в Библии. Братья рассуждали обо мне и единодушно решили — крестить. 14 июля 1954 года в г. Шостке Сумской области около 12 часов ночи при трёх свидетелях мне преподали крещение в речке Шостка. После крещения пресвитер сказал: «Тебя нужно было раньше крестить, это запоздалый акт. Я сделал то, что упустили другие».

Мама очень обрадовалась, что я стал членом Церкви Иисуса Христа, но, зная настроение официальных служителей, опасалась конфликта.

Вернулся я в Ленинград членом церкви. Участвовал в вечере Господней. Орлов М. А., заметив это, вызвал меня на беседу:

— Ты что, крещение принял? Кто тебя крестил?

— Не могу вам это сказать. Когда я вышел из воды, мне спели гимн: «Не расскажет ручей говорливый никому моей тайны святой...» Позвольте и мне не рассказывать все тайны. Разве вы не рады, что я стал членом церкви? Или что-то против меня имеете?

— Молодец, никому не говори об этом, арестуют брата, — притворно улыбнулся он и, обняв меня за плечи, добавил: — Ты ещё не достиг возраста, чтобы быть членом церкви». (Мне шёл в то время 24-й год.) Затем открыл книгу церковного учёта и записал дату крещения. В графе «где?», «кем?» — поставил прочерк.

Мне было неловко. Вместо того чтобы самому крестить, Орлов приветствовал весьма неверное отношение к молодёжи: разбегайтесь куда угодно и принимайте крещение там, где найдёте возможность.

В те годы в Ленинградской общине призыв к покаянию не звучал. Однажды я спросил Орлова М. А.: «Почему вы,

читая относящийся к неверующим стих Священного Писания, призываете: "Братья и сёстры, пока ещё есть время, покайтесь в грехах ваших!"?»

Он ответил: «Брат дорогой, нам надо иметь особую мудрость. Разве ты не знаешь, что по советским законам пропаганда религии запрещена? Если я скажу: «Грешники, покайтесь» — это уже будет пропаганда религии, а так, как я говорю, — это лишь отправление культа. Уполномоченный не может предъявить мне претензий, а кого Дух Божий коснётся, тот и покается...»

По мере духовного роста я чувствовал, что так поступать — неправильно, а как исправить положение, не знал.

Если же кто молился в собрании со слезами, их перебивали пением и объясняли: «Не должно нарушаться благоговение... Представьте, если всё собрание станет рыдать! Господь слышит в тихом веянии...» Суть «тихого веяния» сводилась к тому, чтобы духовно усыпить всё общество, не дать пробиться ничему живому: с чем пришёл, с тем и уходи.

Тяжёлое впечатление на меня произвёл случай с приездом в Ленинградскую церковь миссионера-шведа, который более 25 лет провёл в Африке. Загорелый, жизнерадостный брат лет 60 произнёс очень хорошую проповедь. На ломаном русском языке его переводчик неплохо передал суть проповеди. В заключение миссионер призвал к покаянию: «Кто хочет получить Духа Святого и прощение грехов, пройдите вперёд, мы с вашим пастором совершим молитву, и вы получите прощение грехов...» Не успел переводчик окончить, как многие люди в зале устремились вперёд, к кафедре.

Орлов тут же поднял руку: «Прошу всех оставаться на местах. Если бы у нас было просторно, можно было бы выйти к кафедре, но при такой тесноте мы совершим общую молитву за всех...» И тут же простёр руки и стал молиться. Он не дал никому выйти с покаянием. Движение Духа Святого он моментально угасил своим жестоким жестом.

Состояние душевной горечи не отпускало меня в тот вечер. После собрания я решил пересмотреть своё отношение к Орлову. Его грубый поступок был для меня неприятным откровением.

Практика подавления всего духовно живого в церкви имела пагубные последствия. Но именно это побудило молодёжь сплотиться теснее.

Беду, в которую попала церковь, мы видели, но не знали, как вывести её из такого состояния. Я уповал на Господа и верил, что Он сохранит и избавит Свой народ. Мы искренне молились: «Господи, не оставь Свою Церковь, пошли Твоему народу пробуждение».

ТАЙНЫЕ СЛУЖЕНИЯ

В 50-х годах в Ленинградской церкви (на Поклонной горе) молодёжи было около 300 человек. Я был её руководителем. Официально никто меня не избирал на это служение. Просто я видел, что молодёжь блуждала, как овцы без пастыря. Служители не проявляли заботу о ней, боялись конфликта с властями: побыли на собрании и идите, кто куда хочет. Молодые братья и сёстры нуждались в духовном общении, и по внутреннему побуждению я стремился привить им любовь к Божьему Слову.

Мы регулярно собирались по квартирам для разбора Священного Писания. Часто проводили молодёжные общения на природе. Они имели особенно важное значение, потому что в то время духовная жизнь в общине умирала из-за жёстких рамок, а эти молодёжные собрания содействовали духовному росту. Здесь молодёжь воспитывалась, каялась. Старшие служители знали об этих собраниях, относились к ним с неодобрением, но прямо запрещать опасались. Да и сделать это было нелегко: простые, дружеские общения по домам были очень распространены среди многих верующих. Собирались мы, конечно, с предосторожностями, чтобы противники церкви не воспрепятствовали нам проводить столь необходимые общения.

Нередко наши тайные собрания посещали приезжие братья. В 1955—1956 годах из тюрем стали освобождаться уцелевшие братья. Помню старца-узника, который возвращался через Ленинград в родные места. Мы пригласили его провести беседу среди молодёжи, и, к моему удивлению, он охотно согласился. (Верующие, пережившие сталинскую эпоху, были очень осмотрительными, перестраховывались.) Вечером в моей квартире собралось человек 30 молодёжи. Сейчас бы брата расспросили: кто он, откуда, сколько лет провёл в заключении. Но мы по молодости и неопытности увлеклись внешней стороной, прослушали слово назидания и ничего не узнали о нём, и сам брат не рассказал о себе. До сих пор я горько сожалею об этом.

Хорошо помню, как он со слезами благоговейно открыл Библию и стал рассуждать: «"Что посеет человек, то и пожнет..." Будете вы верны Господу — и потомство ваше Бог благословит. Не только дети, но и внуки войдут в благословение. У вас должно быть столько благодати, чтобы хватило на всё потомство».

Узнав, что мой отец не вернулся из заключения, он совершил благодарственную молитву: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты принял жертву... да будет она не напрасной...»

Затем он спросил: «Все ли из вас члены церкви?» Больше половины не были крещены. «Почему?» — «У нас до 30 лет крещение не преподают...» — «Вы считаете это нормальным?» На основании Слова Божьего брат пояснил, что это неверно и дал пищу для размышлений. Нас поразила новизна и свежесть его мышления. Он призывал жить свято, хотя конкретного выхода из создавшегося положения не предложил.

В те годы мне хотелось каждого не только приютить, но и приобщить к духовному труду. Общения проводить было трудно, потому что почти все жили

Группа ленинградской молодёжи и гости. Хорев М. И. в первом ряду крайний справа

в небольших коммунальных квартирах на 3—4 хозяина, комнаты могли вместить лишь человек 20—30, а как быть остальным? В молитвенном доме проводить молодёжные собрания не разрешали. Что же делать? Я решил проводить их на кладбище.

Недалеко от нашего молитвенного дома расположено Охтинское кладбище. Между утренним и вечерним богослужениями молодёжь стала проводить время там. Шли охотно, иногда до ста человек собирались. Заранее я находил заброшенную могилу, и мы, окружив её, начинали богослужение: пение было слышно далеко. Сходилось много неверующих, особенно когда стояла ясная погода. Люди думали, что совершается панихида. Там проходили прекрасные богослужения, звучали проповеди, песнопения, стихотворения.

На одном из таких богослужений ко мне подошла одетая в траур интеллигентная женщина (поняла, что я руководитель):

— Батюшка! Не могли бы вы совершить панихиду у могилы моего сына? Сегодня исполнилось 40 дней...

Как отказать в такой просьбе?

— Далеко могила его?

— Метров 150 отсюда.

Поручив другому брату совершать служение, я с группой друзей пошёл за женщиной. Возле свежей могилы её сына мы пели, говорили о Божьей любви, молились. В конце служения она, открыв кошелёк, хотела рассчитаться с нами, но я остановил её:

«Позвольте предложить вам лучший вариант: не будете ли вы возражать, если завтра мы проведём служение у вас на квартире? Вы соберёте всех родственников, а мы придём вместе с хором».

Женщина охотно согласилась. Её родственники оказались высокопоставленными людьми. На следующий день на квартире мы проводили служение до глубокой ночи: проповедовали Слово Божье, пели гимны, молились о скорбящей матери, о родственниках, в сердце которых так свежи были воспоминания о потере любимого человека. Затем пригласили их на воскресное богослужение в молитвенный дом. Впоследствии эта женщина обратилась к Господу и стала членом церкви.

По выходным дням молодёжь посещала небольшие группы искренних Божьих детей, живущих в пригороде. Старались собрать неверующих и проповедовали им о Господе. Кое-где милиция настигала нас, переписывала и отпускала, мы этому только радовались.

Некоторые молодые братья и сёстры посещали больных и свидетельствовали им о Господе. Однажды в больнице мы познакомились с одинокой молодой женщиной, которая умирала от рака, у неё оставалась 5-летняя дочь. Слово Господне женщина восприняла близко к сердцу и просила наших сестёр, ухаживающих за ней, позвать кого-нибудь из «старших» для исповедания.

Сёстры пригласили меня побеседовать с умирающей (не к Орлову же им идти с такой просьбой!). Услышав это предложение, я пригласил ещё одного брата, чтобы вместе засвидетельствовать больной о Божьей любви.

Подхожу к больничной койке. Женщина просияла, глаза влажные от слёз. Она приняла меня за «старшего» (мне было всего 25 лет), поцеловала по-православному обычаю мою руку и сказала:

— Батюшка, отпустите мне грехи...

— Милая, только Христос может отпустить ваши грехи: «Кровь Иисуса Христа очищает от всякого греха». Веруешь ли этому?

— Да, верю. Помолитесь обо мне.

У больничной койки я преклонил колени и помолился, чтобы Господь простил ей грехи и принял в вечные обители.

Женщина пыталась ещё что-то сказать, но лицо её искажалось от боли, смерть смотрела ей в глаза. «Прошу вас, похороните меня».

Я думал, что ослышался, но она повторила просьбу.

— Родственники у вас есть? — спросил я больную.

— Сестра есть. Дайте бумагу, я напишу в завещании, чтобы она дала вам право похоронить меня по-христиански.

Я узнал, что её сестра — член коммунистической партии, и стал ей возражать, но женщина настаивала на своём: «Разве последнее желание умирающего можно не исполнить? Я — христианка, — неужели так трудна моя просьба?»

Мне ничего не оставалось делать, как дать обещание. Пришла её сестра. Больная взяла её и мою руку:

— Катенька, дай слово, что разрешишь этому человеку похоронить меня...

— Как ты сказала, так и будет, — согласилась она.

Выйдя из больницы, Екатерина не могла скрыть удивления: «Какой счастливой вы сделали мою сестру! Она просияла перед смертью после общения с вами. Что же вы сказали ей?» На трамвайной остановке я засвидетельствовал ей о Боге, о вечности.

Ещё раза два я успел посетить больную. Вскоре состоялись похороны. Пел хор из 15 человек. Мы совершили молитву. Были на кладбище представители с её работы. Впервые в жизни они увидели христианскую молодёжь.

По нашим возможностям мы делали всё, что могли. Пресвитера мы не могли пригласить, да он и не пошёл бы: по законодательству о религиозных культах он не имел на это права. Если бы Орлов узнал об этом, отлучил бы нас от церкви за то, что вторгаемся в недозволенное.

Кто-то скажет: разве это нормальное явление, когда молодёжь втайне от пресвитера совершает служение благовестия, погребения? Но что нам оставалось делать? Мы были вынуждены проводить тайные общения по квартирам, на природе, потому что в молитвенном доме царила атмосфера весьма неблагоприятная для духовной жизни. Другого выхода не было.

Прошло года два моего активного служения среди молодёжи. Однажды Михаил Акимович остановил меня и сказал: «Мишенька, ты какими-то делами занимаешься среди молодёжи, смотри: как в церковные списки попал, так и вычеркнем...»

ПЛОЩАДЬ «ПЯТИ УГЛОВ»

В 1956 году ВСЕХБ искал в общинах способных молодых братьев для обучения в библейском колледже в Англии. Для верующих это было большой неожиданностью. Однажды после собрания Орлов М. А. вызвал меня на беседу:

— Брат Миша, лёд тронулся. Теперь можно готовить молодых проповедников. Хотел бы ты посвятить жизнь Господу и быть проповедником?

— Конечно.

— Я слышал, что ты среди молодёжи слово говоришь. Мы хотим послать тебя за границу. Приготовься, в четверг скажешь проповедь в собрании.

Похлопал меня по плечу и добавил:

— Да, кстати, в понедельник зайди к пяти часам вечера вот по этому адресу. Мы встретимся с тобой у «пяти углов» (общеизвестная площадь в Ленинграде, на которой сходятся пять улиц). Я тогда не знал, что по этому адресу находится резиденция уполномоченного по делам религиозных культов.

В нашей семье было принято советоваться обо всём с мамой, от неё мы ничего не скрывали. Дома я рассказал родным о разговоре.

— Ой, сыночек, не к добру это! Не надо ходить, — обеспокоилась мама.

Я был в нерешительности:

— Может быть, всё-таки сходить? Я ничего лишнего там не скажу.

— Ты знаешь, что там принимает Васильев (уполномоченный по делам религиозных культов)? — спросила она. — Лучше утвердись пред Господом.

— Если у тебя есть основание для беспокойства, подтверди это Словом Божьим, — настаивал я по наивности.

Она не могла привести конкретного стиха из Священного Писания, но духовный опыт подсказывал ей, что это плохо.

— Сынок, ты хочешь во всём угодить Богу?

— Да.

— Как ты думаешь, если не пойдёшь к уполномоченному, то согрешишь?

— Нет, — твёрдо ответил я.

— А если пойдёшь, ты этим огорчишь Господа?

— Не знаю.

— Если не уверен, лучше не ходи и тогда точно будешь знать, что Бога не огорчил.

Внутренне я с ней согласился, но попытался ещё возразить:

— Мамочка, когда-нибудь всё равно придётся встретиться с уполномоченным. Страшного в этом я ничего не усматриваю. Ведь трёх друзей Даниила бросили в печь, но огонь им не повредил.

— Сыночек, это верно. Но тех юношей связали и бросили, поэтому огонь их не коснулся. А если бы они сами прыгнули в печь, то сгорели. Так и ты поступай: когда свяжут и поведут, — Господь сохранит тебя. А если приучишься сам ходить по этим кабинетам, то попадёшь в сеть лукавого и пропадёшь. Твой отец так опрометчиво не поступал.

Я прислушался совета матери и не пошёл.

— Что ж ты не пришёл в понедельник? — спросил после собрания Орлов.

— Я смутился, нужно ли это?

— Мишенька, Мишенька, мы живём в такое время, что, если не переступишь порог уполномоченного, никакой карьеры на церковном поприще не сделаешь. Нельзя обходить это заведение, — такова жизнь, ты это поймёшь позже.

С тех пор мне не предлагали говорить проповедь в собрании.

Откровенное признание священнослужителя повергло мою душу в ужас. После этой беседы я ещё больше утвердился, что начинать служение Господу с благословения уполномоченного — недопустимое дело. Я понимал, что сотрудничество с органами власти по церковным вопросам — не наш путь, поэтому о поездке в Англию не могло быть и речи.

Я убеждён, что все религиозные деятели периода 40—80-х годов «сделали карьеру» на церковном поприще, уплатив за это цену доброй совести, пошли на компромисс и не устояли в истине. Лишь немногим удалось не запутаться в этих сетях лукавого.

Позже я благодарил Бога за родителей, которые научили меня Божьему страху и избавили мою юную душу «от сети ловца». За долгие годы служения Богу мне много раз приходилось иметь беседы с уполномоченным, быть на допросах в КГБ, часто эти сотрудники приезжали в лагерь для беседы со мной и склоняли на сотрудничество с ними по вопросам, касающимся церкви и некоторых верующих отдельно.

Господь помог мне сохранить себя чистым от сотрудничества с этими органами лишь потому, что с юности я был верно наставлен мамой. Я на всю жизнь запомнил её совет: «Когда свяжут и поведут, Господь сохранит тебя. А если ты приучишься сам ходить по этим кабинетам, то попадёшь в сеть лукавого». Так я и старался поступать, и Бог дал милость сохранить Ему верность.

ХРИСТИАНСКИЙ БРАК

25 июня 1981 года исполняется 20 лет создания нашей семьи. В эти дни, вспоминая о прошлом, я задаю себе вопрос: "Что было самым трудным для нас за время совместной жизни?" Думаю, что самая большая трудность для любящих сердец — это разлуки, частые разлуки...

Почему же мы испытали их так много? Отвечу охотно. Мы больше всего на свете любим Господа, вся наша жизнь от начала и до сего дня подчинена интересам Церкви, пользе Божьего народа! Другие верующие могут служить Богу в меру свободного времени, оставшегося от работы, от забот по хозяйству, но у нас в семье не так. Всё время, все силы, всё здоровье отдано служению Богу, а себе — что останется.

В юности я настолько увлёкся служением Богу, что, когда пришла пора жениться, совсем не имел денег. Принято, чтобы жених купил невесте отрез на свадебное платье, но у меня не было денег даже на новый свадебный костюм. На браке я сидел в костюме трёхлетней давности. Денег у меня не оказалось не потому, что я плохо зарабатывал, нет! Зарабатывал я больше моих сестёр (работал с 17 лет), но все мои средства я посвящал служению Богу среди молодёжи, и Он обильно благословил моё служение.

Брак состоялся в Молдавии (село Трушены) под открытым небом, во дворе родительского дома невесты. По тем временам свадьба вне стен молитвенного дома — явление небывалое. По законодательству о культах религиозные обряды, в том числе и бракосочетание, разрешалось совершать лишь «в помещениях, предназначенных для отправления религиозных культов». На браках петь религиозные песни запрещалось. Мы с умыслом нарушили эти безбожные правила и решили провести христианский брак открыто, пригласили как можно больше неверующих. На свадьбу собралось много народа из села, при-

Дружная семья Хоревых. 1954 г.

Хорев М. И. с женой Верой. 1961 г.

ехали гости — руководители молодёжи из разных городов.

Шло богослужение. Я с невестой сидел в соседней комнате, ожидая конца первой части. Вера была в венчальном платье. Через стенку доносился ход собрания, на которое пришли многие неверующие односельчане. Я подумал: когда ещё предоставится возможность засвидетельствовать о Господе жителям этого села?

«Вера, побудь здесь. У меня есть нечто сказать собравшимся. Я попрошу слова, думаю, жениха будут внимательно слушать», — неожиданно предложил я.

Конечно, в те годы не практиковали, чтобы жених перед сочетанием участвовал в проповеди. Но мне дали слово, и я проповедовал на тему: «За что я люблю Господа?» Все внимательно слушали свидетельство о Божьей любви.

Во время брачного пира, когда все гости сели за стол и поздравляли новобрачных, я увидел, что руководители молодёжи, приехавшие из многих мест, незаметно от других вышли из-за столов и прошли в сарай. Они должны были решить вопросы, связанные с организацией предстоящего молодёжного общения. Я понимал, что должен быть среди них. Но как это сделать? Пришли односельчане с поздравлениями (я с невестой — в центре внимания), уйти незаметно невозможно, перерыв неуместен, потому что брачный пир только начался. Я сказал моему другу Рихарду из Ленинграда (он сидел рядом со мной за брачным столом): «Я отлучусь к братьям на полчаса, а ты посиди на моём месте». Он охотно согласился. Я незаметно опустился под стол, вышел во двор и присоединился к совещанию братьев. Рихард сел на место жениха.

В начале 1961 года было много труда на Божьей ниве. Тайно от недругов, уединившись в сарае, мы решили некоторые организационные вопросы молодёжных дел, наметили совещание, подготовили программу общения. Моё участие среди братьев было необходимым. Через полчаса я вернулся на брачный пир таким же образом: пробрался под столом и сел на своё место. Брак прошёл благословенно.

Впоследствии односельчане, обсуждая нашу свадьбу, спорили между собой. Одни говорили: жених-то такой чёрненький, а другие: нет же, у него светлые волосы. По существу, и те, и другие были правы, ведь они по ошибке приняли Рихарда за жениха.

Власти решили, что «под видом свадьбы» в Трушенах организовали богослужение. Об этом стало известно в Ленинграде. Орлов М. А. недовольно выговаривал мне: "Как ты мог отпраздновать свадьбу не в доме молитвы?"

Сейчас я вспоминаю это далёкое событи, чтобы рассказать вот о чём. Накануне брака я просил Бога в молитве о жене, которая была бы богобоязненной, любящей детей и, участвуя в моём служении, без ропота оставалась одна. Тогда я ещё четко не представлял, какое у меня будет служение, но знал, что жизнь моя немыслима без проповеди Евангелия.

С другом Рихардом из Ленинградской церкви. 1961 г.

Одна из редких встреч в начале движения. 1962 г.

Оглядываясь на долгий путь моего служения, благодарю Господа, что желания боящихся Его Он исполняет. Моя жена никогда не говорила мне: оставайся со мной, мне одной тяжело и т. д. Знаю: если бы я даже взял с неё расписку: «Обещай, что не будешь препятствовать мне в служении», — это бы не помогло. Не в расписке дело! «Жена боящаяся Бога достойна хвалы».

Иногда спрашивают, что̀ важнее: жертвовать интересами церкви для устройства семейной жизни или же интересами семьи для устройства церкви? Ответ однозначен: Божье — всегда на первом месте. Но решение каждой семьи зависит от духовного состояния супругов. Когда муж и жена богобоязненны и для них интересы Царства Божьего превыше всего, они никогда не откажутся поставить Божье дело на первое место и непременно вместе понесут служение: жена на своём поприще, муж на своём. Ответственность за семью никогда не снимается с мужа, но без жертвенности невозможно угодить Господу.

Я имел успех в служении, потому что моя жена оказывала мне всестороннее содействие. В тяжелую минуту видя мою усталость, она говорила: если ты останешься дома, будет ущерб Божьему делу, не осудит ли нас Господь? Для меня это было большим ободрением.

ШАГИ ВЕРЫ

Совершенно неверно считать, что наш путь был только путём борьбы. Не только борьбы, но и побед! Выжить церкви в стране атеизма, открыто объявившей борьбу с Богом и Его народом, и остаться верными Господу в условиях жутких гонений — это один из весьма сложных, но благословенных моментов истории церкви в нашей стране.

То, что Церковь выжила, никому из людей в заслугу поставить нельзя. Слово Божье говорит: «Бог повесил землю ни на чём». Всё великое Бог устраивает Своей Божественной силой. Как земля по воле Творца устроена «ни на чём» и до сих пор незыблема, так Господь держит и Церковь Свою: «Я создам Церковь Мою...» Церковь Христа основана не на талантах и способностях Божьих служителей, а на драгоценной Крови Божьего Сына. Хотя во все времена Бог искал людей, которые добровольно стали бы в проломе.

На первом всесоюзном молодёжном общении в Молдавии (1960 год), задавали очень много вопросов. «Что делать? — спрашивали молодые братья и сёстры. — Мы не можем так жить! Пресвитер раздаёт билеты в театр, в кино...» Говорили, что нам не нужен религиозный центр, отступивший от истины. Предлагали отделиться от такого центра. Но в то же время молодёжь сознавала, что без старших братьев невозможно серьёзно вести Божье дело. Все понимали, что нужно что-то делать, а что именно, совершенно не знали. Блуждали, как в потёмках. Чувствовали, что есть верный путь, но некому было сплотить Божий народ и повести по этому пути.

Господь услышал молитвы скорбящих и воздвиг служителей, которым открыл через Своё Слово путь к выходу из кризиса.

13 августа 1961 года меня пригласили на совещание Инициативной группы по созыву Всесоюзного съезда церквей ЕХБ. Оно проходило в деревне Десна под Москвой. Здесь я впервые познакомился с Геннадием Константиновичем Крючковым. Помню тот день, когда он осветил состояние дела Божьего в стране и познакомил нас с идеей созыва съезда. Он подготовил текст Первого послания церквам. В нём предлагалось Божьему народу ходатайствовать перед правительством о проведении съезда, на котором можно было бы решить наболевшие внутрицерковные вопросы. Было также подготовлено «Послание президиуму ВСЕХБ», в котором вскрывались причины бедственного положения церквей ЕХБ и предлагались конкретные меры для устранения греха.

"Братья, — говорил Г. К. Крючков, — народ подготовлен воспринимать Божью истину. Официальное руководство — служители ВСЕХБ — уклонились от Господнего пути. Бог ждёт от нас решительных

действий..." Конечно, моё сердце загорелось. Решили рассылать по церквам Первое послание в том случае, если руководство ВСЕХБ воспротивится поддержать это дело.

Я спросил Геннадия Константиновича: «Хорошо! Мы распространим по церквам Послания, возбудим ходатайства о съезде, а что дальше? Это только первый шаг, а какой второй? Ведь отправляясь в дальнюю дорогу, надо знать весь маршрут». Он ответил: «Братья, самое главное утвердиться в правильности первого шага. Сделаем его в послушании Богу, а Он укажет и второй шаг. Мы должны ходить верой».

С верой в Божьи обетования был сделан первый шаг: в воскресенье 13 августа 1961 года в Москве на Покровском бульваре, рядом с молитвенным домом, служители Инициативной группы на коленке подписали написанный от руки текст Послания президиуму ВСЕХБ и, предав себя в руки Божьи, вручили его Кареву А. В. и Жидкову Я. И. в канцелярии ВСЕХБ. Богослужение к тому времени уже закончилось. Беседа длилась недолго. "У вас есть время подумать, мы вам позвоним и узнаем ответ", — сказал им Геннадий Константинович расставаясь. Решили в течение 10 дней ожидать ответа. Служители ВСЕХБ не знали, что было заготовлено Послание церквам.

В тот день я не ходил во ВСЕХБ, ожидал братьев на Покровском бульваре. Помню, когда они вернулись, мы зашли в столовую, взяли по стакану кофе и по бутерброду. Брат помолился: «Господи, благодарю Тебя за чудную сегодняшнюю победу! За великое начало! Ты начал, Ты и закончишь!» На сердце было очень приятно: кажется, ничего ещё не произошло, только вручили письмо, а брат уже благодарит за великую победу, которую совершил Бог. Это было воистину великое начало!

25 августа 1961 года Крючков позвонил Кареву. Тот, обсудив эти вопросы с органами власти, в самой категорической форме отверг всякую возможность созвать съезд. Служители ВСЕХБ не сочли это Послание серьёзным делом, не поняли, что это Бог начал действовать в Своём народе. Получив отказ, мы дали условный сигнал и почти одновременно приступили к распространению Первого послания Инициативной группы по всем церквам. В нём служители Божьи призвали к очищению и освящению и к жертвенному служению Господу без отступлений от заповедей Божьих. Народ откликнулся на этот призыв. Письма всколыхнули сердце многих. Равнодушных не было. Этот призыв нашёл горячий отклик и в моём сердце.

Надо сказать о втором шаге. Вскоре один из старших пресвитеров тайно сообщил: «"Новое положение" — это мелочь. Вот документ пострашнее!» И показал «Инструктивное письмо старшим пресвитерам ВСЕХБ». Перед тем, как ознакомить служителей Инициативной группы с этим документом, он попросил: «Дайте мне слово, что никто не узнает, кто̀ его вам передал». В этом секретном документе каждая строка была наполнена изменой Богу.

О существовании «Инструктивного письма» предполагали многие, но сам документ не видели. Переписали мы его и оставили втайне имя того, кто передал его нам. Служители Инициативной группы написали Второе послание с разъяснением "Инструктивного письма", разослали церквам — у многих открылись глаза. Верующие стали писать в Москву заявления с ходатайством о съезде. Бог действовал. Так был сделан второй шаг.

Первое послание подготовило почву, выявило сочувствующих, служители знали, с кем иметь дело. Второе послание Инициативной группы зачитывалось только в узких кругах, верующие рассуждали, молились. Началось брожение. Старшие пресвитера повсеместно отлучали от церкви братьев и сестёр, подписавших заявление о съезде. Уполномоченные Совета по делам религиозных культов использовали «возможности старших пресвитеров», чтобы подавить внутрицерковное движение. По местам стали арестовывать и увольнять с работы поддерживающих Инициативную группу. Так в суровой борьбе рождалось братство.

В этом великом движении пробуждения церкви, которое возбудил Господь в нашей стране, соединились силы юных и старцев. Горячо откликнулись на Божий призыв такие благословенные служители, как Шалашов А. А. из Челябинска, Кондрашов П. М. из Моздока, Цуркан С. Х. и Руденко Г. А. из Молдавии. Выявились такие, как Голев С. Т. Ему раньше предлагали работать старшим пресвитером во ВСЕХБ, но он отказался и с радостью включился в работу Инициативной группы. Мы нашли друг друга сразу, нас потянуло, как магнитом, к святому делу.

Христос сказал: «Кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что̀ нужно для совершения ее... Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство — просить о мире» (Лук. 14: 28, 31—32). Бог, начиная через Своих мужей великое дело в 1961 году, знал обо всём: и о силе атеистической власти, и о нашей малочисленности, и о нашей неопытности. Сознание того, что это великое пробуждение начал Бог, давало нам покой. Когда братья, подвизавшиеся с первых дней в Инициативной группе, хотели передать это дело опытным старцам, некоторые из них говорили: «В своём ли вы уме? Советские тюрьмы велики, и страна большая, вас спрячут — не узнаешь куда!» Когда лучник пустил стрелу, она уже не в его власти. Благодарение Богу, иногда хотя и страшно, но, повинуясь Ему, нужно начинать, а остальное сделает Бог.

Помню, сколько в первый год было трудностей и в то же время радостей. Братья ехали на первые совещания, а их арестовывали и судили за бродяжничество. Других брали от станка и обвиняли в тунеядстве, а Бог пробуждал Свой народ.

Бог всё усмотрел!

В 1961—1962 годах труда для Господа было очень много, и я не мог равнодушно оставаться в стороне от большого и благословенного дела, которое воздвиг Сам Господь.

Пресвитер Кишинёвской церкви Григорий Антонович Руденко хорошо понимал истину Господню и ещё до призыва Инициативной группы проводил отдельные богослужения с группой человек 30—40. Как добрый пастырь он оказал здравое влияние и на мою жену. Через время я увидел в ней большие перемены — слава Господу! «Кто есть человек, боящийся Господа? Ему укажет Он путь, который избрать» (Пс. 24, 12). Если жена боится Бога, всё остальное приложится, в этом нет сомнения. Вместе с ней мы посещали верующих, много рассуждали о сложившейся в церкви обстановке, молились, — и Господь оказывал милость.

В 1963 году на меня объявили всесоюзный розыск и заочно лишили ленинградской прописки. Совершая служение на нелегальном положении, я не мог прийти в ЗАГС для оформления свидетельства о рождении сына, и в его метрике в графе «отец» поставили прочерк. Но зло обратилось добром: моя жена получила в это время 2-комнатную квартиру в Кишинёве как мать-одиночка.

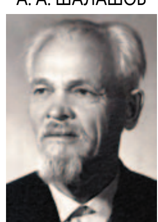
Жребий святых на земле

"К святым Твоим, которые на земле, и к дивным Твоим – к ним все желание мое".

Обратите внимание: всё желание Давида — к общению со святыми, "которые на земле", а не на небе. Почему? Святые, которые на небе, уже прошли своё поприще. Они не могут встать на защиту истины, обличить согрешивших, утешить изнемогших, подвергнуться ударам ради Христа, — это блаженный жребий лишь святых на земле. Поэтому я радуюсь всякой возможности не только веровать, но и страдать за Иисуса со всеми святыми, идущими тернистым путём. Ни один святой, водворившийся у Бога, не может участвовать в созидании церкви, они уже успокоились от трудов своих, а святые на земле с радостью несут всю ношу, весь труд, всё служение. Я безмерно счастлив,

Г. К. КРЮЧКОВ

А. А. ШАЛАШОВ

М. П. КОНДРАШОВ

П. Ф. ЗАХАРОВ

Г. А. РУДЕНКО

Н. П. ШЕВЧЕНКО

что Бог соединил мою жизнь с Его святыми на земле, которые оказали большое влияние на мою жизнь...

ММне приходилось совершать служение рядом с верными тружениками, ныне отошедшими в вечность: Шалашовым А. А., Кондрашовым М. П., Захаровым П. Ф., Шевченко Н. П. и другими.

Конечно, среди многих верных братьев особо отличался Геннадий Константинович Крючков. Впервые познакомившись с ним лично на первом совещании в августе 1961 г., Бог связал мою жизнь с ним в служении до сего дня.

В начале служения я испытывал много трудностей, так как у меня не было опыта, хотя я много трудился среди молодёжи в Ленинграде. Всесоюзное же служение несравненно сложнее, но Господь пошёл мне навстречу.

В первые годы я трудился с братом Александром Афанасьевичем Шалашовым. Этот старец был весьма богобоязненным и имел богатый духовный опыт. Он рукополагал пресвитеров очень осторожно, с большим благоговением и страхом. Я на практике учился у него пастырскому служению. Для меня это была необыкновенная школа.

Верный служитель нередко указывал, что очень немногие желают следовать за Христом, оставив всё. Одни ждут, когда подрастут дети, чтобы поднять их на ноги, дать им образование, и лишь потом говорят: я готов совершать служение. Другие обещают, что будут служить Господу, когда выйдут на пенсию. Третьи не могут оставить хозяйство, у четвертых — нет согласия в семье.

Александр Афанасьевич много и благословенно трудился на Божьей ниве. В 30-е годы арестовывали поголовно всех служителей. Он жил тогда в Умани, лежал парализованный, у него двигались только глаза. Его нужно было кормить и полностью обслуживать. Несмотря на это, его всё же арестовали, но продержали в тюрьме недолго, считая, что он уже не опасен для атеизма, поскольку физически не может нести служение.

В таком состоянии он пролежал 18 лет (до 1957 года), но Господь исцелил его и послал на труд духовного пробуждения евангельско-баптистского братства. В Челябинске жила массажистка — сестра Вера Абрамовна, немка. Она согласилась ему помочь. Из-за лечения ему пришлось переселиться всей семьёй в Челябинск. В этом были особые Божьи пути.

Вера Абрамовна с молитвой прилагала всё старание, и болезнь стала отступать. Сначала отпустило голову, освободилась шея, стали двигаться плечи. Границы онемения отступали всё дальше и дальше. Сестра говорила: «Дорогой брат, крепись, мужайся! Самое трудное будет в конце». И действительно, ему было очень тяжело, когда паралич отпускал пальцы рук и ног.

Так постепенно Бог поднял его с одра болезни, он ходил с палочкой, но твёрдой поступью. В 1962 году мы поехали посещать церкви по стране.

Помню Александр Афанасьевич молился: «Господи! благодарю Тебя, что Ты не считался с моими желаниями... 18 лет Ты держал меня в болезни. Ты для особого дела хранил меня, теперь я это понял».

Очень многие общины мы посетили с ним. «Выдержите?» — спрашивал я его перед дальней дорогой. — «А как же? Господь для этого меня и поднял!» Я был его «оруженосцем» и массажистом. Помню, едем с ним в Одессе в трамвае, положу его больные ноги на свои колени и массажирую их (они немели). Подъезжая к остановке, я его обувал, и мы шли дальше. Он никогда не жаловался на болезнь.

Осенью 1963 года Александр Афанасьевич окончательно слёг. Приехав домой, в Челябинск, он попросил повесить на стене против своей кровати палочку и брезентовую сумочку, которую он брал в дорогу, совершая служение. В неё он клал Библию, елей помазания, очки, перемену одежды и тапочки. «Больше ничего не нужно для Божьего служителя», — объяснял он.

Господь отозвал его в вечность 7 декабря 1963 года. Я приехал на похороны и увидел знакомую сумку, которую Александр Афанасьевич позволял мне носить во время совместных поездок, и посох, и поблагодарил Господа за то, что Он подарил мне возможность учиться у Его верных служителей, жизнь которых преисполнена благословений. У Бога всегда есть святые на земле, через которых Он совершает дело пробуждения.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

В Москве 18 мая 1966 года меня взяли под стражу прямо в приёмной ЦК КПСС, куда я пришёл узнать о судьбе арестованной накануне делегации верующих. Привезли в Лефортовскую тюрьму КГБ, где содержали арестованных у стен ЦК сотни верующих нашего братства, ходатайствовавших о прекращении гонений.

1 июня следователь вызвала меня на допрос. Пригласила сесть напротив. Нас разделял письменный стол.

— Как ваше самочувствие?

— Нормальное.

— Я хочу вам испортить настроение.

— Странно. Попробуйте.

— 30 мая арестован Крючков. Его допрашивают в соседнем кабинете...

Сердце моё сжалось. Неприятно, но я не подал виду.

— Ну что? Испортилось настроение? Молчите? Наверное, если бы устроили встречу, вам бы и говорить не о чем было! Генералы остались без армии. Зачем погоны нужны?

Я воспламенился и решил не молчать:

— Нет-нет, что вы! У меня есть что сказать ему. Более того, я даже знаю, что̀ он ответит мне.

— Не скройте, что̀ бы вы сказали ему и что̀ бы он ответил вам. Удовлетворите женское любопытство.

— Если бы мы встретились, я бы ему сказал: «Дорогой брат, Христос воскрес!» А он бы мне ответил: «Воистину воскрес!» И мы бы обнялись и порадовались.

Пренебрежительная усмешка появилась на лице следователя, а я продолжал:

— Если бы вы мне сказали: «Всё! Ваше дело закончилось — вчера арестовали Иисуса Христа и завтра на Красной площади Его будут вновь распинать, как на Голгофе». Вот тогда — беда. Но ведь вы Его не арестовали?

— Да! Прокурор не ошибся, выдав санкцию на ваш арест, — в её голо-

Здание ЦК КПСС в Москве

Лефортовская тюрьма

се слышалось неизмеримое злорадство.

Я покидал кабинет следователя в приподнятом настроении. Воскресший Христос был для меня исключительным ободрением. Месяца три меня вообще не допрашивали — всё собирали улики по нарушению Законодательства о религиозных культах.

УСЛЫШАННАЯ МОЛИТВА

В первые дни ареста в мае 1966 г. я попросил у Господа Евангелие. Знал, что в тюрьме необходимо с первого дня бороться за эту святую Книгу. Однажды открылась дверь камеры и офицер спросил: "Какие есть нужды?" — "Никаких", — ответил я, совсем забыв о главном. В тюрьме я был новичком и немного растерялся. Офицер собрался уходить, и тут я вспомнил о Библии. "Подождите, — остановил я его, — я — христианин и прошу дать мне возможность пользоваться Библией." Через несколько дней в камеру принесли Новый Завет. Моему торжеству не было предела. Святое Слово лежало на тумбочке возле моей койки. (Евангелие находилось со мной весь срок, но за 4 месяца до освобождения исчезло.)

Камера рассчитана на двоих. Заключённые менялись редко. Моим сокамерником был Евгений Израилевич — директор универмага на Украине. Он более года находился под следствием. Хотя Евангелие лежало открыто и было всегда доступно, он никогда им не интересовался. Иногда соглашался послушать чтение Слова Божьего, но истину не принимал и слушал всегда с иронией.

Однажды, заручившись согласием, я вслух читал ему слова Иисуса Христа: «Проси́те, и дано будет вам... ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Услышав эти слова, Евгений Израилевич остановил меня:

— Скажи, если ты попросишь яблоки, Бог даст?

— Здесь ничего не написано о яблоках, но слова Христа: «о чём ни попросите — будет вам», включают в себя и яблоки. Для Бога нет ничего невозможного.

— Тогда помолись, чтобы Бог послал мне яблок, — настойчиво попросил он. — Я больше года их не ел, а здесь одна лишь тюремная похлёбка.

Внутренне я не был расположен молиться об этом. Нельзя обращаться к Богу, как к официанту в ресторане: подай мне яблоки, подай помидоры. «Не хлебом одним будет жить человек». Но сосед проявил неотразимую настойчивость: «Если это правда, что ты сейчас прочитал, то помолись...»

Я стоял перед выбором: совсем отказаться от его просьбы или же сразу помолиться с верой в Божье обетование. Поразмыслив, я ответил: «Евгений Израилевич, через 10 минут я дам ответ, мне нужно спросить у Бога можно ли мне об этом молиться или нет?»

10 минут прошли быстро, и Господь меня утвердил: нужно молиться.

Я преклонил колени, сосед подсел рядом на койку и был внимателен к каждому моему слову. Я хотел, чтобы моя молитва была понятна еврею:

«Бог Авраама, Исаака и Иакова, — начал я. — Благодарю Твоё святое имя за то, что Ты избрал Себе особый народ, за охрану в странствовании Израиля по пустыне, за многие чудеса, творимые через Моисея. Благодарю за то, что во все времена Ты один и Тот же — чудный, всемогущий... Господи, в лице Евгения Израилевича я вижу народ, который искушал Тебя в пустыне, а Ты питал их манной. Получая просимое, они роптали на Тебя и забывали благодарить. Вместо того чтобы встать со мной на колени и попросить у Тебя милости и спасения, он просит яблоки. Твой народ каким был в древние дни, таким остаётся и ныне. Но когда Твой народ просил у Тебя в пустыне мяса, Ты Ему давал. Когда они Тебя огорчали, Ты всё равно был внимательным к их прихотям. Пошли Евгению Израилевичу яблоки, он так по ним соскучился...»

Во время молитвы он шепнул мне на ухо: «Антоновку попроси...»

Я на миг приоткрыл глаза и мельком посмотрел на Евгения Израилевича. На его лице не было ни тени иронии, меня удивил его серьёзный тон. Как будто бы мы стояли у прилавка магазина и нам нужно лишь заказать какие яблоки из-под прилавка достать. В его лице я увидел прихоть всего еврейского народа. И, продолжая молиться, сказал: «Господи, Евгений Израилевич просит у Тебя не какие-нибудь яблоки, а "антоновку". Пошли ему. Мы будем ожидать ответ на эту молитву. Аминь».

Встал с колен, молчу, а он озабоченно спросил:

— Ну, когда яблоки ждать?

— Мне Бог об этом ничего не сказал.

— Но ведь всякий просящий получает? — уточнил он.

— Конечно.

— Недели две–три подождём?

— Евгений Израилевич, что с нами случится, если и четыре подождём?

С этого дня он ждал ответа на молитву так, как ждут посылку, которая задержалась в пути, но отправитель уже дал знать, что отправил её адресату.

Дни летели за днями, а в это время моя мама ежедневно приходила к стенам Лефортовской тюрьмы, садилась на лавочку и сидела. Ей доставляло удовольствие останавливать у проходной какого-нибудь офицера и просить передать что-то сыночку. Чаще всего они пожимали плечами, улыбались, иногда по неотступности брали, но мне никогда ничего не передавали. Однажды она попросила офицера передать мне яблоки.

— Яблоки не положено принимать для передачи... А впрочем, принесите их в окошко приёма, а я дам указание. Как фамилия, имя и отчество осуждённого?

Мама сказала мои данные. Он записал. Этот офицер был ответственным за приём передач осуждённым и, видимо, по какой-то причине расположился к скромной пожилой женщине.

Мама остановилась в Москве у знакомых верующих. Накануне им привезли два мешка яблок, поэтому она и завела разговор с офицером о фруктовой передаче. Приготовила около 5 кг яблок, и в этот же день их приняли в окошке для тюремных передач. Но я об этом ничего не знал.

Со дня нашей молитвы прошло уже три недели. Открылась "кормушка" (окошко в двери камеры, через которое подают пищу), надзиратель спросил: «Хорев здесь?» — «Здесь». — «Как вам передать?» (В "кормушку" ящик явно не помещался.) Открыв дверь нараспашку, офицер занёс в камеру ящик с яблоками и высыпал их на мою койку.

Евгений Израилевич подошёл, осмотрел яблоки, понюхал: «Хороши, но не все "антоновка". Зря мы не попросили только "антоновку"...»

Я был удивлен: как всё это похоже на древний Израиль! Манна сыплется с неба — вкус её не тот. Вода питьевая изливается из камня, — а им перепелов недостаёт. Бог послал мясо — вот бы ещё горькие травы, приправы, иначе — «вернёмся в Египет...»

Сосед протянул руку к яблокам, но я остановил его: «Евгений Израилевич, я хочу прежде преклонить колени и воздать славу Богу». В молитве я так и сказал: «Господи, наверное, Ты, отвечая на просьбу Евгения Израилевича, ждал от него благодарности, но её нет. Благодарю, что Ты и в наши дни не отверг Израиль в его жестокосердии...»

Истощённый организм Евгения Израилевича нуждался в витаминах. Я с пониманием отнёсся к нему.

Служители Божьи, узники в Господе, испытали на себе, что̀ значит «открывайте свои желания перед Богом...» Не сказано, что всё исполнится, но «мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдёт сердца и помышления ваши во Христе Иисусе». Казалось, желание, связанное с пустяком, — яблоки, но Господь «желания боящихся Его исполняет».

"ЗОЛОТОЙ"

1966 год. Меня отправили этапом из из пересыльной Московской тюрьмы на Красной Пресне в калужский лагерь общего режима. Это был мой первый срок. Испытания начались сразу. Дежурный офицер, познакомившись с документами моего дела, обнаружил ошибку в записях по вине тюремного начальства и сказал: «Хорев, по ошибке на твоём конверте написано "ст. 144" вместо

"142". (По ст. 144 судили карманных воров.) Можно исправить, но тогда придётся ждать новый этап, а он будет через неделю. Если хочешь быстрее, отправляйся на этап с этой статьёй. Когда тебя будет принимать конвой и спросит: "Какая статья?", скажи: "144", и всё пройдёт незаметно».

Мне стало жутко от такого предложения. Конечно, я сильно устал в душной тюремной камере, мне очень хотелось на этап, и я молился: «Господи, не введи меня во искушение, но избавь от лукавого. Укажи, что же теперь делать?» И Бог проявил Своё всемогущество.

В "воронке" (специальной машине для заключённых), нас привезли на железнодорожную станцию прямо к "столыпинскому" вагону. Началась обычная процедура: начальник конвоя вызывал заключённых по одному и проверял их по документам. Наконец спросил меня: «Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения? Уроженец?» Ответил. Он сверил. «Статья?» — Я ответил: «142». Не мог сказать: «144», как Бог на это посмотрит? «Какая?» — переспросил начальник, я уверенно повторил: «142». Он взял меня за шиворот и, смеясь и злословя непотребными словами, толкнул в толпу проверенных заключённых: «Воровать умеешь, а статью запомнить не можешь!» Все засмеялись, и я под их дружный хохот впервые в жизни вошёл в "столыпинский" вагон.

В купе уже разместились заключённые, в основном совсем юные преступники, по существу, ещё дети, осуждённые на небольшие сроки. Они окружили меня: «Какая же у тебя всё-таки статья?» Я вынул свои скромные "пожитки", достал приговор (он всегда был при мне) и показал. Все убедились: статья 142. Начались расспросы, удивления, споры, а главное — свидетельство о Господе в этой тьме преступного мира.

Этап из Москвы в Калугу продолжался недолго. Напротив меня сидел заключённый по имени Саша, а по кличке — «Золотой», с рыжими волосами. Тюремной жизни он не знал. По характеру наглый.

— Так что, батя, поклоны отвешиваешь? Лоб разбиваешь на молебнах? — спросил он с бравадой.

— Нет, Саша, с моим лбом всё в порядке, а то, что я молюсь Богу, — это верно, — старался я смягчить его вызывающий тон, но он продолжал задавать издевательские вопросы, хотя делал это неумело, как начинающие атеисты, которые толком и сами не знают, о чём спорить.

— Ну, как там сказано? В одну щеку ударь, другую подставляй? Подскажи, как это звучит.

— Сашенька, нам с тобой два года жить в одном лагере, потом всё узнаешь, — и решил больше с ним не состязаться. Он очень раздражился и, движимый неприязнью ко мне, собрал во рту мокроту и имел удовольствие при всех плюнуть мне в лицо. Неприятный плевок потёк по щеке. Я уклонялся от спора с ним, но, видимо, когда говорить нечего, а злобы много, не остаётся ничего другого, как оскорбить человека.

Я вынул носовой платок, вытер лицо. В сущности, ничего страшного не произошло, и Христу плевали в лицо, а ученик не выше Учителя. Если с моим Господом так поступали и Он терпел всё, то и я должен относиться к этому спокойно.

С верхних полок в купе спрыгнули два заключённых постарше, набросились на «Золотого». «Нет, уж, ребята, позвольте мне самому с ним рассчитаться, поскольку это произошло со мной. Поднимайтесь наверх», — кое-как удалось всех успокоить. В молитве я просил у Господа силы простить обидчика от всего сердца. С Сашей я больше не разговаривал. Вскоре его и меня отправили отбывать срок в один лагерь. Он освобождался на год раньше.

Жили мы в разных отрядах, виделись почти ежедневно. У него было своё окружение, у меня — своё. Он играл в карты, и, как обычно в преступном мире, неопытные юноши окунаются в омут пороков с ненасытимостью.

Однажды подошли ко мне заключённые (из числа воров) и спросили: «Святой отец, это правда, что "Золотой" плюнул тебе в лицо на этапе?» Я понял: видимо, он проигрался в карты и на него собирают компромат для расправы.

— Ребята, я не хочу никаких разборок. Я его за всё простил, не надо об этом вспоминать.

— Нет, ты скажи, было такое или нет? — не отступали они.

— Думаю, он сам ответит, но у меня к нему нет никаких претензий.

Они ушли, я понял, что вокруг Саши сгущаются тучи. В среде преступников стóит один раз впасть в немилость, как тут же вспомнят все провинности.

Как-то, прогуливаясь, я услышал от заключённых, что за бараком убивают "Золотого". По зову сердца я побежал помочь обречённому. Заключённые уже топтались по нему. Он лежал без сознания, в крови, но был ещё жив. Я всех отогнал, волоком потащил его в санчасть, вскоре он пришёл в себя. Медики никакой помощи ему не оказали. Я нашёл мужчину средних лет, который не побоялся помочь мне принести его в отряд. (По законам преступного мира не принято оказывать помощь тем, которых бьют за проступки, но узники в Господе живут по другим законам, руководствуясь Божьими заповедями, и с этим считается преступный мир.) Мы уложили его на койку на втором ярусе. Влажным полотенцем я вытер ему окровавленное лицо. Все внутренности у него были отбиты.

Он лежал около трёх месяцев. В последнюю неделю до освобождения он мог уже вставать. Каждый день из любви к нему я ухаживал за ним: приносил еду из столовой, кормил из ложки. Когда чувствовал, что организм не принимает лагерную пищу, старался приготовить что-нибудь из своих продуктов, например, находил печенье, размачивал в горячей воде и этим кормил его, как ребёнка. Молодой организм через три месяца победил болезнь, но от откровенного разговора со мной Саша уклонялся, по-видимому, его осуждала совесть.

В день его освобождения он, опираясь на палочку, пошёл к выходу. Я решил проводить его и дать на прощание напутствие. У проходной Саша оглянулся: «Святой отец... прости меня, прости за всё...» В его красивых голубых глазах стояли слёзы.

«Сашенька, я тебе простил сразу, в моём сердце не осталось обиды, ведь ты же никогда не слышал о Господе и твои прежние поступки — это результат атеистического воспитания. Ты никогда не читал Библию и, кроме насмешливого отношения к Божественным истинам: "кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую", — тебя больше ничему не научили ни в семье, ни в школе. Выйдешь на свободу, постарайся найти верующих, почитать Библию...»

Мы сердечно беседовали с ним на глазах у всего лагеря. Из всех окон за нами с любопытством наблюдали заключённые. Для них была непонятна жизнь узника в Господе, поэтому я стал для них зрелищем.

Насмешки, озлобления, переносимые узниками в Господе, никогда не могут повредить нам, если сознаём, что мы посланники Христа в узах. Не беда, если нам кто-то плюнул в лицо, главное, научиться побеждать зло добром, и если это унижение принесёт славу моему Господу, то да будет имя Его благословенно! Если с Ним терпим унижения, то «с Ним и царствовать будем».

ВТОРОЙ АРЕСТ

19 декабря 1969 года меня арестовали второй раз. Накануне ареста здоровье Веры было в критическом состоянии. Её срочно нужно было положить в больницу. Несколько раз она уже лежала там с этим же диагнозом, и теперь надежды на помощь врачей не было. Я встревожился, видя её страдания. Предчувствуя, что нам недолго быть вместе (за нашим домом установили круглосуточную слежку, по городу меня сопровождали машины с людьми в штатском), я помолился Господу, а потом сказал:

— Милая, в больницу ты больше не поедешь.

— Что же мне делать? — вопросительно смотрела она на меня.

— Верочка, самое главное открыть свои желания перед Богом и успокоиться. Ни к кому не станем обращаться за помощью, кроме Господа. Будем с верой ожидать от Него свой жребий.

Она лёжа помолилась, затем я совершил молитву. Прошла неделя, она почувствовала, что исцелена. Мы радовались, что всё обошлось без больницы.

19 декабря в день моего рождения выпал снег. В этот день я обещал сыновьям купить подарки. Взял детей и поехал в магазин. Купил им коньки, пристегивающиеся к валенкам, и детские лыжи. Придя домой, радостные и счастливые, они рассматривали обновки. Но уже через несколько минут раздался тревожный звонок в дверь... Открываю — два милиционера предъявили документы и с порога объявили: «Вы арестованы».

Позже сын Павлик спросил меня:

— Папа, почему ты взял нас в магазин, если подарки предназначались нам? Подарки делают неожиданно...

— Сынок, по моим пятам уже шла слежка. Я взял вас только для того, чтобы меня по дороге не арестовали.

Мне дали время переодеться, а сыновья тем временем примеряли в зале коньки, лыжи, и, обращаясь к милиционеру, говорили: «Дядя, посмотри, какие подарки нам папа купил...» Они были маленькие и не понимали, что в этот день нашего семейного праздника мы расстаёмся на годы.

Как только я переоделся, милиционер взял меня за рукав: «Пойдём». Меня торопили, а Вера твёрдо сказала: «Никуда он не пойдёт, пока мы не помолимся Богу». Пришедшие не возражали. Мы преклонили колени, помолились. Мне было приятно видеть, как стоявший в зале милиционер снял во время молитвы головной убор. Мы попрощались, и меня повели по лестнице вниз. Впереди и сзади шёл милиционер. Вдруг кто-то из детей выбежал на лестничную площадку: «Дядя, вы когда папу отпустите?» Он что-то ответил. Но в моей памяти навсегда осталась эта трогательная картина прощания с семьёй: все стояли на пороге, махали мне рукой и улыбались.

Когда меня вели по лестнице, соседи прятались, им было ясно, что ведут арестованного. На втором этаже жила злорадствующая женщина. Она открыла дверь квартиры и, улыбаясь, произнесла: «Ну, что, допрыгался? Ты нашёл своё, баптист...» Последнее слово она проговорила с особой неприязнью.

"Радость нечестивых кратковременна". Я молча прошёл мимо неё.

Меня посадили в "воронок", который стоял на углу нашего дома, и привезли в кишинёвскую тюрьму. В этот же день Веру положили в больницу: от нервного потрясения она заболела вновь и провела на больничной койке около трёх месяцев. Дети остались одни. Господь о них позаботился: нашлись исполненные любви и сострадания верующие, которые приютили их. Ровно через три года мы опять встретились в день моего рождения и радовались после нелёгкой разлуки. Если бы не было разлук, то не было бы и радостных встреч!

Органы власти анализировали и изучали зарождение Совета церквей ЕХБ. В 1970 году на одном из допросов несколько человек вели со мной непринуждённый разговор. Им интересно было узнать: кто планирует в Совете церквей всю работу?

Пожилой мужчина в кителе прокурора (не знаю какого ранга) спросил:

— Михаил Иванович, как вы попали в Молдавию? Это не в порядке допроса. Хотелось бы от вас услышать правду.

— Разве вы не знаете, что у меня жена молдаванка?

— Скажите, почему вы избрали в жёны молдаванку?

— Мы встретились и полюбили друг друга — вот и всё!

— Вы хитрите, не говорите всю правду.

— Никак не могу вас понять...

— В Совете церквей буквально всё продумано: прежде чем началась работа Инициативной группы, вы на два месяца раньше женились на молдаванке, видимо, по поручению, чтобы Совет церквей мог пустить корни в Молдавии...

— Поручений в этом вопросе не было, — возразил я. — Вам известно, что до 1962 года мы жили в Ленинграде, потом по семейным обстоятельствам переехали в Кишинёв. Здесь получили квартиру и живём.

— В том-то вся продуманность и тонкость вашей работы. Вы жили в Ленинграде, необходимости в переезде у вас не было: прописка постоянная, вы — коренной ленинградец. Кто же променяет Ленинград на периферию? Вы получили от Совета церквей направление в Молдавию и поэтому здесь обосновались. Каким образом, кстати, вас прописали?

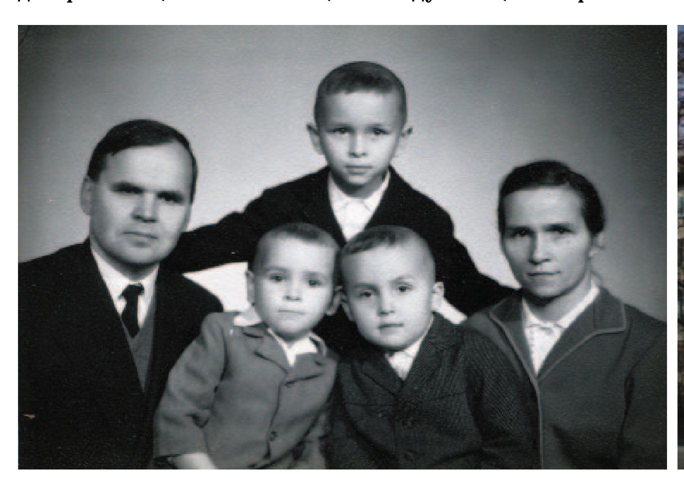
— Совершенно беспрепятственно. Из Ленинграда меня выписали заочно в 1963 году, а в 1965 поставили штамп о выписке.

— Вот видите, до 1965 года вы не показывались в Ленинграде. Вы были во всесоюзном розыске. Узнали о потеплении в 1965 году и спокойно пришли в паспортный стол. Наша ошибка, что мы прописали вас...

Бессмысленно было их убеждать, что никто ничего не планировал, что стечением обстоятельств управляет Бог. Они ничему не верили.

После этой беседы меня привели в маленькую одиночную камеру, там я анализировал дневной разговор и удивлялся: какой премудрый Бог! В целом они правы: всё запланировано удивительно вовремя, но не человеком, а Богом. Он обо всём позаботился: и о людях, готовых для жертвенного служения, и об обстоятельствах, способствующих развитию Его великого дела. Диспетчер и Руководитель духовного пробуждения в нашей стране — Сам Бог! Никакой человеческой предусмотрительности не хватило бы для столь благословенной работы.

Воистину мы начинали служение, не имея ничего, кроме доверия Господу! Единственное, что мы знали, — это как в послушании Ему сделать первый шаг! Второй увидели тогда, когда с верой сделали первый. Вот так и шли верой шаг за шагом, получая откровения от Бога, и радовались тому, что Он шёл впереди нас.

Перед вторым арестом

Здесь Михаила Ивановича арестовали второй раз (Кишинёв, Минская, 28)

ОТКРОВЕННЫЙ ШАНТАЖ

Представители КГБ много раз склоняли меня на сотрудничество с ними по вопросам, касающимся церкви и некоторых верующих отдельно. В такие дни я вспоминал участь Иуды и других, ему подобных, и твёрдо решил: лучше быть всю жизнь в заточении, чем предавать интересы церкви.

Во время второго срока, который я отбывал в 1971—1972 годах в Молдавии в г. Сороки, ко мне несколько раз приезжал из Кишинёва представитель КГБ, некий капитан Скорце В. и оказывал на меня психологическое давление. Однажды он приехал в лагерь через неделю после двухсуточного свидания с женой, тремя сыновьями и сестрой и вызвал меня на беседу. Отбрасываю его общие вопросы: как здоровье? не обижают ли? как кормят? здорова ли жена? доволен ли свиданием? — вся эта шелуха нужна была ему для вступления.

— Я приехал по серьёзному вопросу, — приступил он к сути. — Ваша жена подписала документ, который попал в ООН. В нём упоминается о якобы имеющихся в нашей стране гонениях на верующих...

— Подписала жена, с ней и разговаривайте. Зачем вы ко мне приехали?

— С ней будут разговаривать другие сотрудники. Ясно, что за клевету её привлекут к ответственности. Нам уже поздно беседовать с ней. Мой приезд вызван беспокойством о судьбе ваших детей: жену арестуют — с кем останутся ваши малолетние? В Ленинграде ваша мать умерла. Что вы об этом думаете? — при этих словах он пристально смотрел мне в глаза.

— С какой это стати органы КГБ стали беспокоиться о моих детях?

— На то мы и государство, чтобы виновных карать, а беззащитных ограждать.

Я понял его тактику: он испытывал мои нервы, играл на чувствах любви к детям и хотел что-то выторговать.

— О семье я с вами разговаривать не буду. Если жену арестуют, она распорядится куда и кому определить детей. Мне с этой колокольни далеко не видно, мнений своих не имею.

Знаю, что Скорце на этом не успокоится, будет меня опутывать дальше. Молчу и жду.

— Можно пойти другим путём: жену не трогать. Вопрос этот ещё окончательно не решён. В нашей власти просить прокуратуру как-то притормозить арест, но при одном условии: вы напишете жене, чтобы она никогда не подписывала документы Совета родственников узников, чтобы не участвовала в этой "банде", не смущала простой народ, не будоражила умы. Разъезжает, какие-то списки узников собирает! Зачем ей это нужно? Напишите, и мы пересмотрим её вопрос, всё-таки дети малые... Не было бы детей, разумеется, мы поступили бы строже...

— Подписывать я ничего не буду...

— Действительно, зачем заниматься бумажной волокитой? — и тут же предложил: «Давайте сделаем так: на следующей неделе администрация организует вам поощрительное свидание на трое суток...»

Я почувствовал, что нужно занять решительную позицию, и прервал его:

— Мне свидание не положено. Следующее только через год.

— Мы всё устроим. Администрация пойдёт на уступки. Почему бы не побыть на свидании, не поговорить с женой лично, и тогда отпадёт нужда в письме.

— Мне очень хочется встретиться с семьёй, но не на таких условиях. Такого свидания мне не нужно. Указывать жене где, какую подпись ставить я не собираюсь. Тем более, я всегда был сторонником поддержки всех наших христиан-узников и оказания им содействия и помощи!

— Ну, что ж, смотрите. Подумайте: правильное ли вы поступаете?

— Прошу вас, откройте дверь и отпустите меня.

Скорце продолжал сидеть. Форточка из кабинета выходила в прогулочный дворик, оттуда доносился разговор заключённых.

— Я устал, не хочу с вами беседовать. Если не откроете дверь, мне ничего не останется, как крикнуть в форточку и попросить о помощи.

— Михаил Иванович! К чему эти крайности? Разговор окончен, подумайте...

Разговор-то закончился, а я несколько дней ходил под впечатлением. Моим детям — 9, 8 и 6 лет. Переживал я до тех пор, пока, доверившись Господу, не отправил жене письмо: «Милая, крепись! Мужайся! Твёрдо стой на позициях Церкви Христовой. Не уступай ни в чём противнику! Ничего не бойся!»

Об угрозе ареста она узнала лишь через год на очередном свидании. Её никто не вызывал ни до, ни после по поводу письма, попавшего в ООН. Скорце просто шантажировал меня, пытался надломить дух, заставить переменить взгляды, чтобы я остановил участие жены в благословенном служении ходатайств об узниках.

Письмо из лагеря г. Сороки 03. 02. 72 г.

"Виделся со Скорцой... Среди прочих рассуждений он говорил и об условно-досрочном освобождении (моя статья подходит).

Верочка, мне дорога свобода, я рад быть с вами, но не хочу получить свободу любой ценой. Если бы я даже и вернулся домой раньше месяцев на 6—8, то многие недоумевали бы. Для меня сохранить честь немаловажный фактор. Так что жди меня в декабре.

Верочка, у меня есть большая просьба: ничему столько не уделяй внимания, как деткам. Главнее вопроса у тебя нет".

ОПЕРЧАСТЬ

Однажды вызвали меня в оперчасть. Офицер стал расспрашивать о семье, о личной жизни.

— Гражданин начальник, меня пригласили не в благотворительное общество, а в оперативную часть. Поэтому прошу вас, не теряя времени, конкретно объяснить по какому вопросу меня вызвали.

— Познакомиться с вами.

— Для знакомства в отряде есть начальник. В оперчасть для знакомства не вызывают.

— Что вы думаете об оперчасти? — испытывающе улыбнулся он. — Вы знаете, какие функции мы выполняем?

Он разговаривал намёками. Изучал: буду ли я с ними сотрудничать.

— С функциями оперчасти я знаком, однако сотрудничать с вами не буду не только сейчас, но и никогда. Этому меня учит Евангелие, которое я принял сердцем. Оно стало моим убеждением. Верующие не относятся равнодушно ко греху. Мы отказываемся от него и обличаем делающих грех. И никогда не поощряли преступлений. Но методы исправления преступников у нас, как у духовных лиц, совершенно другие и не строятся на доносительстве. Поэтому я говорю вам о своём убеждении сразу.

Мы расстались по-хорошему. Он обещал вызвать ещё, но не вызвал.

Может быть, вы не знаете, что̀ такое оперчасть, тогда я вкратце опишу. Среди заключённых все отношения строятся на слежке друг за другом. Кто что сказал, чем занимался, что принёс или отнёс, куда и кому, у кого какие планы и прочее, — всю эту информацию оперчасть получает от своих агентов, которые являются тайными осведомителями.

Я далек от того, чтобы осуждать их за это, ибо такова форма работы КГБ. Впрочем, она и на воле такая же. Они везде имеют своих осведомителей, и даже в церкви! Но это — особый разговор.

Вы обратили внимание, что в разговоре с офицером оперчасти я был предельно конкретным и сразу высказал своё отношение к сотрудничеству с ними? Нужно ли быть таковым? Скажу, что Иисус Христос одержал победу в разговоре с дьяволом Своей конкретностью: «Написано, написано, написано...» Трижды дьявол обращался с различными предложениями, и трижды Христос отражал его нападки Божьим Словом. Ничего лишнего в их диалоге не было. А в конце: «Отойди от Меня, сатана!» Разговор был коротким, а победа — великая.

Ева же потерпела поражение в беседе с дьяволом, потому что много говорила, высказывала опасения, вдавалась в уточнения, и — пала!

Очень важно юноше, куда бы Бог его ни

повёл, сразу сообщать окружающим, что он христианин. Впоследствии ему самому будет легче.

Молодой брат рассказал мне: когда его проводили в армию, в поезде он постеснялся сказать, что верующий. Вместе со всеми смеялся, слушая грязные анекдоты, хотя совесть его осуждала. После этого он и вовсе не мог признаться, что верит в Бога. С каждым днём сделать это становилось всё труднее, а в результате — мирская жизнь. О, как трудно было ему подняться!..

Чтобы вам понять, насколько серьёзен этот вопрос, поведаю о человеке, который был верующим с юности. В 36—37 лет он стал пресвитером, очень любил свою большую общину. Когда начались угрозы со стороны гонителей, вначале бодрствовал. Рассказал мне, как Бог дал ему мудрость даже законодательство о религиозных культах не исполнять. Говорил: «Это — великий грех». Но постепенно он нашёл общий язык с уполномоченным. Я был удивлён его изворотливости и попросил рассказать, как ему это удаётся.

«Меня вызывали в соответствующие органы и ругали, что я развёл активную религиозную деятельность: и призывные собрания устраиваю, и крещение преподаю без согласования с уполномоченным, и детей допускаю к участию в служении, и многое другое. Грозили, что эти действия караются законом по ст. 142 УК РСФСР. Я их внимательно выслушивал и пояснял, что я человек сельский и делаю всё, как лучше, а о существовании такой уголовной статьи ни разу не слышал. Они смеялись над моим «тупоумием», а я, притворяясь простачком, втайне посмеивался над ними. Давид тоже притворился безумным перед Гефским царём Анхусом.

— А ты, брат, как бы поступил? — спросил он меня.

— В этих случаях я решительно заявляю, что выполнять законодательство о религиозных культах никогда не буду, потому что оно противоречит учению Иисуса Христа.

Пресвитер не согласился со мной: «Неразумно открывать себя врагу. Пусть он не знает, о чём ты думаешь и что планируешь».

Спустя некоторое время мы встретились вновь. Он предложил мне провести беседу в его церкви. Я это сделал. Среди прочих вопросов затронули тему ходатайства о гонимых, об отношении к регистрации, о законодательстве и другие.

После этой беседы его как пресвитера вызвали, конечно, в соответствующие инстанции и спрашивали: почему верующие его общины пишут ходатайства? Он отвечал так:

— Лично я ничего не писал, понимая, что надо уповать на Бога и Он защитит. Но так как некоторые разумеют иначе, то ради единства я разрешил писать ходатайства.

— А почему в вашей общине неодобрительно отзываются о законодательстве?

— Я — неграмотный, и в этих вопросах не разбираюсь. Если гости что-то и говорят, то каждый даст отчёт за себя.

Община, о пресвитере которой я рассказываю, большая, и ему понадобился помощник. «Мне тяжело, я уже старый», — указал он причину. Избрали помощника, хорошего, ревностного служителя.

Вскоре пресвитера вызвали опять и предъявили те же обвинения. На этот раз он возложил всю вину на помощника: «Я занимаюсь только богословием, а мой помощник — остальными вопросами, в которые мой разум не может проникнуть...»

После этого помощника арестовали и осудили по 142 ст. Уголовного кодекса.

В очередной раз встретившись с пресвитером, я поинтересовался, как идут дела в церкви. Он был всем доволен и попрежнему считал, что молодые братья неразумные, не умеют лавировать. В пример ставил себя. «Где-то простачком, где-то юродивым надо прикинуться, а в душе знать своё...»

Однако придёт час и на праведном Божьем суде наши дела предстанут в подлинном их значении и обернутся изменой делу Христа и тем сподвижникам на Его ниве, которых мы ставили под удар своим «мудрым» поведением. Даже поняв ужас своего положения, мы ничего изменить не сможем!

Дорогие мои! Бойтесь всякой нечистоты. Особенно бойтесь уклониться от прямых Божьих путей. Власти хорошо поняли этого лавирующего служителя. Они терпят таковых до времени. Терпят боязливых, готовых подставить под удар не себя, а других, — такие люди не представляют для них опасности.

Этот «мудрый» пресвитер жив ещё и сейчас, но на него стыдно смотреть. Он всё время живёт под страхом, а это очень трудно. Христос «трости надломленной не переломил», — это верно. Но надломленная трость не годится, чтобы на неё опереться. Если бы она и пригодилась в хозяйстве, то только для огня. Помните слова: «...в страхе есть мучение...» (1 Иоан. 4, 18).

Я понимаю эти вопросы так:

— если я служитель, то обязан бесстрашно защищать Божий народ в трудный для него час;

— не только себя, но и церковь должен готовить к испытаниям, прививать каждому члену церкви любовь к ближним и являть добро друг другу всеми доступными средствами (материально, словом ободрения, ходатайствами перед властями, одновременно обличая их в злых делах и свидетельствуя о Божьей любви);

— делать это открыто, не боясь, что тебя первого привлекут к ответственности. «Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, а наемник, не пастырь...» (Иоан. 10, 11—12);

— у доброго пастыря не должно быть хитрости, способности во имя личного благополучия подвергать опасности других;

— добрый пастырь должен быть жертвенным в служении во всякое время.

В 1967 году в заключении меня спросили, чем я буду заниматься, если выйду на свободу раньше срока. Я ответил: «Буду служить Господу со всяким усердием!» За такие слова на меня не распространилась амнистия, и я просидел в лагере ещё 10 месяцев. Но как же мой дух торжествовал и торжествует сейчас!

КИШИНЁВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Поделюсь воспоминаниями о моём служении в Кишинёвской церкви.

За годы моего открытого и нелегального служения мне доводилось часто приезжать в этот город. Во-первых, в феврале 1962 года мы решили переехать из Ленинграда в Кишинёв, и столица Молдавии стал местом постоянного жительства моей семьи. И хотя моё служение было связано с разъездами, но раз в месяц, иногда реже, я всё же наведывался домой. Во-вторых, эта церковь особенно близка мне тем, что 14 июля 1962 года в доме Никоры Н. И. меня рукоположили на служение благовестника. В-третьих, среди прочих поручений я совершал служение и по Молдавии, а это значит, что в Кишинёве мог бывать немного чаще, чем тогда, когда находился на служении в Сибири или в Средней Азии.

Имея заботу о всех церквах братства, в тайниках мой души гнездилось сокровенное желание: «Господи, я хочу когданибудь потрудиться как пресвитер в местной церкви». Апостол Павел три года нёс служение в Ефесской церкви и проявлял пастырскую заботу о детях, о молодёжи, о новообращённых. Такое попечение о душах возможно при условии, если жить в церкви. А я всё время — в разъездах. Нет, я не тяготился служением благовестника, но открыл Господу своё желание, а Бог желания боящихся Его исполняет.

Перед моим освобождением после первого срока единственный пресвитер Кишинёвской церкви — Руденко Г. А., отошёл в вечность. Церковь испытывала нужду в служителе. Поэтому, когда я вернулся из уз домой, местная церковь поручила мне в январе 1969 года пресвитерское служение, которое я с радостью нёс до второго ареста.

Осенью этого же года состоялось Всесоюзное совещание служителей в Туле. На нём меня избрали кандида-

том в члены Совета церквей ЕХБ и поручили ответственность за церкви Молдавии. А через две недели, 18 декабря 1969 года, новый арест закрыл за мной тюремную дверь. Суд приговорил меня к 3 годам лагерей строгого режима.

Моё служение в Кишинёвской церкви длилось всего 11 месяцев. Время было сложное. Нужно было созидать церковь в условиях постоянных слежек, штрафов, разгонов. Я был единственным служителем в церкви. Господь давал силы и благодать в напряжённом труде по домостроительству.

В те годы верующие проводили богослужения в частных домах. Помню жертвенность сестры по вере Марии Колесник (она уже в вечности). «Брат Миша, — говорила она, — когда ты спросишь, где проведём собрание в следующий раз и все промолчат, всегда назначай в моём доме. У меня всегда можно». Как легко было после таких слов! Я знал, что всегда есть горница «большая, устланная и приготовленная» на всякое доброе дело (Марк. 14, 15). В её доме часто проходили спевки, сыгровки, подростковые и молодёжные общения.

Однажды во время вечери Господней, перед тем как разносить хлеб и вино, я пояснил на общем собрании, кто̀ может участвовать в святой заповеди. Помимо обычных объявлений: «Те, кто принял водное крещение, кто в мире с Богом», я также добавил: «Прошу не протягивать руки к святыне тем, кто имеет тайные встречи с органами КГБ или сотрудничает с другой какой-либо организацией в ущерб церкви. Кто таит от церкви эти греховные связи, должен прежде покаяться...»

В собрании наступила тишина: что̀ означает такое объявление? Многие удивлённо смотрели на меня. Из рядов прозвучало: «Поясните, пожалуйста, суть вашего объявления». Я подробно открыл пагубность тайного сотрудничества с органами КГБ.

— А меня каждую неделю вызывают на работе, — признался брат.

— И что же вы им говорите?

— Я отвечаю им, что не желаю с ними сотрудничать.

— Тогда вы можете участвовать в вечере, а других, кто не покаялся в этом, прошу воздержаться. Когда в следующий раз вас вызовут на беседу, нужно обязательно поставить в известность об этом церковь, чтобы не давать повода этим органам рассчитывать на вас...

Я преломил хлеб и просил разнести его. Неизвестно, воздержался ли кто-либо от участия по этой причине.

В декабре 1969 г. работник прокуратуры на допросе сказал: «Ты объявил в церкви о тех, кто̀ не имеет права участвовать в вечере, — это тебе никогда не простится». Я догадался, что̀ он имеет в виду, но это не предъявили мне в официальном обвинении. И на следствии он не задал мне этот вопрос, хотя был в курсе дела. Значит, были те, которые доносили...

Сотрудники прокуратуры посещали школы, допрашивали детей верующих родителей «о дяде Мише Хореве», спрашивали, чему я учил их на детских собраниях, кто занимается с детьми по воскресеньям. Когда я знакомился с материалами уголовного дела, обнаружил протоколы допросов детей Кишинёвской церкви в возрасте от 10 до 15 лет. Приятно было читать, как многие дети отвечали на вопросы следователя: «Я не буду говорить, кто проводит с нами занятия. Это тайна церкви...» В этом усмотрели, что я настраивал детей против советской власти.

Одно из обвинений гласило: «Окна дома, в котором проходило богослужение, выходили на улицу и были открыты. Песнопения и проповеди доносились до прохожих, а пропаганда религии по Конституции запрещена». «Граждане судьи, в чём же моя вина? — уточнил я. — Если бы во время богослужения при нашей тесноте мы ещё и окна закрывали, тогда причинили бы вред здоровью граждан».

В обвинениях присутствовала и явная нелепость: «На богослужении была сильная давка, на 17 м² разместилось 170 человек. В этих условиях вши могли переползти от одного к другому» и т. д. Следователь нашёл нужным передать это обвинение на экспертизу. Всякому здравомыслящему понятно, что на одном квадратном метре 10 человек никак не поместятся. Но, чтобы очернить верующих, все методы оказывались пригодными. На суде продолжали утверждать эту нелепость, и я предложил: «Граждане судьи, давайте проведём эксперимент: огородите в зале один метр и попробуйте разместить на нём 10 человек...» Судья уклонилась от этого предложения и перешла к другим вопросам. Бесспорно, она имела определённое задание осудить невиновного.

Следователь признался мне: «Из-за тебя пострадали честные люди». Оказывается, этот протокол отдали в санэпидстанцию на экспертизу, чтобы заручиться заключением медиков, насколько вредны для здоровья верующих граждан условия наших богослужений. Врач отказался давать подобное заключение «по религиозным мотивам», и его уволили с работы. Благодарю Бога, что кто-то не пожелал осквернить свою совесть таким заключением. Думаю, и эта душа не потеряет своей награды...

Из тюрьмы меня привезли в прокуратуру на первый допрос. Три её сотрудника должны были определить: продолжать моё уголовное дело или закрыть из-за отсутствия состава преступления. Они мне не представились. Один из них обратился ко мне: «Неужели вы не чувствуете, что в Кишинёвской церкви всё на последнем дыхании? Мы изолировали вас, посадим ещё двух–трёх, а дом, в котором проводятся нелегальные собрания, отнимем, и всё успокоится. Замены вы себе не подготовили...»

После этого допроса я искренне молился: «Господи, неужели их слова окажутся пророческими: "Подули ветры, разлились реки и дом тот упал... или устоял". Неужели весь год моего пресвитерского служения проведён напрасно? Господи, воистину Твой народ на последнем дыхании, церковь устала от гонений, но Ты сказал: "Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют её". Ободри и укрепи церковь. Помоги мне услышать добрую весть, что после моего

Совершение вечери Господней под открытым небом. Кишинёв, 1978 г.

ареста верующие вновь проводят богослужения».

На очередных допросах следователь молчал и не мог похвалиться тем, что все рассеялись. Значит, точно служение Богу продолжается, дети Божьи собираются, хотя нет служителей.

Нередко вместо допроса следователь устраивал беседы. Однажды он признался: «Мы вас арестовали, но это не так плохо для вас в общем плане. Например: мы арестовали одного руководящего, церковь выбрала другого. Взяли второго — избирают третьего. То же происходит и с четвёртым. Место не пустует. А когда вы все возвращаетесь из заключения, у вас четыре служителя в одной общине! Если бы мы вас не трогали, то остался бы один служитель».

Слушая его, я подумал: «Господи, это Ты повелел ему утешить меня сегодня».

В тот день следователь вёл продолжительную беседу:

«Я — убеждённый атеист и воинствующий безбожник, я так воспитан. Вы имеете право верить в Бога, а я имею право не верить. Я желаю успеха государству в атеистической пропаганде, равно как и вы желаете обратить в свою веру больше людей. На моей стороне интересы партии. У нашего государства атеистическая направленность. Мы могли бы создать очень жёсткие законы и запретить богослужения всем конфессиям, закон на нашей стороне. Через парламент проведём любые санкции по искоренению религии. Но мы понимаем, что это — не метод борьбы с вами. Все боязливые от вас уйдут, церковь очистится, останутся лишь кристально чистые и верные своему Богу. Они уйдут в подполье, и с ними ничего не сделаешь.

Мы можем пойти другим путём: создать для вас условия полной свободы. Но это тоже не в наших интересах — вы чрезмерно умножитесь. Итак, в первом случае вы будете очищаться, во втором — умножаться, третьего метода борьбы с вами я не знаю».

Я пришёл в восторг: «Вы так и делаете: создаёте нам тесноту, а затем послабления, мы то очищаемся, то умножаемся. Вся история церкви на этом зиждется, и ничего нового до пришествия Христа вы не придумаете».

В тот день, идя в камеру, сердце молилось: «Господи, я сейчас в тюрьме для очищения, только бы сохранить Тебе верность в этих испытаниях. Дай силы выдержать это очищение».

В 1970 году меня осудили по ст. 142 за нарушение Законодательства о религиозных культах и приговорили к трём годам. За годы моего заключения двух братьев рукоположили на служение. Ко дню моего освобождения в церкви трудились три служителя.

14 ДНЕЙ ПОСТА

Кишинёвская тюрьма. Лето 1970 года. На улице жара, в камере душно. Меня содержали в камере № 25 в подвальной части здания, а там всегда тяжелее дышать. В ней 8 человек. Я очень устал. Сказывалась сильная жара, среда обитания, томление духа, переживание о Кишинёвской церкви, которая осталась без пресвитера.

Следствие по моему делу закончилось, я начал знакомиться с делом. Услугами адвокатов-атеистов я не пользовался, готовиться к защите Божьего дела должен был сам. Сокамерники — злобные люди и «наседки». Мне нужна тишина, чтобы внутренне подготовиться к защите своего упования, а мне искусственно создали невыносимые условия, чтобы не мог сосредоточиться.

Найти в тюрьме тишину — дело трудное. Но я рассудил: если объявить пост и молитву, меня обязаны изолировать в одиночную камеру. И я твёрдо решил отказаться от приёма пищи и побыть накануне суда в посте и молитве, чтобы подготовиться защищать интересы церкви. Имея такое внутреннее побуждение, я написал заявление начальнику тюрьмы: «Ставлю вас в известность, что с этого дня я отказываюсь принимать пищу до дня суда». Заявление передал надзирателю.

Во время обеда открылась "кормушка" и подали кашу в мисках на 8 человек. Дежурный из числа заключённых сказал: «У нас семеро едят, один пищу не принимает». — «Это не наше дело, берите». Они выполняли распоряжение начальства. Заключённые делили мою порцию между собой, а за мной в течение трёх дней наблюдали в глазок.

На третьи сутки поста надзиратель приказал мне покинуть со своими вещами камеру. Я взял мою небольшую котомку, и меня перевели из камеры № 25 в № 21 в этом же подвальном помещении.

Открыли камеру, в ней стояла одна железная койка с матрацем. Я зашёл и понял: дышать невозможно от жуткого зловония. Подумал: наверное, меня поместили в душегубку. Двери закрылись. На потолке, на стенах и на кровати — засохшие сгустки крови, на полу стоять скользко. Позже я узнал, что несколько дней назад в этой камере преступник вскрыл себе вены. Матрац залит кровью, на полу — гниль, мухи. Всё вокруг говорило об особом испытании моего упования на Бога. «Искал одиночества, чтобы собраться с мыслями и подготовиться к суду, — получай». Я духом искал прибежище в Господе и защиту от всех козней дьявола.

Постояв в нерешительности у двери, я не знал, куда ступить, где можно присесть, куда положить мешок. Везде скользко, везде зловонный кисель. Постучал в дверь. Надзиратель спросил: «В чём дело?» — «Начальник, дай ведро воды, тряпку, хочу помыть камеру». Он распорядился, и два заключённых из числа обслуги принесли большую бадью воды. (В 70-е годы в камере ещё водопровода не было.) Дали тряпку, и я стал отмывать сначала пол, затем стены. В глазок за мной наблюдали. Смеялись. Через "кормушку" говорили: «Эту камеру никогда не мыли!» Я попросил скребок и услышал: «Не положено! Этот инструмент считается холодным оружием». Поэтому сколько мог, я скоблил грязь ногтями. Несколько раз меняли бадью с водой. Через 3 часа я справился с уборкой. Матрац, залитый кровью, мне не поменяли, я его просто перевернул и лег сверху. Я сильно устал. Так в этой келье закончился третий день моего поста и молитвы. Преклонив колени возле койки, я молился Господу о церкви, о семье, о предстоящем суде, на котором я должен твёрдо защищать право церкви совершать служение Богу на принципах независимости от государства.

Прошла неделя поста и молитвы. Я испытывал удовольствие от тишины и уединения. На шестые сутки стал пить немного воды. Каждое утро мне приносили кипяток. 2—3 глотка в день было достаточно, чтобы в горле не пересыхало. После 10 суток поста я мог стоять на коленях лишь держась за койку, так как с сердцем было плохо.

В этой камере-одиночке я размышлял о молитве «Отче наш». Какая глубина! Какой неисчерпаемый источник вдохновения! Я восторгался каждым словом, хотя знаком с этой молитвой с раннего детства. Никогда не иссякает живая вода из живого источника! Иногда по вечерам в уединении размышлял: если бы сейчас я был с семьёй, то с большой радостью последовательно разбирал эту вечную молитву: «Да святится имя Твое, да будет воля Твоя, да придёт Царствие Твоё». Когда заканчивал свои размышления и шёл на покой, думал о семье, о церкви: где мои дети? О чём они думают? Чем живут? Как живёт церковь без служителя? Твёрдо ли стоит на Господнем пути?

На 12-е сутки в камеру пришла врач, проверила пульс, давление и сказала: «Мы обязаны кормить вас искусственно».

«Нет нужды в этом. Я чувствую себя отлично, ни на что ни жалуюсь. У меня не голодовка, а пост», — возразил я.

Принесли колбу воды, два надзирателя приказали мне: «Ложись!» Я повиновался и лёг на кровать. Один надзиратель сел мне на колени, другой вытянул мои руки за голову и крепко их держал. Врач раскрыла мой рот, вставила фиксатор, чтобы я не закрыл рот. Затем тяжёлыми медицинскими длинными щипцами больно схватила мой язык и закрепила щипцы так, что они свисали с кровати. Грубо вставила через горло в желудок шланг и стала заливать воду. Металлическими щипцами и наконечником

шланга врач выбила мне почти все зубы нижней челюсти.

«Сейчас все хитрости из тебя выйдут!» — её рот растянулся в издевательской улыбке. Они рассчитывали промыть желудок и убедиться, что я скрытно принимал пищу. Когда желудок наполнился, вода пошла наружу и попала мне в дыхательные пути. Я подумал, что пришёл конец. Врач быстро вынула шланг, нагнула мою голову вниз, чтобы вода вышла из дыхательных путей, как из утопающего.

«О, добросовестно голодуешь!» — неприятно улыбалась она, увидев тщетные результаты процедуры.

На следующий день в меня вливали какую-то бурду. Когда я увидел те же щипцы, подумал: хотя бы они закрепили их в другом месте, потому что вчерашняя рана на языке ещё не зажила и челюсть кровоточила. Но на этот раз предназначенная для меня бурда не шла через шланг, потому что была приготовлена на молоке, которое свернулось ко времени кормления.

Прошло 14 суток поста. По самочувствию я готов был и дальше не принимать пищи, дух был бодр, только плоть немощна. По обстоятельствам понимал, что нужно заканчивать служение поста. Но у меня были колебания: какую позицию занять? В этот момент я ясно увидел (не знаю, в теле я был или вне тела), что Ангел взял мою душу и понёс к престолу Бога, где я увидел великое множество святых, собранных для поклонения Ему. Среди святых я узнал лицо папы и мамы. Они, увидев меня, улыбнулись, ласково поздоровались и опять устремили взор к Божьему престолу. Я увидел во славе Иисуса Христа. Он посмотрел на меня и как бы сказал (слов я не слышал, духом это воспринял): «Согласен ли ты ещё на малое время пойти на землю?»

Я подумал: здесь много святых, все они прошли своё поприще и никого из них уже нельзя послать на землю, а я среди них — единственный, кого Христос посылает выполнить Его поручение. Теперь всё зависит от моего согласия. Я как бы ответил:

— Господи, не только на малое время (имея в виду исполнение Его повеления), но и на любой срок.

А Он вновь как-бы сказал мне:

— Нет, на короткое время.

— Да, Господи, согласен, — не медля откликнулся я.

После этого Ангел Господень привёл меня на землю, я открыл глаза и увидел те же обрызганные кровью стены... Закрыл глаза, чтобы запечатлеть в сознании всё увиденное, и размышлял: что же всё это значит?

Потихоньку сполз на пол, преклонил колени и поблагодарил Господа, что ещё «на малое время» нужен Ему на земле. Я понял, что Сам Бог благословляет моё пребывание в этой камере в положении узника. Ни один Ангел, ни один святой на небесах уже не может удостоиться звания «узник Иисуса Христа», а я! «Господи, благодарю Тебя за эту честь». Опять лёг на койку. Сердце едва стучало, оно было слабым.

Вдруг открылась камера, вошёл начальник смены:

— Вас вызывает прокурор. Ему сюда прийти или вы пойдёте на приём?

— Я охотно сам пойду.

Меня повели в кабинет на второй этаж. «Суд назначен на завтра, — объявил прокурор. — Если вы не будете принимать пищу, мы перенесём дату суда, а если кончите голодовку, суд состоится».

Понимая, что Господь подготовил меня к правильному ответу, я написал заявление, что с этого дня согласен принимать пищу. Меня перевели в камеру смертников: лампочка спрятана за тремя решётками, кровати нет, вокруг — полумрак. Но в моей душе — светло. Принесли на ужин три кильки и отварную картошку. Здесь я переночевал.

Утром меня привезли в суд, который проходил на холодильном заводе, расположенном на окраине города. В большом зале ни верующих, ни жены не было, только специально подобранная публика, присланная из организаций. На протяжении всего судебного процесса Господь укреплял меня. Физическая слабость после двух недель поста не отразилась на состоянии духа.

Я благодарю Бога, давшего мне силу со всяким дерзновением возвещать Его истину, отстаивать право Церкви воспитывать детей и молодёжь в христианском духе.

Некоторые потом спрашивали, что же я видел в Небесном Царстве? Для меня не это главное. Основное то, что Господь благословил меня ещё на короткое время скитаться по тюрьмам. Наши страдания являются лишь подготовкой к будущей жизни со Христом. "Если с Ним страдаем, с Ним и царствовать будем".

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА

Суд удалился на совещание, чтобы вынести мне приговор. Все вышли из зала, я остался в окружении охраны. Солдаты дежурили возле каждого окна и у дверей, чтобы исключить возможность побега. Начальник охраны в должности подполковника под впечатлением моего последнего слова решил провести время в беседе со мной.

«Эх ты, чудак, — обратился он ко мне. — Ведь если бы любого жулика на суде спросили: "Обещаешь не воровать?", он, не задумываясь, ответил бы: «Конечно». Если спросить убийцу: «Обещаешь не убивать?» — он даст любую клятву, лишь бы освободиться, а на воле — как хочешь, так и живи. А ты ведь сознательно пошёл на обострение с судом: "Свобода мне нужна для того, чтобы делать то, за что вы меня судите". Зачем тебе всё это? Признав себя виновным, ты мог бы получить сегодня условный срок. Неужели тебе нравится тюремная похлёбка, преступная среда, тюремный смрад? Я же вижу, что ты необычный зэк, тюремный лексикон к твоей речи не пристал, я знаю, как нелегко тебе будет среди преступного мира...»

Я молился и ждал, когда он закончит. Чувствовал, что солдаты с интересом ожидают моей реакции на его речь.

— Гражданин начальник, — обратился я к подполковнику, — есть ли у вас в жизни что-нибудь святое?

— Как понять?

— Мама ваша ещё жива?

— Да, живёт старушка.

— Она для вас является святыней?

— Конечно.

— Давайте теперь представим, что вы на моём месте и вам вынесен смертный приговор. Простите за грубое сравнение, но позвольте спросить: если бы судья предложил вам выбор: смертная казнь или... свобода после того, как вы плюнете в лицо вашей маме, — вы бы решились сделать это?

— Никогда — ответил он.

— А почему?

— Потому что мать — это святыня.

— А мама подошла бы к вам и сказала: «Сыночек, плюнь мне в лицо, я вытрусь платочком, и мы пойдём с тобой домой...» Что бы вы ей сказали?

— Я бы ей сказал: нет уж, мама, пусть лучше меня расстреляют, я этого никогда не сделаю...

— Теперь хочу вам сказать, что здесь судят христианина. Для меня Иисус Христос выше мамы. Он отдал за меня жизнь... Я не могу войти в конфликт с Богом ради своего благополучия... Если я хотя бы косвенно отрекусь от того, что мне поручено Господом: «Паси овец моих», — это то же, что плюнуть в лицо моему Искупителю...

Начальник конвоя неожиданно прервал меня: «Я вас понял, позвольте пожать вам руку при условии, что вы будете стоять так до конца и не измените своим принципам». При этих словах он крепко сжал мою руку, а солдаты оживлённо включились в беседу.

Один из них рассказал: «У нас в Днепропетровске тоже есть верующие. Мои соседи — баптисты, отделённые. Я слышал, что их штрафуют, преследуют, но не обращал на них внимания. Когда приеду домой, обязательно познакомлюсь поближе».

В оживлённой беседе с охраной быстро прошли два часа перерыва. Бог утешил меня пожеланием начальника конвоя.

После перерыва секретарь суда объявила: «Встать, суд идет». Все встали. Физически я чувствовал себя очень плохо. Было около девяти часов вечера, а я встал в 6 утра. Сильно болела голова, но вида

1973 г.

подавать было нельзя. Я собрал последние силы. «Господи, помоги! — внутренне молился. — Помоги сосредоточиться, не упасть».

Во время чтения приговора фотокорреспондент направил на меня яркий свет лампы и объектив кинокамеры. Он ждал, когда на моём лице появится уныние или печаль. Я знал об этих способностях наших гонителей. Их нечистые приёмы, изображающие верующих в неприглядном свете, неоднократно применялись в средствах массовой информации.

Один из наших братьев, подсудимый, вытер платочком пот с лица. Этот момент засняли и показали по телевизору только этот кадр, якобы брат от стыда закрыл лицо платочком, а диктор при этом комментировал: «Поздно оплакивать свою преступную деятельность. Пришёл час расплаты...»

Я знал эти бесчестные приёмы атеистической прессы и старался не дать никакого повода. Ох, как это было трудно!

Забегая вперёд, признаюсь: как только меня привезли в тюрьму и завели в камеру, я тут же лёг на нары, но всю ночь не сомкнул глаз. Головная боль сопровождалась сильной рвотой. В таком состоянии принимать на следующий день участие в процессе, тем более говорить последнее слово, было сверх моих сил. Но Господь не оставил меня и укрепил.

И вот последнее испытание. Судья зачитывал приговор, а я думал только об одном: скорей, скорей, скорей... Никто не знал, как мне было тяжело. Несколько раз меня фотографировали, но по телевизору снимки не показали, значит гонители не получили того, что хотели. Я этому рад.

Как только зачитали приговор, я ожидал традиционного вопроса судьи: «Вам всё понятно?» и приготовился громко ответить: «Да будет имя Господне благословенно». Но вместо этого произошло совершенно неожиданное. Сразу по окончании чтения приговора друзья, вопреки запретам и помехам со стороны сотрудников милиции и КГБ, бросили мне букеты цветов и запели.

В ответ на это два солдата взяли меня за кисти рук, третий толкал в поясницу, впереди освободили место для прохода и меня быстро вывели из зала. Я слышал команду, чтобы из зала суда никого не выпускали. В коридоре два солдата подхватили меня под руки и побежали в противоположный конец. Солдаты торопились. Через чёрный ход поспешно вывели в маленький дворик. Там стояла милицейская легковая машина. Меня быстро посадили в неё. Со мной сел офицер и два солдата. Остальным приказали прибыть "воронком".

Машина поехала дворами завода. Ворота открылись при нашем приближении к ним. У ворот я увидел двух молодых сестёр. Они радостно махали мне руками и что-то кричали.

«Мы окружены!» — испуганно крикнул офицер, и наша машина помчалась на скорости по безлюдным улицам, часто поворачивала, чтобы, как я понял, никто из верующих не мог сопроводить нас на частных автомобилях.

Мы въехали в город со стороны аэропорта. Я так и не знаю, кто караулил мой выезд у ворот завода и хотел бы знать имена этих сестёр. Слава Богу за их любовь, проявленную на деле. О таковых Господь скажет: «Был в темнице, и вы посетили Меня». От работников тюрьмы я узнал, что верующих у здания суда собралось более 100 человек. Они хотели бы присутствовать на суде, но их не допустили.

Дорогая молодёжь! Нет, не напрасен ваш труд, когда вы отпрашиваетесь с работы, чтобы прийти к зданию, где судят верных Божьих детей. Ваша любовь не сокрыта от Господа!

«ГУМАННЫЕ» УКАЗЫ

Не беда, что отношение к верующим в местах лишения свободы отличается от отношения к преступникам. Например, иногда издаются гуманные указы, амнистии для осуждённых. В них есть оговорки, на кого они не распространяются. Помимо тяжёлых статей (убийство, бандитизм и т. д.), обязательно включена и наша 142 статья (нарушение Законодательства о религиозных культах). Таким образом в Президиуме Верховного Совета СССР нас приравнивают к разряду особо опасных преступников: «...к злодеям причтён». Но даже когда 142 статья не значится в перечне тех, на кого не распространяется амнистия, — христиан-узников и тогда не освобождают. Так произошло со мной ещё в первый срок, в 1967 году.

Тогда на праздник 50-летия Октябрьской революции объявили амнистию. Меня вызвали на комиссию и объяснили, что на основании Указа об амнистии снимается половина моего срока и мне предстоит освобождение не 21 ноября 1969 года, а 11 мая 1968 года. Работа комиссии в нашем лагере подошла к концу, и меня опять вызвали:

— Чем вы будете заниматься, когда освободитесь?

— Совершать прерванное вами служение Богу в Церкви Христовой.

Члены комиссии переглянулись и председательствующий заявил: «В таком случае мы не можем распространить на вас гуманный акт советского правительства».

Условно-досрочно нас тоже не освобождают, потому что «мы не встали на путь исправления». Но мы не унываем и принимаем все поношения мира как из рук Господа и молимся за обидчиков. «Возненавидели Меня напрасно».

ДЕЛО ЕВАНГЕЛИЗАЦИИ

Нас часто обвиняют в том, что мы якобы американские агенты, что наши действия «на руку империализму», что наши жалобы и ходатайства перед правительством и описание суда над верующими — хорошая пища для наших идеологических врагов. Нас обвиняют в нелегальном издании общебратского журнала «Вестник истины» и «Бюллетеня» Совета родственников узников. Упрекают в незаконном получении из-за границы религиозной литературы и во многом другом.

Что можно сказать на это? Во-первых, мы — христиане, и, если имеем связи с христианами всего мира, — это не преступление даже по советским законам.

Да, мы с благодарностью получаем из-за рубежа религиозную литературу (в основном Библии и Новые Заветы на разных языках нашей страны). Но это не преступление. Наша страна обнищала духовно. Многие верующие могли только мечтать приобрести Библию. Иногда покупали её на рынках и платили за Библию старого издания сумму, равную 2—3 месячным зарплатам (в 50—60 гг.) В 30-е годы религиозную литературу конфисковывали органы НКВД, а та, которая сохранилась и дожила до наших дней, пришла в крайнюю ветхость. Ведь Библия в доме христианина — настольная книга для повседневного пользования. В те годы самая большая проблема для христиан в СССР состояла в приобретении Священного Писания. Мы благодарны Богу за Его помощь. На Западе нашлись верующие, которые оказали нам безвозмездную помощь в этой великой нужде. Сначала через границу просачивались Новые Заветы и Библии через туристов. Некоторых задерживали, возвращали обратно, лишали права когда-либо въезжать в СССР. Но какой бы контроль ни ставили, через этот фильтр по Божьей милости просачивалось к нам дорогое Божье Слово. Да даст Господь милость всем нашим друзьям, имён которых мы не знаем. Бог им положил на сердце великое дело — помочь евангелизации могущественной страны атеизма.

Примеров жертвенного служения много. Ленинград был открытым городом для посещения туристов из Финляндии. Они приезжали на концерты, спортивные состязания и т. д. Финка по имени Сея училась в Хельсинкском университете (в столице Финляндии). Худенькая, она облагала себя корсетом с 30-ю полными Евангелиями

в мягком переплёте и регулярно приезжала к нам два раза в месяц. Прибегала, снимала груз, мы пили с ней по чашечке чая. Она уже по-русски немножко разговаривала. И вот однажды она попросила:

— Брат Миша, помолись обо мне Богу.

— О чём?

— Чтобы я на следующий раз привезла побольше.

— Каким образом?

— Не скажу.

Ничего не зная о её планах, я совершил молитву: «Помоги привезти побольше». Она уехала радостная.

Мы договорились встретить её машину у гостиницы «Астория». У нас только один брат имел машину — «Москвич» первого выпуска. Сидел я в машине, смотрю, медленно едет «Мерседес» тёмно-вишнёвого цвета. Движется, как закормленная утка, едва-едва. Чтобы больше привезти Евангелий, Сея загрузила не только багажник (даже запасное колесо вынула, надеясь, что не пригодится), но и салон машины по окна. Ковром всё накрыла и плюшевого мишку сверху посадила. Машет мне рукой. Мы за ней. В общем разгрузили. Такого подарка мы ещё не получали. Чтобы всё увезти, нашему «Москвичу» понадобилось сделать несколько рейсов.

Пришли на ленинградскую квартиру.

— Сея, как ты могла всё это провезти? — удивлялся я.

— Брат, ну ты же помолился!

— Молился, но всё-таки расскажи: как?!

— Я в своём гараже всё время копила литературу, чтобы привезти побольше. А когда груза оказалась целая машина, я помолилась: «Господи, если это Твоё дело, если Ты хочешь, чтобы братья в России имели Твоё Слово, то заповедуй Ангелам охранять меня, Твою рабу, на всех моих путях». Взяла у соседа машину на прокат и отправилась. Когда подъехала к границе и увидела, какие проверки устраивают, мне стало жутко. Готова была вернуться, но не уедешь — шлагбаум закрыт. Впереди меня шофёр вышел из машины. Пограничники вынули сиденье из его машины, капот открыли. Боже мой, что же открывать мне?! Сижу, жду Божьего предопределения и уповаю только на Него.

Офицер, считая машины, остановился возле меня и жестом показал: «На смотровую площадку!». Я знала, что туда ставят лишь те машины, которые требуют особого досмотра. Теперь уже обратного пути нет. Еду. И вдруг духовой оркестр торжественно заиграл туш, прожектора освещают мою машину, меня снимают на телекамеру, цветы преподносят.

— В чем дело, господа? — ничего не понимая, спросила я.

— Ваша машина стотысячной пересекает таможню! Поздравляем вас! Вам разрешается пересечь границу нашей страны без досмотра...

Села я в машину и с букетом цветов поехала дальше. До сих пор не могу прийти в себя. На всю жизнь запомнился мне урок Божьего всемогущества и Его небесного покровительства...

Разве это не подвиг веры, совершаемый в немощи простыми сёстрами и братьями в наши дни?! Их имена никому не известны. Жертвуя собой, они втайне делали великие Божьи дела...

Позже я узнал, что, возвращаясь из России домой, она везла «Бюллетень» Совета родственников узников с информацией об узниках. На границе его обнаружили, и её фамилия попала в «чёрный список», то есть в число тех, кому навсегда запрещено приезжать в нашу страну. Тогда она выучила китайский язык, переехала в Гонконг, чтобы оттуда отправлять верующим Китая Библии на их родном языке. Когда мы встретились с ней в 1995 году, она сказала: «Я иначе поступить не могла, как уехать в Гонконг. Я настолько полюбила служение по распространению Евангелия, что без этого просто не представляю жизни». Благодарение Богу за людей, посвятивших всю свою жизнь служению Богу!

Мы никогда не ставили себе цель подсчитать, сколько получили Библий, но эта цифра огромна. Более ста тысяч! И эту помощь мы с радостью принимали совершенно безвозмездно! И распространяли полученную литературу тоже бесплатно, по заповеди: «Даром получили, даром давайте». Для транспортировки литературы требовались большие расходы — страна большая! Мы покрывали их добровольными пожертвованиями верующих Церкви Христовой.

С невыразимой благодарностью принимались эти книги! Помню такое событие. Во двор пресвитера на легковой машине привезли 500 Библий. Их предстояло срочно выгрузить. Хозяин дома, увидев весь груз, тут же возле машины опустился на колени и стал молиться. Со слезами он благодарил Бога за увиденное чудо! Благодарил за тех, которые прислали в нашу страну Библии, и за то, что книги не были задержаны на границе. Благодарил, что машина благополучно прошла десятки постов ГАИ. «Господи, и за что такая милость Твоему рабу, что в мой дом привезли "ковчег Твой"?! "Святое Святых" в моём дворе! Господи, я уже много прожил, но прости меня, что я не знал, какой Ты есть на самом деле. Я не верил, что эти чудеса ещё возможны в нашей стране!»

Спустя некоторое время он извинялся: «Братья, в прошлый раз, когда вы привезли в мой двор Библии, я растерялся и от радости не знал, что̀ делать. Понимаю, что вначале надо было всё быстро выгрузить и спрятать, а потом благодарственную молитву совершить. Я сделаю так в следующий раз. Теперь я знаю, что Господь и в наши дни всё может. В наше время получить 500 Библий на область — это чудо!»

Этой помощи было недостаточно для полного удовлетворения нужд верующих. Господь послал нам издательство «Христианин». В нелегальных условиях печаталась исключительно духовная литература: Библии, песенники, Евангелия, журналы. За 11 лет, (с 1974 года), арестовали пять бригад печатников, но это служение продолжается по сей день, потому что Господь с нами!

Да, нас за это судят, дают большие сроки заключения. Но всякое дело требует жертв. Знаю дорогих братьев и сестёр, проявляющих особую жертвенность в материальном служении. Подъехали как-то друзья на такси с несколькими чемоданами, рюкзаками, заполненными духовной литературой, к концу богослужения в молитвенный дом зарегистрированной общины ВСЕХБ. Встали в проходе, раскрыли чемоданы: «Кто желает, берите!» Ох, как накинулись! Каждому хотелось получить десятисборник, Евангелие. «Мне! Мне!» — тянули руки. Раздали около ста полных Евангелий, несколько сотен Евангелий от Иоанна, около 300 сборников песен, — хорошо потрудилась молодёжь!

Диакона забеспокоились: «Кто здесь безобразничает? Разве здесь торжище?! Христос бы таких бичами разогнал!» Кто-то возразил: «Торговли нет, даром раздают...» Откровенно говоря, друзья еле успели скрыться от так называемого «братского» преследования — угрожали сдать в милицию! Уцелевшие после этого мероприятия были в восторге.

На следующий день привезли ко мне брата-старца, пожелавшего встретиться с кем-либо из ответственных работников издательства или из Совета церквей. Брат сначала осторожно зондировал почву: кто я такой? Мы помолились, он успокоился и открыл душу:

— Я был очевидцем вчерашней раздачи литературы. В жизни ничего подобного не видел. Даже в 20-е годы не было такой жажды. Мне ничего не досталось, хотя есть нужда: растут внучата, а у меня только одна старенькая Библия, с юности берегу. Нас уверяют, что раздавали для пропаганды — не верю этому. Я со слезами смотрел на счастливых, кому достались песенники, Евангелия, — какое это чудо нашего времени! Неужели на прочную основу встала вся эта издательская работа?

— Конечно! — подтвердил я, — работают братья и сёстры, просят поддерживать их в молитвах.

— Прежде чем встретиться с вами, я снял с книжки все сбережения... Мне

осталось жить совсем немного. Эти деньги я берег на "чёрный день". Я получаю пенсию, квартира есть. После вчерашнего чуда Господь побудил меня передать эти деньги издательству.

Протянул мне сберкнижку. Раскрыл, в ней значилась солидная сумма.

— Вклад изъят, книжку можно выбросить, а деньги возьмите.

— Брат, за розданную литературу уплачено и средствами, и здоровьем, и даже жизнью, так что нам никто ничем не обязан. Апостол Павел говорил: «Я ищу не вашего, а вас».

— Знаю, брат, знаю. Затраты на литературу оцениваются больше, чем мой вклад. Я хочу, чтобы вы и дальше так поступали, чтобы не убывала в ваших чемоданах и рюкзаках литература. Опорожняя сумки, вы подвергали себя опасности — этот риск невозможно оценить рублями. Позвольте мне хотя бы маленький вклад внести в будущее распространение Божьего Слова...

С глубоким благоговением я взял пакет, мы склонились на молитву. Брат-старец молился приблизительно так:

«Господи! Я откладывал эти деньги на "чёрный день", но благодарю Тебя, что Ты просветил мои очи, теперь я не вижу этих чёрных дней. Ты озарил светом мои будущие дни. Под старость лет я увидел Твои великие дела. Благодарю Тебя!»

В лагере г. Омска меня вызывал на беседу работник КГБ из Молдавии. Их раздражало, что я организовывал приём из-за рубежа религиозной литературы, её хранение, развозку по стране и ни разу не попался им в руки.

В 1979 году я подготавливал приём 50 тысяч Библий. За год до этого в Ленинграде я встречался с Пентти Хейнила, директором финской миссии, мы беседовали с ним только в машине, чтобы избежать подслушивания. Он интересовался: «Брат Миша, 50 тысяч Библий сможете принять?» — «Если Бог даст, то почему не принять?» А сам представил, с какими сложностями это связано: нужно найти грузовые машины, разработать соответствующие маршруты, приготовить домà для хранения, посвятить большой круг людей в секретную операцию и пр. С того дня я потерял покой, продумывал все детали приёма и развозки. Представьте: в одной коробке — 70 Библий, а всего 715 коробок!

Место встречи — в час ночи у пограничного особо охраняемого населённого пункта Леушены в 10 км от границы с Румынией. Ночью я уехал из дому на это служение. Моя жена всю ночь сидела возле телефона, молилась и ожидала из милиции звонок о моём аресте.

В назначенное время на стоянку подъехала машина длиной 24 метра с «финским домиком», как корабль к пристани. От финской границы грузовик едва-едва ехал на малой скорости. На стоянке уже стояли пять КАМАЗов. Мы договорились с водителями: я на легковой машине буду наблюдать за безопасностью и, если кто-то у них поинтересуется: «Что вы тут делаете?», — они должны указать на меня и сказать: «Нас наняли, мы ничего не знаем». Всю ответственность я взял на себя.

За 1 час 20 минут загрузили пять КАМАЗов и около трёх часов ночи двинулись в сторону Кишинёва. Мы должны были проехать пост, на котором всегда дежурил милиционер. Я ехал впереди на легковой машине, а за мной пять грузовиков. Как отвлечь внимание милиционера на посту? Говорю водителю легковой машины: «Прибавь скорость, чтобы опередить наши машины километра на 3—4». Он так и сделал. «А теперь, Володя, забудь, что у тебя есть документы на машину, у тебя их нет, отдай их мне, это будет к пользе дела».

Михаил Иванович Хорев и директор Финской народной миссии Пентти Хейнила в тюремной камере, чтобы раздать заключённым Библии. С.-Петербург, «Кресты», 1998 г.

Подъехали к посту ГАИ, нас останавливают, но мой водитель, не снижая скорости, промчался мимо поста, и, конечно, лейтенант милиции не мог оставить без внимания такой проступок. Сел в патрульную машину и погнался за нами. Для меня это было ответом на молитву. Мы немного отъехали и остановились на обочине. Лейтенант подрулил к нам:

— Почему от меня убегали?

— Скажу откровенно, — ответил мой шофёр, — у меня нет документов на машину.

— А почему остановился?

— Потом я подумал: зачем мне бояться? Заплачу штраф и привезу вам утром документы.

— Машину под охрану до выяснения! — распорядился лейтенант.

Во время этих объяснений через пост ГАИ благополучно проехали пять наших грузовиков. Мой водитель оплатил штраф, и мы поехали дальше, а лейтенант вернулся на пост для дежурства.

В посёлке Крикова коробки с Библиями разгрузили в доме семьи, посещающей зарегистрированную общину, и в шесть часов утра меня подвезли к моему дому. Открываю дверь, а моя жена сидит у телефона. Много ей пришлось пережить в ту ночь! Но она ни разу не отговаривала меня от дел, которые влекли за собой разлуку на многие годы.

Груз нужно было срочно развезти по стране. Братья из села Кицканы торговали яблоками. Чтобы развезти Библии по нужным адресам, им предложили загрузить в грузовик 10 тонн Библий, а сверху положить две тонны яблок. Когда фура подъезжала к посту ГАИ, яблочный аромат разносился за версту, водитель щедро угощал милиционера ящиком яблок, и машина без особого досмотра отправлялась дальше.

Время шло, из потаённого места часть Библий следовало переправить на Урал. Я полетел самолётом в Самару, чтобы встретить наш грузовик у Николая Абрамовича Крекера (г. Отрадный). Он приготовил дом на окраине города. Был Новый год. Лежал чистый снег, ночь выдалась лунная, светлая. Подъехала машина, быстро разгрузили 10 тонн Библий, и она сразу отправилась в обратный путь. Шесть грузчиков вместо того чтобы оперативно отнести книги на чердак, встали на колени на снегу и молились Богу. Какой-то незнакомец проходил мимо. Уговариваю друзей: «Братья, сначала спрячем книги, потом помолимся», но от радости и благодарности в сердце никто не мог встать с колен. Обошлось всё благополучно. Все Библии развезли по Сибири, Уралу, Северному Казахстану.

Ни одна страна так не обеспечивалась нелегальными Библиями, как СССР. Господь удивительно нас благословлял, чудесным образом восполняя нужды Своего народа. Это не одноразовая акция, а многолетняя практика. Когда меня спрашивали: «Сколько вам надо Библий?», я отвечал: «Сколько иссохшая земля впитает в себя влаги, столько и надо дождя. Миллионы наших сограждан ни разу не держали в руках Библию». Господь открыл окна небесные и излил благословения на наши народы. Чудны дела Господа!

ТРЕТИЙ СРОК. СВЕРДЛОВСКАЯ ТЮРЬМА. СЛЕДЫ ОТЦА

1980 год. Начало сентября. Меня везли четверо суток в "столыпинском" вагоне из Волгограда в Свердловск.

Новая разлука с родными, с церковью порой угнетала дух, но Господь ободрял, я всегда чувствовал молитвы Божьего народа. Без молитв там невозможно сохранить бодрость духа. Иногда внезапно приходит радость, и понимаешь, что сейчас где-то усиленно молится церковь.

В нашем купе на нижней полке расположились парни с Кавказа и непрерывно курили какой-то наркотик. Едкий чад душил горло. Конвойные предупреждали их несколько раз, но они не прекращали. Тогда солдат направил в купе струю пены из огнетушителя. Все зэки, и я в их числе, оказались мокрыми с головы до ног.

И вот — Свердловск. Высохнуть мы не успели. Погрузили нас в "воронки" и привезли в тюрьму.

Свердловская пересыльная тюрьма, через которую прошли тысячи верных Христовых служителей, произвела на меня большое впечатление. Самое торжественное произошло буквально сразу. Легко открылась тюремная дверь, и я вошёл в большое фойе. Пол каменный. В центре, где обычно стоят заключённые, от башмаков, сапог и лаптей протёрлась ямка. На этом пятачке крутились ногами все, кто на протяжении многих десятилетий прибывал в эту старинную тюрьму. С благоговением стал в лунку и я. Думаю: здесь точно стоял мой папа! В 1940 году ему было 48 лет.

«Подожди, — внезапная догадка обожгла сердце, — а сколько же мне сейчас лет? Тоже 48! И это не совпадение!» Для меня этот день и час оказался самым великим праздником: достигнув возраста отца, я стоял точно на том месте, где стоял он!

Мне нужно было повернуться лицом к стеклянной стене, за которой на возвышении расположился офицер. В руках он держал дела прибывших заключённых. «Фамилия!» – громкий голос офицера заставлял каждого из вновь прибывших называть свои данные. Но я настолько погрузился в размышления, что забыл обо всём.

— Ты что, оглох? Фамилия! — повысил он голос.

— Простите, — опомнился я, — вы о чём-то меня спросили? Повторите, пожалуйста.

— Ты что, ненормальный? Тут всем задают один и тот же вопрос.

— Понимаете, — попытался я объяснить ситуацию, — мой отец...

— У каждого своя история! Фамилия! — торопил он меня.

Наконец я чётко назвал свои анкетные данные.

— Скорей! Я бы за это время уже 10 зэков оформил!

Глядя на меня, он сверил фото, приклеенное на личное дело: «Иди!» И я направился к противоположной двери.

В тот момент я совершенно забыл, что ещё не обсох от пены из огнетушителя. В душе не было никакого огорчения. Ах, если бы мой отец знал, что через 42 года точно тем же путём, осуждённый за ту же "вину" пройдёт и его сын, как бы он был счастлив!

О если бы мои дети стояли твёрдо на путях Господних!

Повели меня по коридору. По обе стороны — камеры, камеры, камеры... В какой-то из них сидел мой отец. Передо мной открыли 145.

КАМЕРА № 145

Находясь на свободе, я не мог до конца понять, что̀ значит «умирать каждый день». Глубина переживаний Апостола Павла открылась мне отчасти, когда я сам испытал подобные обстоятельства.

В камере № 145 находилось 120 человек. Обстановка очень тяжёлая. Почти у каждого в зубах папироса. Воздух сизый от удушливого дыма. В металлических кружках варят чифирь (крепкий чай). Для этого поджигают портянку. Если её нет, в дело идёт резиновый сапог. Резина ужасно чадит. Окна закрыты, вентиляции нет. Едкий дым и смрад заполняют камеру, дышать нечем. Курильщики с трудом зажигали папиросы: нет кислорода. О, сколько страданий испытывает человек, когда нет чистого воздуха! Это типичная картина тюремной жизни.

Иногда заключённые просили надзирателя открыть для проветривания хотя бы "кормушку".

— Это вам не курорт. А я чем дышать буду? — вот и весь ответ.

В переполненной камере я спросил:

— Кто был в Тавдинских лагерях?

— Я еду туда, — отозвался один.

— Есть ли там кладбище для заключённых?

— Какое кладбище?! Зароют в яму, поставят кол с номером — и все похороны.

Ясно, что от могилы моего папы, умершего 40 с лишним лет назад, даже столбик не уцелел — всё сравнялось с землей. Искать место, где покоится его прах, нет никакого смысла.

Защемило моё сердце: где-то совсем рядом безвестная могила моего отца, но я никогда её не найду... Воспоминания о нём нахлынули, как тёплый дождь, забылись тяготы пересылки, не мучили смрад и духота, потому что я весь погрузился в размышления...

Обычно в транзитной камере Свердловской тюрьмы держат не более 7 дней, и каждый день — этапы. Люди, с которыми я сюда вошёл, пробыли здесь только пять суток. Меня держали 21 день.

Среди заключённых были больные открытой формой туберкулёза. Никто не спешил их изолировать. Они задыхались и откашливались кровью. Здоровые возмущались. Могу засвидетельствовать, что я дольше всех находился с этими больными и не заразился. В камере были больные чесоткой — и от этого Бог уберёг.

Едят здесь из алюминиевых мисок. Когда в ней горячая баланда, держать миску в руках трудно. Я подходил с носовым

Дом в Ленинграде, где Хорев М. И. жил в юности и был арестован в третий раз

С.С.С.Р.
Н.К.В.Д.
УПРАВЛЕНИЕ
ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ДЕЛО №
по обвинению Хорева
Хорев Иван Михайлович
Окончено
Количество томов

Свердловская пересыльная тюрьма

платком или полотенцем, чтобы донести её от "кормушки" до нар. Есть приходилось без ложки (их давали 15 штук на 120 человек, и они доставались самым храбрым. Для безопасности у ложек были отрезаны ручки).

К раскалённому алюминию губами не прикоснёшься, чтобы выпить содержимое через край. Мыли посуду очень плохо, поэтому, если обладаешь чувством брезгливости, тоже не сможешь пить через край. Я ожидал пока накалённая миска остынет, пальцем вылавливал картошку, капусту, — в общем всё, что плавало. Затем часть жидкости вымакивал хлебом, а остальную выливал. Страшного впечатления от такого приёма пищи у меня не оставалось.

В первый же день ко мне подсели двое заключённых. По выражению их лиц я понял, что они замыслили недоброе. До этого они много рассказывали, как на свободе удачно вымогали деньги. Один еврей сам отдал им сбережения после того, как они стали жечь раскалённым утюгом его маленького сына.

— Святой, у тебя много денег? — спросил главарь лет 25. — Я скоро освобождаюсь. Скажи, где у тебя спрятано золото? Поделись с нами. Ты — священник, и этого добра через твои руки прошло немало.

Он говорил, испытующе просверливая меня глазами.

— Золота у меня нет.

— Не может быть. Кто на пять лет пойдёт бесплатно в тюрьму? Значит, выгодно тебе это дело, ты материально заинтересован...

— В моём служении Богу нет корысти. А впрочем, моего богатства вам не достать, оно — в Царстве Божьем! — и я поднял руку к небу.

— Допустим, у тебя нет золота, но ты ведь знаешь, где лежат церковные деньги?

— Если бы и знал, не сказал.

— Мы не таких раскалывали.

— Давай полотенце, — сказал один другому.

Я сидел на нарах, они сели по обе стороны. Намылили полотенце, обвили вокруг моей шеи и, растягивая за концы в разные стороны, стали меня душить. Заключённые забавлялись этим зрелищем. По законам преступного мира в таких случаях не принято мешать, тем более мной занимались профессионалы своего дела.

Я потерял сознание. Отпустили полотенце. Пришёл в себя — опять затянули. Опять потерял сознание — отпустили — и снова затянули. Началось это после ужина в 18 часов, а закончилось в 22 часа. Полулёжа на нарах, я много раз то терял сознание, то приходил в себя. Думал: стоит им туже затянуть полотенце и подержать подольше, и я уже никогда не приду в сознание. Для неверующих встреча со смертью страшна, потому что «за жизнь свою отдаст человек все, что̀ есть у него» (Иов 2, 4). А меня мысль о смерти не пугала, ибо Христос сказал: «Верующий в Меня если умрёт, оживёт». Смерть для меня — переход к Господу. «О, дом небесный, где быть желаю, куда стремлюсь я, чтоб вечно жить...»

Мои мучители уставали и на короткое время делали перерыв. Я лежал на нарах. Отдохнув, они снова приступали ко мне: «Ну что, скажешь, где деньги?» Я ничего не отвечал. А в перерывах успевал мысленно помолиться: «Господи, положи комунибудь на сердце вспомнить обо мне в молитве». И вновь терял сознание.

Они следили за каждым моим движением, я это чувствовал. Однажды, придя в сознание и ещё не успев открыть глаза, я услышал их разговор:

— Давай вздёрнем святого на "решке" (т. е. на решётке окна). Что играться с ним? — предлагал один.

— Лучше горло ему лезвием порежем, а потом лезвие в руки ему сунем, и его спишут, — советовал другой.

Мне знакомы такие расправы: виновного не найдёшь.

И вот в эти напряжённые минуты, когда земная жизнь для меня, можно сказать, не существовала, я мысленно помолился: «Господи, если моя смерть прославит Твоё имя больше, чем моя жизнь, то зачем мне жизнь?! Да будет воля Твоя. Возьми меня к Себе прямо с тюремных нар, и пусть эта тюрьма будет для меня последней...» Помолился о семье, о братстве, о страдальцах, скитающихся по тюрьмам, и ясно представил, как встречусь с Господом, со святыми мучениками, со своим отцом...

В очередной раз придя в сознание, я подумал: «Хотя бы уже немного подольше подержали полотенце затянутым, чтобы потерять сознание, и на этом мой земной путь закончится». Это была мимолётная мысль, а не настойчивое желание. И вот они, видимо, подержали подольше, сознание прочно покинуло меня. Тогда они оставили своё мероприятие. Однако я очнулся, но изнемог настолько, что не помнил, как тут же заснул.

Пробудился в 6 утра. Намыленное полотенце высохло на мне и стало жёстким. Сон был таким крепким, что ночью я даже не чувствовал, как мою шею сдавливало высыхающее намыленное полотенце. Сняв его, я посмотрел, где эти двое? Они, сидя на полу возле окна, играли в карты. «Ребята, свои трофеи надо уносить с собой» — и бросил им их полотенце. Затем умылся и поблагодарил Бога за новый день в моей жизни, а ведь он мог и не наступить. «...В твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было» (Пс. 138, 16).

Когда меня повели на прогулку, спускаясь по каменным ступенькам, я тихо пел: «Я к Отчизне иду неземной по кровавым следам христиан...» Этот гимн стал мне особенно дорог. Казалось, автор написал его, находясь в камере смертников.

Дыша свежим воздухом, я вспомнил отца: он в таком же возрасте был в стенах этой тюрьмы. Именно Свердловская тюрьма была предпоследней в его жизни. Меня радовали эти совпадения.

Здесь-то впервые в жизни до меня дошёл смысл слов Апостола Павла: «Я каждый день умираю...» На себе лично я прочувствовал, что̀ значит ни на секунду не быть уверенным за свою жизнь. Каждую минуту я считал последней.

Из заключённых мало кто выходил на прогулку, потому что, надышавшись свежим воздухом, некоторые не выдерживали камерного смрада.

Я вернулся в камеру. Ко мне подошли те двое: «Мы думали, что ты убежишь из "хаты". Почему ты, уходя на прогулку, не добился, чтобы тебя перевели в другую камеру, как это делают все? Удивительный ты человек, вправду — святой...»

Обычно в подобных ситуациях заключённые, над которыми издевались, убегают при первой возможности, ибо каждый знает, что завтра с ним могут повторить то же, что и вчера. А куда я побегу? Разве не везде преступный мир? Разве я не в руках Господа, без воли Которого и волос с моей головы не упадёт?

"Ломиться из хаты" — то есть просить надзирателя перевести в другую камеру — для меня было исключено. «Нет, — думал я, — буду пить до конца чашу, уготованную Отцом. Бог не пошлёт испытания сверх силы». Возвращаясь в ту же камеру, я верил, что со мной ничего не случится без Божьей воли.

После ужина эти двое опять сели на мои нары. Я мысленно помолился и приготовился к новым испытаниям.

— Святой отец, а что ты можешь делать? Можешь панихиду отслужить?

Неожиданный вопрос не застал меня врасплох.

— Конечно, могу. Я служитель церкви.

— А молебен (то есть богослужение) можешь?

— И это могу.

— А что для этого нужно?

— Чтобы наступила тишина.

Они тут же распорядились: «Тихо! Сейчас святой будет проводить богослужение».

Вчера за мной пристально наблюдала вся камера: чем всё закончится? И сейчас я оказался в центре внимания. Воцарилась восприимчивая тишина. Я понял, что к этому часу Бог прокладывал путь в сердце преступников вчерашними событиями. Чтобы меня внимательно слушали сейчас, они должны были быть свидетелями вчерашних издевательств надо мной.

Я вышел на середину камеры. О чём же говорить? Пересказал наизусть молитву «Отче наш» и стал её изъяснять. Получилась не проповедь, а увлекательная беседа. Она закончилась перед отбоем, а началась после ужина. Четыре часа пролетели быстро.

«А когда богослужение-то будет?» — поинтересовался один из преступников. В его понятии это — православный обряд с восклицаниями: «Господи, помилуй, Господи помилуй!»...

— Ребята, завтра продолжим.

— Ну, давай завтра. Договорились.

Ещё три недели я был в этой камере в ожидании этапа, и каждый вечер с 18 до 22 часов проходило служение. Люди в камере менялись, а моё служение не останавливалось. Те двое бандитов уже ушли на этап, а моё право стоять посреди многолюдной камеры прочно закрепилось.

«Ну что, святой отец, продолжим просвещение?» — с особым удовольствием просили заключённые. И снова долгие беседы о Господе, вопросы, просьбы помолиться о нуждах...

Под конец и я уже устал. Три недели находиться в душной камере — трудновато. Но знал, что свидетельствовать о Божьем спасении — моё служение. За всё надо платить, и за право стоять с проповедью посреди камеры нужно было заплатить пытками, которые я испытал в первый вечер. Чуден Господь во всех Своих путях!

«Я каждый день умираю...» Легко один раз отдать жизнь за Божье дело и навсегда успокоиться. Однажды положить голову на плаху и — навеки водвориться у Господа и быть сопричисленным к героям веры. Но ежедневно жить в ожидании смерти, каждый день умирать для себя, жертвовать собой, ежеминутно принадлежать Богу, со всякой честностью совершая Ему служение, — это труднее. Но именно таковых Бог делает столпами в Своём Храме.

Да поможет нам Господь, дорогие братья и сёстры, ни в одной молитве не забывать обречённых на смерть. Они не только исполняют посольство в узах, но и живут рядом с вами. Это те служители, которые уже третье десятилетие подряд несут попечение о Божьем народе в нелегальных условиях, заточив себя в добровольную тюрьму, чтобы враг не прервал их служение.

Молитесь о Геннадии Константиновиче, которого Господь поставил быть стражем в Своём народе. Ежедневно он находится не только под опасностью ареста, но и под угрозой покушения на жизнь. Помните и его большую семью, на долю которой выпала бессрочная разлука с мужем, отцом.

Молитесь о тех, чьи имена вам неизвестны, но которые ради Господа оставили всё и имеют в себе приговор к смерти.

Возлюбленные! «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф. 10, 28).

"ГУСИНЫЙ ШАГ"

Мои воспоминания о Свердловской пересыльной тюрьме будут неполными, если не рассказать ещё об одном эпизоде. Медработники должны каждый день обходить камеры. В таких случаях врач спрашивает: «Есть жалобы на здоровье?» У кого-то желудок болит, других донимает головная или зубная боль. Врач вынимает из кармана одни и те же таблетки и даёт кому одну, а кому две.

Однажды медики несколько дней не посещали камеры. Среди заключённых были больные открытой формой туберкулёза, диабетики нуждались в уколах. Они звали врача на помощь, но он не приходил. Тогда решили вызвать администрацию лагеря и стали всей камерой скандировать: «Дэ-пэ-эн-си!» «Дэ-пэ-эн-си!» (ДПНСИ — дежурный помощник начальника следственного изолятора). Зэки кричали, но долго никто не приходил. Вдруг открылась дверь, вошёл «ДПНСИ» с повязкой на руке и приказал: «Выйти всем в коридор без вещей! Быстро!»

Стало ясно, что ожидает беда. Общий протест безнаказанно не проходит. Все вышли. Вдоль стен широкого старинного коридора стояли солдаты с дубинками. «Господи, — мысленно помолился я, — окажи мне милость». 120 заключённых быстро выстроились по четыре человека в ряд вдоль живого коридора. Каждый стремился встать в середину, там безопасней, крайним больше всех дубинкой достанется. Я стоял с краю.

«Напра-во!» — скомандовал ДПНСИ. Все повернулись направо.

«Руки на затылок!» — Все, скрестив пальцы, подняли руки на затылок.

«Сесть!» — все присели.

«Ша-гом марш!»

Идти на корточках — значит идти "гусиным шагом". Чуть приподнялся — получишь удар дубинкой. Чуть замедлил шаг — опять удар дубинкой...

Я вышел из строя и стал в сторону: «Пусть лучше меня убьют... Пришёл, наверное, мой час...» Но подчиниться такой команде я не смог.

— Что, ты самый блатной? — моментально оказался возле меня ДПНСИ.

— Я христианин, — приготовившись к худшему, ответил я.

— Какая статья?

— 142 (я назвал только одну).

— Что она значит?

— Я — верующий, служитель церкви, и мне неприлично ходить в такой позе.

— Потом разберёмся! Закройте его в камеру! — распорядился начальник.

Солдаты закрыли меня в пустую камеру. Я остался один. «Что будет дальше?» — размышлял. Через закрытую дверь раздавались команды: «Кру-гом! Не подниматься!» Вот кого-то ударили, кто-то закричал. Хождение по коридору "гусиным шагом" продолжалось минут 15.

Я знал, что со мной будут разбираться позже в назидание всем. Возможно, меня ждёт особое испытание, и я молился: «Господи, пришёл мой час. Дай силы быть Тебе верным до конца...»

Открылась дверь. Слышу команду: «Бе-гом!» Теперь у входа в камеру выстроился живой коридор из тех же солдат с дубинками, а заключённые бежали в камеру через это последнее испытание, получая удары кто по голове, кто по спине. Чем быстрее бежишь, тем меньше ударов обрушится.

Избитые, униженные, тяжело дыша, туберкулёзники и больные желудком едва передвигались по камере. Страшное зрелище! Такими истязаниями ломают характер и сокрушают волю самых гордых.

«Какие есть к нам вопросы?» — спросил ДПНСИ. Измученные и избитые заключённые молчали. «Значит, всё в порядке?» — и, оглядывая всех, стал искать глазами меня.

«Господи, дай силы!..» — внутренне воззвал я к Богу в ожидании худшего.

Увидев меня, он приказал: «Иди сюда!»

Мы вышли вместе из камеры, шли по длинным коридорам, поднялись по тёмной лестнице на какой-то этаж. Он завёл меня в кабинет, сел напротив и внимательно посмотрел в глаза.

— Так по какой статье ты осуждён?

Я назвал четыре статьи.

— Что это за статьи?

Кратко ему пояснил.

— Кто же ты такой?

— Служитель церкви, отец троих сыновей.

— А что ты умеешь?

Вопрос был неожиданным, и Бог положил на сердце ответить:

— Молиться умею.

Он скупо улыбнулся и переспросил:

— Молиться умеешь? Ну помолись.

За все три срока начальство никогда не обращалось ко мне с такой просьбой, и благодарение Богу, настал блаженный час, когда исполнилось слово: «Гнали Меня, будут гнать и вас, слушали Меня, будут слушать и вас». Наши гонители будут нас слушать! «Господи, да прославится имя Твое!»

Я опустился на колени и начал молиться примерно так:

«Господи, благодарю, что Ты направил мой путь через Свердловскую тюрьму. 40 лет назад в таком же возрасте, как я,

здесь был мой отец. Здесь он отдал жизнь, сохранив Тебе верность. Благодарю, что и мои пути проходят по его межам. Окажи милость моей жене и детям жить, уповая на Тебя.

Господи, окажи милость и этому подполковнику. Я знаю, что самые добрые люди здесь могут испортиться, потому что жестокая среда и доброго может ожесточить...»

Помолился за всех узников, которые скитаются этапами по тюрьмам. Молитва была недолгой. Я сел. Молчу. И он молчит. В кабинете тишина.

И вдруг этот человек, который только что, дыша злобой, с наслаждением издевался над заключёнными, пожал мне руку и сказал:

— Ну, смотри, если веришь, так веруй до конца. Нехорошо, когда в одних условиях — так, в других — эдак, и не поймёшь человека. Ты понял меня?

— Благодарю вас, я всё понял.

— Может, тебя в другую "хату" отправить?

— Нет, не надо...

— Отведите его в ту же камеру, — распорядился он.

Солдат повёл меня, а я размышлял: Господь создаёт идеальные условия, чтобы самое жестокое сердце хотя бы однажды в жизни прикоснулось к Божьей благодати и луч света озарил её небесным сиянием.

Путь с Богом чуден от начала до конца. В этот день я радовался Божьим обетованиям, которые исполнились и в моей жизни: «велик мир у любящих закон Твой, и нет им преткновения»; «если бы не Господь был с нами, то живыми они поглотили бы нас»; «Ангелам Своим заповедует о тебе — охранять тебя на всех путях твоих»; «имя Господа — крепкая башня, убегает в неё праведник и безопасен...» И многие другие чудные обетования радовали мой дух.

По милости Божьей я был избавлен от "гусиного шага", хотя за отказ ходить строем меня могли сделать калекой. Но Господь повернул ситуацию так, что Его имя прославилось в стенах этого заведения. Всё произошло под конец моего пребывания в Свердловской тюрьме. Мой авторитет, как христианина, уже закрепился среди заключённых. Поэтому, когда я вошёл в камеру, ко мне отнеслись с почтением, хотя по правилам преступного мира за подобное могут убить, поняв произошедшее по-своему: если с тобой надзиратели ничего не сделали, значит ты «подсадная утка», «работаешь на "кума"» (стал осведомителем). Но в моём случае все понимали, что Бог был моим защитником.

Наконец-то в моей жизни наступил радостный день: на 21-е сутки надзиратель объявил, чтобы я собирался на этап.

Один из авторитетных воров, обращаясь ко всей камере, распорядился:

«Ребята, соберите святого в дорогу. Иметь в камере такого человека — честь для блатных. Только ему дано право ходить по зоне, расправив плечи, а мы так и будем ходить "гусиным шагом"».

Мой мешок быстро наполнился продуктами. В нём был чеснок, лук, сало, печенье, сухари. Этих продуктов мне хватило до следующей тюрьмы. Я их разделил с неимущими на этапе, ведь меня окружали бедные и несчастные.

Держал я в руках сумку с продуктами и вспомнил воронов, которые по слову Господа кормили Илию. Неприятная чёрная птица... И о мне Господь проявил Свою заботу через этих преступников.

Ожидая, что вот-вот откроется камера и мы расстанемся навсегда, я спросил:

— Ребята, не будете возражать, если я помолюсь Богу, попрошу благословения на дорогу и о ваших нуждах помолюсь?

— Давай, батя, молись.

Так я поступал всегда. Не помню ни одного раза, чтобы мне кто-нибудь возразил: «Не надо о нас молиться».

Я совершил последнюю молитву в этой камере, попрощался со всеми и отправился на этап, увозивший меня в одну из Омских колоний. Последний раз я шёл по коридору, которым шёл когда-то мой отец. Он умер, не достигнув 50 лет, а я? Господь усмотрел для меня особую участь. Я благодарил Бога за возможность быть Его свидетелем среди погибающих грешников в этой самой трудной в моей жизни пересыльной тюрьме. Смысл жизни узника в Господе не в том, чтобы выжить, а чтобы Бога прославить и до последнего дыхания остаться Ему верным!

В колониях Свердловской области совершает служение Уральская группа благовестия

ТРЁХНЕДЕЛЬНЫЙ ПОСТ

В феврале 1981 года, отбывая срок в Омской колонии № 3, меня закрыли в ШИЗО за то, что при личном обыске изъяли ветхое карманное Евангелие выпуска 1916 года. «Бабка мне на свидании сунула, — пояснил заключённый, — а я не читаю, возьми, дед». Возможно, с этим Евангелием его подослала оперчасть, но я с великим удовольствием читал святое Слово!

— Это запрещённая книга! — кричали.

— С каких пор?

— Посмотри: дореволюционное, значит, нельзя!

Закрыли в холодную угловую одиночную камеру № 24. Вошёл, а на стене — наледь, холод ужасный. Только через 10 дней стена начала оттаивать. Я не видел худшего, поэтому камера № 24 мне показалась тяжёлой, но она была подготовкой к бо́льшим трудностям. (В сентябре и апреле тяжелее всего находиться в ШИЗО: не работает отопление.)

Через время меня вновь бросили в карцер за то, что нашли фотографии узников: «Значит, связан с Советом родственников!» Потом нашли три моих письма.

До этого я много размышлял: как помочь Божьему народу? Хотя я сам узник, но мне не хотелось остаться безучастным к судьбам других страдальцев. Как только я попал в изолятор, у меня тут же созрел план: написать письмо на имя Л. И. Брежнева. В уединённом молитвенном общении с Господом я выносил его содержание.

Вернулся в отряд. Мне понадобилось около трёх недель, чтобы подготовить текст и переслать его на свободу. Договорился, в какой день родные отошлют письмо в правительство. 17 октября 1982 года от них поступил условный сигнал, что оно вручено, и я сразу объявил администрации, что отослал письмо Л. И. Брежневу и до получения ответа отказываюсь от приёма пищи, буду находиться в посте.

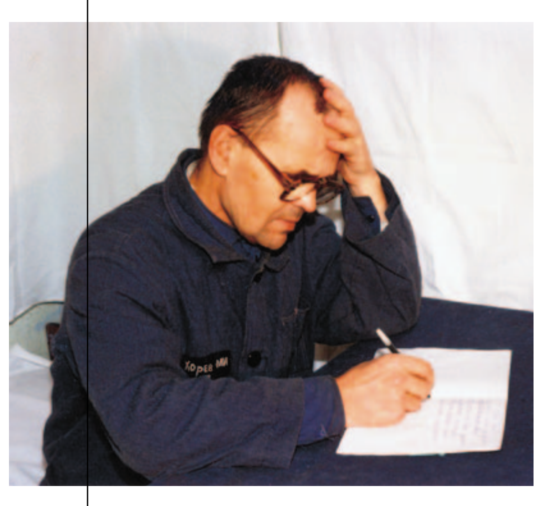
ПИСЬМО ДЕТЯМ НАКАНУНЕ ПОСТА

«Как обычно в воскресенье утром я начинаю писать вам письмо. Как много я написал уже вам этих писем! И это потому, что я очень редко был дома, даже в лучшие времена нашего общения с вами. Так уж сложилась наша жизнь...

Был ли я вполне счастлив? Отвечу смело: «Да!» Хочу в этом письме подробно осветить, в чём моё счастье.

1. Почитаю себя счастливым потому, что родился в семье богобоязненных христиан. Мои папа и мама — искренние христиане. Они с детства научили меня любить Бога.

2. Мой папа был служителем Ленинградской церкви. Я редко видел его дома, он всё время был занят церковными делами, куда-то торопился или к нему приходил народ. В 1938 году папу арестовали,

и он умер в сибирских лагерях. Пример его верности Богу навсегда остался для меня образцом для подражания.

3. Моя мама хоть была и малограмотная, но богобоязненная. Всегда старалась привить мне любовь к чтению Божьего Слова, ревностному посещению богослужений и проявляла большую заботу о моей нравственности... Сейчас я удивляюсь: как она могла справиться со столь большими обязанностями в семье?! Я видел матерей более грамотных и состоятельных, но они были бессильны оказать влияние на детей. Их так и поглотила стихия мира сего. А моя мамочка справилась с воспитанием детей с честью. Слава Всевышнему!

4. Бог оказал мне великую милость, подарив богобоязненную жену. Невозможно быть хорошим служителем, имея плохую жену. Все наши семейные трудности она взяла на себя, а я служил только на поприще Христовой Церкви: Сибирь, Азия, Урал, Россия и т. д. Каждый день заботы о Церкви, о Божьем деле. Многие не понимали, почему она подвергает себя таким трудностям? Давали ей советы, но она оставалась тверда в однажды избранном пути. Благодарение Богу, в нашей семье служение Богу всегда было на первом месте!

5. Бог дал мне послушных, любящих сыновей. Со дня вашего рождения я всегда молился о вас, и Господь услышал мои молитвы. Я очень тревожился: не повредит ли моё отсутствие вашему воспитанию, но Господь восполнил моё отсутствие Своим присутствием и наполнил Своей благодатью ваше сердце. Вы выросли без меня, полюбили Господа, вошли в церковь через водное крещение. Я здесь узнал, что каждый из вас принимает посильное участие в служении Богу в церкви. Это хорошо. Но нужно служить Богу не только по силам, но и сверх сил. Торопитесь всё отдать на служение, ведь время пришествия Его так близко!

6. Я счастлив, что Господь удостоил мне трижды защищать Христову истину, находясь на скамье подсудимых. Это тоже великая честь.

Наш путь ещё не закончен, а поэтому скажем: «Авен Езер» (т. е. до сего места помог нам Господь). В вечности, на небесах, я постоянно буду вспоминать о чудных Божьих делах.

Все ли мои желания сбылись? Нет. Я с радостью узнал из ваших писем, что вы приняли святое водное крещение. Слава Богу! Я очень бы хотел вместе с вами, как с членами Церкви Христовой, совершить святое воспоминание смерти Иисуса Христа, вкушать от одного хлеба, пить из одной чаши. Увы! Это пока невозможно.

У меня есть к вам вопрос: в 20 главе Евангелия от Матфея рассказывается о том, как мать двух сыновей Зеведеевых хотела видеть их сидящими по левую и по правую сторону в Царстве Божьем. Христос спросил: "Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?" Они говорят Ему: можем" (Матф. 20, 20).

Мои милые сыновья! Готовы ли вы приобщиться к страдающей церкви? Не упускайте ни единого случая доказать на деле, в жизни, что ваша любовь ко Христу не только на словах.

Бойтесь формального христианства! Оно многих погубило. Подчините все интересы вашей жизни Церкви, и вы будете счастливы.

Будьте верны в малом, а о большем Сам Бог позаботится. Да поможет вам Господь понять меня и принять близко к сердцу то, что я вам пожелал.

Сегодня воскресенье. Этот день особый. Завтра я иду к начальству и подам заявление, что имею намерение некоторое время находиться в посте и молитве. Меня изолируют и поместят в камеру-одиночку. (Кстати, я только что вернулся из штрафного изолятора, где находился 15 суток.) Сколько дней я буду в посте, не знаю (пророк Даниил постился 21 день). Служение Богу и интересы Божьего народа для меня превыше всего!

Как сложится дальнейшая моя жизнь, не знаю. Но я всегда рассуждаю так: «Господи! Веди меня Своим премудрым путём! В чём конкретно он выражается, я не знаю, но помоги мне всегда говорить: "Да будет воля Твоя!" Господи, если мои узы принесут Тебе больше славы, чем моя свобода, то зачем мне свобода? Если Ты через мои страдания прославишься больше, чем через моё благоденствие, то зачем мне благоденствие? Если ты через мою смерть прославишься больше, чем через мою жизнь, то зачем мне жизнь?»

Всё, буквально всё пусть будет у нас подчиненно служению Богу. Тот, Кто вёл нас до сего места, силен сохранить и во все времена.

10. 10. 82 г.

ДНИ ПОСТА В ОДИНОЧКЕ

На третий день поста меня закрыли в ШИЗО в одиночную камеру. Многие осуждённые сочувствовали мне. Один прямо заявил: «Сделаю какое-нибудь нарушение и пристроюсь где-нибудь рядом с тобой наблюдать, как у тебя пойдёт дело. Если что, имей в виду: всегда помогу — мало ли?..» Отговаривать его было бесполезно.

— Жена приехала с сыном, желают тебя видеть, — сообщил мне начальник на третий день поста. — Сними голодовку.

— Не голодовку, а пост! Я молюсь.

— Напиши заявление, что будешь принимать пищу, и иди на свидание.

— Прерывать пост я не намерен.

— Так и передать семье?

— Так и скажите, что я в посте и прекращать его не буду.

Конечно, жене объяснили по-другому: «Ваш муж отказался от свидания». И они уехали ни с чем.

Меня это не смутило: мы не свои прихоти исполняем, а защищаем Божье дело. Я знал, что моя брань послужит к созиданию Христовой Церкви. Вопросы, поднятые в моём письме, непосредственно касались судеб Божьего народа. Я просил пересмотреть все «уголовные» дела верующих и чтобы христианам-узникам разрешили иметь Библию.

Первые дни я сидел в холодной камере без матраца, без теплой одежды. Стоял октябрь, сибирская осень довольно холодная, но я чувствовал себя нормально.

— На что жалуетесь? — пришёл врач.

— Дайте указание принести матрац.

— Спрошу в оперчасти, разрешат ли?

— С каких пор врач должен консультироваться с оперчастью? Разве вы сами не хозяева положения?

Она многозначительно улыбнулась, развела руками, давая понять, что на сей раз это не в её власти.

На десятые сутки перевели в тёплую камеру, дали матрац, подушку. Стало легче. Самочувствие было хорошее, искусственно не кормили.

Не раз уговаривали прекратить пост:

— Хочешь иметь личное свидание? Пожалуйста! Может быть какие-то условия не нравятся в лагере, — изменим! Только прекрати...

— Дело не в свидании, — отвечал я, — и не в личных интересах. В моём письме затронуты вопросы о судьбе единоверцев: Румачик П. В. несколько лет лишён личного свидания; Бойко Н. Е. не выходит из ШИЗО; Скорняков Я. Г. тяжелобольной скитается по лагерям; Кишинёвская церковь вынуждена проводить богослужения под открытым небом: на ветру, под дождём, на морозе, — разве это нормальное явление?

И ТАКИЕ «ВО́РОНЫ» БЫВАЮТ!

Заключённый, пообещавший быть рядом, сознательно нарушил режим, и его тоже поместили в ШИЗО. На 14-е сутки он вместе со знакомым прапорщиком через "кормушку" пригласил:

— Михаил Иванович, пойдём в баню, сегодня же пятница, моют тех, кто в ШИЗО...

— Благодарю, у меня сил не хватит...

— Я договорился с прапорщиком, он согласился. Пойдём, я помогу...

Зная, что душ, горячая вода расслабят сердце, я отказался.

— Я буду поддерживать, потихонечку пойдём, немножко освежишься, помоешься, легче будет...

Уговорил. Хотя мне уже было трудно сидеть, не то что ходить. Держась за его руку, я бодро дошёл, он помог вымыться. Чувствовал я себя, на удивление, великолепно. Назад шёл сам, хотя после бани и здоровый человек ощущает вялость.

Прапорщик был очень расположен ко мне, спрашивал о многом. Быстро закрыл в камеру сочувствующего мне друга и завёл меня в свою дежурную комнатку. С полчаса мы говорили о Боге, о вечности. Было приятно посидеть на свежем воздухе в светлой комнате.

Я благодарил Господа, что Он посылает «воронов» не только святым мужам в пустыне, но и нам в тюрьме, — даже в баню сводили!

К вечеру ворвались в камеру несколько прапорщиков: обыск!

Оперчасть узнала, что на 14-й день поста я ходил в баню, значит «кто-то подкармливает меня сахарным песком». Вывели меня из камеры. Стоять было трудно, я присел на корточки, прислонился спиной к стене. Медленно, тщательно прощупали весь матрац, просмотрели все швы. Лазали на коленках по полу — искали хоть одну сахаринку, но ничего не нашли.

«Тебе посчастливилось, старик, ничего нет. Смотри!..»

Я поблагодарил Бога, что они не устроили никакой провокации: подсыпали бы — и попробуй докажи. «Верующие, мол, о тебе молятся, а ты обманываешь, тайком сахарок ешь!»

На 17-й день пришли кормить искусственно. Насильно через шланг залили какой-то пищи. Я не сопротивлялся. Объяснил, что чувствую себя достаточно хорошо. «Тогда пройдись!» — потребовали.

Скажу откровенно, идти, не держась за стену, было трудно, а настроение — очень бодрое. На кровати я мог сидеть не больше пяти минут и сразу ложился, сердце уже ослабело. На коленях я молился, облокотившись на нары. Но какой же был бодрый дух! Какие богатые, особенно яркие мысли переполняли моё сердце! Вот бы, думаю, сейчас магнитофон! Господь, видя слабость нашей плоти, посылает большое подкрепление духу.

Один. Никто мне не мешал! Я пребывал в молитве, в рассуждениях с Господом о Его деле и был глубоко удовлетворён, что Господь удостоил меня защищать Его истину даже таким путём.

Помимо других нужд, которые я высказывал Господу, по многу раз в день я молился молитвой «Отче наш». Для меня она служила великим утешением. Мне открывались всё новые и новые просторы этой прекрасной молитвы Господней. Я выучил её, когда не мог ещё различать левую руку от правой, когда не понимал, чт̀о такое зло и чт̀о добро.

Лёжа на нарах, произнесу: «Отче наш...» и даже не решаюсь говорить следующие слова — дух переполнен восторгом: «Мой всемогущий Господь! Ты Отец не только мой, но и всего человечества! Нет на земле сирот, никто не забыт, все охвачены Твоей любовью и вниманием!» Как радостно, что Иисус Христос предлагает так просто разговаривать людям со Своим Отцом! Он как бы влечёт весь народ к Своему Отцу. Когда-то всемогущий Бог был только Его Отцом, а теперь Он разрешает нам говорить: мой Отец...

«Сущий на небесах...» — и снова останавливаюсь, снова удивляюсь.

С каждым движением мысли я входил в глубину этой величайшей сокровищницы Нагорной проповеди. На протяжении трёх недель поста я поражался: насколько необъятна эта простая молитва Господа. Иногда я даже невольно приподнимался от восторга, дух захватывало сияние небесной славы, исходящей из этих святых слов.

Я сокрушался о тех моментах, которые недостаточно святили Его чудное имя в моей жизни. Дни летели, а я так и не смог дойти до конца молитвы, настолько длинной она показалась мне. Да я и не хотел произносить дальше слова, пока не осмыслю предыдущих фраз.

ЗЛОЙ ПРОВОКАТОР

На 21-й день привели в мою камеру старшину нашего отряда, я знал, что он работал на оперчасть. «Валера, что с тобой? По какой причине ты объявил голодовку?» (В камеру к тем, кто не принимает пищи, никогда не помещают никаких нарушителей.)

«Сняли со старшины незаконно, несправедливо...» — его объяснение звучало неубедительно: по этой причине никто не отказывается от пищи. Я насторожился, понял, что это замысел против меня. Действительно, около часу ночи открылась "кормушка" (я почти спал, но сразу пробудился), надзиратель позвал Валеру и подал два пакета: в одном — несколько пачек сигарет, в другом — около килограмма сахарного песку!

Я смутился. Значит, утром придут с обыском и объявят: «Вот, пожалуйста! Ползали на коленках искали хоть крупинку сахара, а здесь целый пакет!» Хотел сразу потребовать, чтобы перевели в другую камеру, но тогда я должен объяснить причину и выдать этого человека — зачем идти на это? Словом, я был в некоторой растерянности и пришёл к выводу, что это сигнал прекращать пост.

Наутро я попросил бумагу, ручку и написал, что буду принимать пищу. Не прошло и несколько минут, как меня тут же выпустили.

Встретившись с Алексеем Никитовичем Шубининым и тем юношей, который водил меня в баню, я торопился рассказать им о переполнявших моё сердце размышлениях о молитве «Отче наш». Я боялся, что остынут чувства и не смогу передать её возвышенного содержания, что сгладится тот великий восторг, которым Бог порадовал меня. Ах, как мне хотелось поделиться пережитым в благословенные дни поста!

Написал домой письмо, чтобы семья и церковь не переживали чрезмерно о моём здоровье. О том, насколько бодр был мой дух, они поняли.

За колючей проволокой — Омский лагерь

НЕОБХОДИМЫЙ ШАГ

Некоторые могут спросить: принесли ли пользу Божьему делу эти изнурительные три недели поста? — Безусловно! Это очень важный и даже необходимый шаг.

Начальник как-то признался мне:

— Ты один для меня тяжелее ста бандитов, хотя и нарушений у тебя серьёзных нет. У меня складывается впечатление, что чем хуже для тебя, тем лучше.

— Не понимаю вас...

— Всё ты понимаешь. Только тебя посадили в ШИЗО, — около лагеря уже толпа верующих. «Господи, помилуй!» — молятся. Телеграммы приходят разные: «Как чувствует себя наш служитель Михаил Иванович?» Покоя нет! А тебя, я вижу, это вполне устраивает. Ты пишешь: "Если мои узы приносят бодрость моим собратьям, то я не возражаю идти тернистым путём", — вот видишь: чем хуже тебе, тем лучше получается?!

Вся зона внимательно наблюдала за моим поединком. Мне было приятно, что даже заключённые отнеслись не безразлично к моей борьбе. Интересовались, какие проблемы я обозначил в письме.

Я не сомневался, что истинные Божьи дети поддерживали меня в эти дни в молитвах. Мне сообщили, что омские братья и сёстры неоднократно приходили к воротам "тройки" узнать: жив ли я? Их посещения были весьма кстати. Администрацию это приводило в немалое беспокойство.

Ходатайства Божьего народа я рассматриваю как великое служение, которое, безусловно, будет отмечено Господом. Иисус Христос сказал: «...алкал Я, и вы дали Мне есть... в темнице был, и вы пришли ко Мне... истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Матф. 25, 35—40). Да благословит Господь наших добрых братьев и сестёр, способных не только заботиться об узниках, но и подписывать ходатайства, — именно это и роднит нас, сближает.

Кто-то недоумённо пожимает плечами: какая польза постоять у лагерных ворот и уйти, а узник как томился, так и томится в неволе? Скажу вам, сознание того, что по ту сторону решётки стоят родные и милые друзья, придаёт бодрость духу. Их тревога и любовь передаются узнику, они — как бальзам на рану страдальца. Мы становимся общниками страданий.

Достигла ли моя молитва небесного престола? — Вне всякого сомнения! Господь слышит молитвы узников, взывающих к Нему день и ночь. Моя молитва не имела никаких корыстных целей, а служила единственной цели — созиданию Божьего дела.

Только теперь я узнал, что некоторые недоброжелатели договорились даже до того, что я объявил не пост, а голодовку с целью приобрести мировую известность как страдалец за веру. «Посмотрим, освободят ли узников! Посмотрим, разрешат ли им пользоваться Библией!»

Рассуждая таким образом, можно дойти до того, что посмеяться и над Авраамом. Бог обещал ему потомство, как песок на берегу морском, как звёзды на небесном своде. Авраам удивлялся красоте Божьих обещаний: жена-то у него состарилась, возможно ли ей иметь детей?! И даже когда родился сынок, трудно было ожидать, что потомство окажется таким неисчислимым. Но он поверил Богу, и мы с вами очевидцы исполнения этого чудного обетования.

Мы тоже живы верой и поэтому смело идём на жертвы ради будущего процветания Церкви. Моисей, как бы видя Невидимого, был твёрд, и мы должны уповать не на видимые признаки, не на снисхождение Совета Министров или прокурора и только тогда считать, что получили ответ на молитву. Мы ходим верой — этим сильна Церковь Христа.

Никакого официального ответа я не получил, даже из местных представителей власти никто не пришёл. Некоторые из начальства проговорились:

— Тебе не обойдутся даром твои письма...

— Какие вы имеете в виду?

— Те, которые не забываются...

ПАСХАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

22 апреля 1984 года... Этот день прошёл у меня очень необычно. Проснулся я за полчаса до подъема, в 5. 30.

«Кто же бодрствует в эти ранние часы? — подумал я. — Моя семья? Они спят, у них ещё 2. 30 ночи. Может, бодрствуют друзья-печатники у офсетных машин?» — и я помолился о них.

Не сомневался также, что оставшиеся на свободе служители Совета церквей проводят эту ночь в бдении. Они особенно дороги мне, и я вознёс о них горячую молитву Небесному Отцу.

В этот пасхальный день я так бурно переживал события, связанные с воскресением Христа, меня наполняло столько чудесных мыслей, что я, окажись в это время на богослужении, говорил бы часов пять без перерыва. Радость переполняла сердце, и я очень хотел поделиться ею с кем-нибудь. В молитве попросил: «Господи, пошли мне собеседника, с кем бы я мог поговорить о Твоём славном воскресении, о Твоей великой победе!» Желание боящихся Господь исполняет.

Помолившись, я решил поздравить с праздником первого проснувшегося заключённого.

— Христос воскрес! — говорю ему, улыбаясь.

— Ты что? Сумасшедший?! — нагрубил он мне.

«Коль я для него сумасшедший, — думаю, — не буду больше с ним говорить». И пошёл дальше. Смотрю, отзывает меня в сторону другой заключённый и, как заговорщик, шепчет на ухо: «У меня к вам дело есть...» Я удивился: «Что за дело? С ним я вообще никогда не имел ничего общего».

Он огляделся по сторонам и так же украдкой шепнул мне на ухо: «Христос воскрес!» Поскольку он на ухо, то и я ему на ухо: «Воистину воскрес!» Пусть, думаю, у него хотя тихий и тайный, но всё же праздник будет.

Зашёл в секцию, проснулось человек 20. Вдруг в барак вбежал заключённый и крикнул что есть силы: «Воры! А Иисусто наш воскрес!» — и предложил отметить праздник: коньяку раздобыть, а сам варить "чифирь" поторопился.

Все ждали, что̀ я отвечу на это необычное приветствие. Не спеша, я достал три яичка. (Откуда я их взял — не скажу, потому что оперчасть тоже настойчиво интересовалась этим.) Очистил, разделил их на 20 частей и подходил по очереди к каждому.

— Христос воскрес! — и отдаю маленькую дольку.

— Воистину воскрес! — отвечали мне кто из уважения, кто из приличия. Удивлялись, но отвечали.

Так в небольших беседах прошёл почти весь день. За два часа до отбоя вошёл в наш барак офицер и приказал: «Хорев, в штаб!»

«Что такое? — недоумевал я. — Неужели вызывают на этап? Воскресенье ведь, никого из начальства нет, и вдруг в штаб! Зачем?»

Завели в штаб, а там 15 офицеров сидят. Закрыли дверь на замок. Что они решили делать, совершенно не догадывался.

«Михаил Иванович! — испытующе посмотрел на меня офицер. — Пасха сегодня, что ли? Мы не знаем, что̀ это за праздник. Не расскажете ли?»

Я ожидал от них всего, но только не этого. Около двух часов говорил им о Христе. Говорил простыми словами о ветхозаветной Пасхе, затем о страданиях Господа, Его крестной смерти, славном воскресении и приближающемся втором пришествии на землю. Сказал почему, не сделав никому зла, и я оказался вместе с преступниками.

Чудная это была беседа. Все слушали с вниманием, никто не перебивал, не насмехался. Мне хотелось ещё говорить и говорить, но настало время отбоя и прекрасную беседу пришлось прервать. Разве я мог предположить, что буду иметь такое счастье?! Я просил у Господа хотя бы одного человека, а Он послал мне целую аудиторию слушателей! Это был ответ на мою утреннюю молитву.

За несколько минут до отбоя я встретил брата-узника Алексея Никитовича Шубинина и поздравил его: «Христос воскрес!» Так же торжественно он ответил: «Воистину воскрес!» Мы обнялись, поприветствовались и стояли несколько минут, заключив друг друга в братские объятия. Конечно, теплоты нашего приветствия никто из преступников понять не мог.

Апостол Павел спрашивал верующих Коринфской церкви: «Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых? Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям? Я каждый день умираю...» (1 Кор. 15, 29—31).

Крещение, прежде всего, — погружение. Для крещения необходимы: среда погружения, креститель и крещаемый. Для Апостола Павла средой погружения были ежедневные бедствия, страдания, мучения, гонения. Он ежедневно умирал, имел в себе приговор к смерти. Креститель был Господь, а крещаемым — он сам.

Другими словами, если те, ради которых он всё это терпел, проповедуя Евангелие спасения, не воскресают, то зачем он ежедневно погружался в эти лишения? Он переносил бесчисленные издержки, жил впроголодь и в холоде, всю жизнь скитался, был в постоянной опасности от разбойников и от лжебратьев, томился в подземельях тюрем. Нет! Мёртвые воскресают! Церкви из живых христиан, организованные Апостолом повсюду, — вот неопровержимое доказательство того, что он не бесполезно превозмогал бесчисленные трудности. Те, ради которых он изо дня в день расточал силы и здоровье, воскресли к славной жизни!

Да, если нет жизни после смерти, то мы — самые несчастные обманщики на земле. Нет! Христос наш воскрес, и мы непременно воскреснем с Ним! Мы переносим многолетние трудности тюремной жизни не ради мёртвых, а ради вечно живущих. Мы вечно будем жить с воскресшим Спасителем!

У меня остались приятные воспоминания о том, как с Яковом Григорьевичем Скорняковым мы встретили праздник Пасхи в одной из церквей Средний Азии. Весь день провели в общении, а в два часа ночи отправились в путь. Сели в плацкартный вагон. Он был забит пассажирами. Люди спали в проходах, было очень душно. За день мы сильно устали, и нам очень хотелось спать. Мы нашли себе место на третьих полках купе, легли под потолком напротив друг друга. Моя полка была посвободней, а на полке Якова Григорьевича лежали вещи. Он хоть и мал ростом, но кое-как улёгся в тесноте между корзин. С трудом устроившись, мы притихли. Купе освещал слабый ночной свет. Вдруг слышу Яков Григорьевич говорит: «Брат Миша, ты спишь?» — «Нет». — «Если нет воскресения мёртвых, то зачем нам всё это?» — «Аминь!», — ответил я ему. Так мы и заснули в размышлениях о том, что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее в воскресение праведников.

Если Господь позволит мне выйти на свободу, то зимой, на Рождество, я непременно поздравлю всех святых и верных радостными словами: «Христос воскрес!» Не ради того, чтобы чем-то выделиться или внести необычное в жизнь верующих друзей, нет. Но лишь потому, что в дни моего страдания за Господа воскресение Христа приобрело для меня величайшее значение. Оно стало самым большим праздником в моей жизни. В нём я вижу весь смысл моего существования и здесь, и в вечности.

Неизмеримо высока и славна победа Христа над смертью, над адом! Трепетным сердцем я произношу эти славные слова: «Христос воскрес!» и прошу всех возлюбленных Господом принять моё узническое приветствие. Жажду услышать взаимное: «Воистину воскрес!» от тех, в чьём сердце Он действительно воскрес и кто получил от Господа непоколебимую уверенность, что путь неволи и страданий, которым Он ведёт наше братство, верен и благословен.

КОМПРОМИССЫ НЕ НУЖНЫ

За восемь месяцев до освобождения, в апреле 1984 года, приехал в лагерь представитель КГБ из Молдавии, некто Токарев. Сейчас трудно восстановить в памяти весь ход беседы, но разговор сводился в основном к следующему: как я смотрю на регистрацию? Поддерживаю ли Совет церквей в его «необузданном» отрицании регистрации?

Много говорил о Г. К. Крючкове: «Спрятался! Только кассеты пишет! Молодёжь настроил — не хотят и разговаривать о регистрации. Обстановка сложная...» Стоило мне в тот момент намекнуть: «Да, конечно, очень трудно, Геннадий Константинович немножко не туда направляет. Освобожусь, может быть, и поправим положение...», — и события в моей жизни могли бы резко измениться, мне не раскручивали бы новый срок. Он ждал от меня маленького намёка, чтобы я бросил тень на служение нашего председателя и признал, что нужно искать "разумный" компромисс. Я отказался от разговоров на эту тему, хотя знал, что за мой твёрдый взгляд на неприемлемость регистрации церкви под законодательством о религиозных культах и за мою однозначную поддержку служения Геннадия Константиновича Крючкова мне непременно добавят срок. На свободу я не рассчитывал.

ПИСЬМО КИШИНЁВСКОЙ ЦЕРКВИ

«Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит».

Возлюбленные мои... Всегда помню о вас в молитвах своих. Понимая, что близок всему конец, моё волнение о вас усиливается. Ведь вскоре всем нам предстоит дать ответ пред Господом за каждое наше решение.

Всё, что касается вас, касается и меня. Я радуюсь вашим успехам и печалюсь, когда что-то не так, как хотелось. Когда я услышал, что власти разрушили палатку и вы собираетесь под открытым небом, я радовался вашей твёрдости, но ожидал, что следующим письмом вы сообщите, что восстановили палатку, как это делали всегда. Вспомните, нам и угрожали, и штрафовали, но мы вновь ставили кров, ведь надо проявлять заботу прежде всего о Божьем стаде...

Во время следствия меня неоднократно обвиняли, что я мешаю верующим спокойно жить, что без меня вам легче во всём разобраться и найти приемлемые компромиссы с органами власти. Недруги церкви возлагают большую надежду на оппозиционные силы. Им не безызвестно, что с лидером рижской оппозиции некоторых верующих сближают не только личные взаимоотношения. Они знают, кто какого мнения, кто какие позиции отстаивает.

Из ваших сообщений я понял, что этот лидер вместе со своим окружением разъезжает по общинам нашего братства и склоняет к регистрации. Хорошо, если хоть теперь некоторые из вас, дорогие мои, поймут, что отступник от путей Божьих в какую-бы одежду ни одевался,

Верные соработники: Крючков Г. К., Хорев М. И. и Антонов И. Я., 2004 г.

каким бы красноречием ни обладал, всё равно враг Божий.

Не стану говорить о трудностях, которые пришлось пережить. Хочу обратить ваше внимание на заинтересованность недругов ввести церковь в греховное русло. Некоторые не могут понять этого, ослеплены кто внешним блеском, кто корыстью, кто красивыми лозунгами.

«Глазной мазью помажь глаза твои, чтобы видеть...» Видеть себя, видеть окружающую обстановку. Эти слова Иисуса Христа направлены не к грешникам, не знающим Бога, и даже не к рядовым членам церкви, а к «Ангелу Церкви», то есть к служителям.

Во всякой молитве вспоминаю вас и вопрос евангелизации в Молдавии. Уверен, что и дорогие молдаване вскоре будут читать Слово Божье на родном языке, как и русские на русском языке, украинцы на украинском и т. д.

Дорогие мои братья и сёстры, я мог бы написать вам общее приветствие, оно звучало бы красиво, и все остались бы довольны. Но мне хочется не только ободрить вас приветствием, но и принять участие в жизни церкви.

Прошу вас: в последнее время, когда каждый день может быть последним, проявите строгость к себе, верность Богу и жертвенность в Церкви Христовой. Считаю недопустимым поручать служение братьям, избравшим лёгкий путь и не проявившим верность Господу, потому что они не только сами совратились, но и учат этому других. Для них слова «жертвенность», «страдание» — пустые фразы.

Я знаю, что этим письмом могу навлечь трудности на себя, но живу одним днём.

Готовьтесь, дорогие, к пришествию Господа. Передавайте особый привет жёнам узников, да утешит их Господь в скорби. Приветствуйте всех детей узников Христовых — вы должны заменить им отцов.

Приветствую Николая Ивановича Никору. Молюсь о вас, брат, чтобы Бог укрепил вас в вашей жертвенной жизни.

Не знаю, увидимся ли мы когда-либо лицом к лицу, здоровье моё слабое, но вы у меня всегда в сердце. Однажды на пересылке мне было очень тяжело и я думал, что пришёл час моего перехода в вечность, но всё же в последней молитве я молился о вас. Бог продлил жизнь, слава Ему!

Хочу до последнего вздоха быть верным Господу. Если это произойдёт в стенах тюрьмы, то я буду вздыхать о церкви. Господь со всеми вами.

СВЯТАЯ ЖЕРТВА

...Расхищение имения... приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее. Евр. 10, 34

Кишинёвская церковь в годы гонений проводила богослужения на участке брата Николая Ивановича Никоры. В апреле 1974 года накануне Пасхи на его усадьбе построили первую палатку. До этого собрания верующих проходили по домам. Что из себя представляла палатка? Каркас, обтянутый брезентом, размером 10х6х2,5, пол деревянный. Кишинёвская церковь первая в стране проводила богослужения в палатке. Мы просили разрешения у хозяина поставить её на три дня для пасхальных богослужений, но она простояла 11 месяцев, потом её власти разрушили. Церковь вновь построила палатку на три метра длиннее предыдущей. Через год и вторую палатку разрушили. Хозяин снёс каменный гараж, и мы третий раз построили палатку на том же месте, увеличив её ещё на три метра.

Церковь быстро росла. Ни один дом не мог вместить посещающих богослужения. Летом и зимой, в зной и в стужу, под снегом и под дождём собрания не прекращались. Зимой 1980 года власти вновь разрушили палатку, и верующие вынуждены были проводить собрания на морозе.

В Кишинёвской тюрьме я думал о церкви. С моим арестом она будет переносить новые трудности. На улице мороз, снег, ветер. Многие устанут собираться на богослужения в непогоду. Зная эти трудности местной церкви, я ежедневно преклонял колени в камере и молился Богу: «Утешь дорогую церковь, помоги ей сохранить верность Тебе и в этих сложных обстоятельствах. Для меня нет большей радости, как слышать, что церковь стоит в истине. Не отдай её на посмеяние врагу...»

За годы моей разлуки Кишинёвская церковь выдержала немалый подвиг страданий. Однажды было назначено крещение на берегу озера. В тот день власти с раннего утра перекрыли к нему пути. Рядом с озером — гора, росли кусты, деревья. Верующие собрались в лесу приготовиться к крещению. Через кусты виднелись дежурные посты милиции. Пресвитер попросил крещаемых: «Оставим вещи здесь и подойдём к озеру как можно ближе. Как только нас увидит милиция, все побежим к воде. Не надо обходить их, а каждый напрямик спешите к водоёму. Когда мы будем уже в воде, они ничего с нами не сделают». Крещаемые в белых одеждах направились из леса к озеру.

Брат рассказывал мне, что произошло дальше: «Мы тихо пробирались к берегу через кусты, деревья, а потом побежали к воде. Представьте: 15 человек в белых халатах выбежали из кустов и устремились к воде. Милиционер недоумевал: что делать? Впереди бежали молодые, сзади — старенькие. Одна бабушка (ей за 65 лет) отстала. Подойдя к крутому берегу, она обратилась к растерянному милиционеру: "Сыночек, подай мне руку, помоги сойти в воду, я тоже хочу креститься..." Милиционер помог ей спуститься в воду. Не задерживать же её одну...»

Для разгона молитвенного богослужения направляли даже наряд милиции со служебными собаками. Во дворе, в саду, среди виноградника они расставили свои посты. Верующие сосредоточились у забора, помолились, а затем запели:

За евангельскую веру,
За Христа мы постоим;
Следуя Его примеру,
Всё вперёд, вперёд за Ним!

Когда на улице стемнело, всех стали силой сажать по одному в грузовую машину. Для устрашения натравливали собак.

Богослужение после очередного разрушения палатки

Разрушенный дом семьи Н. И. Никора

Богослужение на улице

Перепуганные дети кричали, собаки лаяли, а молодёжь продолжала петь. У некоторых верующих после разгона остались следы от укусов собак.

В таких условиях церковь в 70—80-е годы, терпя скорби, пополнялась новыми членами. Она боролась, как могла. Бог очищал её через страдания.

Прим. автора: 12 лет собирались верующие во дворе брата Никоры Н. И. За это время были разрушены четыре палатки, установленные для собраний, но Кишинёвская церковь, насчитывающая более 200 членов, продолжала собираться во дворе брата под открытым небом. Сколько было угроз в адрес хозяина дома, сколько он уплатил штрафов за проведение общений! Но Николай Иванович мужественно отстаивал право принимать у себя гостей — братьев и сестёр по вере. Ему сказали: «Мы знаем, что твоя усадьба для тебя дорога. Твои деды и прадеды жили на этой богатой земле. Но если ты не запретишь верующим собираться, мы снесём твой дом и что-нибудь построим...» Брат не согласился: «Здесь собирается Церковь Господа, и я не имею права запретить ей!»

Чтобы лишить верующих постоянного места для богослужений, в ноябре 1985 года снесли забор вокруг дома, выкорчевали сад ценных пород деревьев и виноградник, а затем бульдозером полностью разрушили дом.

Вещи семьи Никоры отвезли на грузовой машине в общежитие в однокомнатную квартиру на 16-м этаже. «Здесь, надеемся, ты палатку не поставишь и свои сборища организовывать не будешь!» — сказали брату на прощание.

На месте, где когда-то проходили богослужения, до сих пор зияет котлован и ничего не построено.

В 1986 году, освободившись из лагеря, я посетил Николая Ивановича в общежитии и рад был видеть его бодрым.

— Дорогой брат, приняв с радостью расхищение имения, вы приобрели бо́льшее богатство, чем то, что имели, потому что всё это положили в небесную копилку! Вы 60 лет жили в собственном доме. Привыкли. Может, вам подыскать дом и возместить потерю хотя бы таким образом?

— Всё, что имел, я положил на жертвенник и благодарю, что Бог принял мою жертву как благовонное курение, — возразил он. — Я рад, что удостоился за имя Его принять расхищение имения. Не нужно мне ничего возмещать! Что я тогда в вечности иметь буду? Нет уж, я доживу в этой комнатке. А впрочем... если это нужно для церкви, чтобы снова штрафы платить, снова дом Божий отстаивать, — я готов.

Какие драгоценные жемчужины есть у нашего Бога! Они готовы отдать всё своё, лишь бы угодить Господу.

СТРАДАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Как я и предполагал, желая сломить твёрдый дух Кишинёвской церкви, да и вообще всего Божьего народа, власти применяли ко мне и ко многим несгибаемым Христовым служителям необыкновенно жестокие меры. Одна из них состояла в том, чтобы бессрочно содержать в изоляции, осуждая верных Богу домостроителей на повторные сроки без выхода на свободу.

28 мая 1984 г. меня перевели из 3-го учреждения в 9-е. В народе их называют "тройка", "девятка". Здесь в первый же день у меня отняли лупу, без которой я не мог ни читать, ни писать.

6 июня посадили в ШИЗО на 15 суток за то, что я не приветствовал старшего лейтенанта Сенечека Ю. Г., который подошёл ко мне со стороны спины и которого я, разумеется, не мог видеть. Затем без выхода из ШИЗО добавили ещё 9 суток за то, что я якобы не справился с обязанностями дежурного по камере. Дежурного обычно назначают утром, а тут уже в обед начальник открыл "кормушку" и объявил: «Сегодня дежурным будет Хорев!» Все удивились. А через несколько минут зашёл оперативник Фесуненко вместе со старшим лейтенантом и другими начальниками. Всем приказал повернуться к стене и поднять руки. Обыскали камеру и нашли миску. Она всегда была в камере, об этом все давно знали. Ну, а сейчас это стало поводом, чтобы мне, как дежурному, добавили ещё 9 суток ШИЗО. Не прошло и 9 суток, как добавили ещё 8 за то, что я отвечал на вопросы заключённых о Боге.

После ШИЗО сразу перевели на 2 месяца в ПКТ (помещение камерного типа).

Заканчивалось лето. Наступил день моего выхода из ПКТ. Пришёл Сенечек и принёс мне постановление: за плохое дежурство в камере 31 августа водворить в ШИЗО на 15 суток... и меня 1 сентября, вместо того чтобы выпустить в жилую зону, опять водворили в ШИЗО.

В это время несколько раз сажали в камеру «африканку»: в июне на двое суток, в октябре на восемь и в ноябре на 15. Это камера для тех, кто нарушает режим ШИЗО. Первый раз находиться в ней было легче, потому что стояла тёплая погода. Но 8 и 15 суток стали для меня особым испытанием.

"АФРИКАНКА"

В штрафном изоляторе есть разные камеры. Среди них — особая, заключённые называют её «африканка». Она большая, метров 15—18, в ней очень холодно. Окно в камере есть, но в нём нет стёкол. Напротив окна расположены двери. Их две: одна выходит на улицу, другая — в коридор. Зачастую надзиратели специально приоткрывают обе двери и создают сквозняк.

Когда меня туда завели, холод стоял невыносимый. Одежда моя — только майка и роба (хлопчатобумажная одежда заключённых). Сидеть практически не приходилось. Чтобы согреться, нужно постоянно делать физические упражнения. Отогрел немного туловище, требуется срочно растирать руки; отогрелись руки, ноги уже ничего не чувствуют. И так круглые сутки.

В каждой камере ШИЗО на ночь отстегивают нары для сна. И в «африканке» есть нары, пристёгнутые к стенке, но их никто не просит отстегнуть, потому что они полностью металлические. Спать на них невозможно. Каким бы уставшим человек ни был, он даже ночью на них не ляжет. Матраца не дают, а если лечь на железную решетку, то к утру не проснёшься, замёрзнешь. Это все понимают. Здоровыми обычно из такой камеры не возвращаются.

«Африканка» отличается от обычных камер тем, что в ней хотя и деревянный пол, но к нему по длине и ширине на расстоянии 30 сантиметров прибиты железные уголки, образующие квадраты, в которых может поместиться ступня только одной ноги. Высота уголков — три пальца. Это сделано для того, чтобы заключённые не могли на полу ни сидеть, ни лежать. Обувь заключённого составляет подошва (в ШИЗО её выдают вместо тапочек). Привязанная к ступне подошва свисает при малейшем подъёме ноги, поэтому передвигаться по камере можно только аккуратно, с большой осторожностью ступая по квадратам, высоко поднимая каждую ногу и внимательно глядя, куда её опустить, чтобы не оступиться. Часть пола в камере у дверей свободна от уголков, но там — сквозняк. Я сквозняка боялся, поэтому не располагался у дверей для отдыха.

Камера названа «африканка» ещё и потому, что заключённые, обессилев от ходьбы, падают на прибитые к полу уголки, и всё тело покрывается синяками, чёрными кровоподтёками. Пришёл в камеру белым, а выйдешь — чёрным, как африканец.

Прошли жаркие дни. С меня сняли комбинезон, дали куртку и брюки, вот и вся одежда. Первые дни сентября было ещё терпимо, погода держалась тёплая. Но с 5—7 сентября ночи стали холодными, бодрствовать приходилось и днём, и ночью, я заставлял себя постоянно двигаться. Хотя пришлось и очень трудно, но с помощью Господа превозмог это испытание. Совершенно неожиданно для меня 14 сентября дверь камеры открылась и меня вызвали в дежурную комнату. Там отдали мои вещи и объявили, что я свободен и могу идти в зону!

Откровенно говоря, я был приятно удивлён. Ведь меня выпускают на сутки раньше. Тут же сообщили, что меня ждёт передача (а передача положена один раз

в год). Я вышел в жилую зону. 100 дней не дышать свежим воздухом! Сходил в баню, переоделся, получил передачу. Узнал, что её передала моя жена. Слава Богу, семья жива, где-то рядом мои дорогие. Знаю, что волнуются, переживают. Ведь 100 дней ни одного письма от меня к ним, ни от них ко мне!

Стоял у дверей своего барака и наслаждался свежим воздухом. Вдруг подошёл ко мне дежурный и позвал в режимную часть. Я знал, что ничего хорошего нельзя ожидать от посещения режимной части. В кабинете меня встретил всё тот же Сенечек и приказал снять мой ботинок с правой ноги. Я снял. Он вынул из него стельку и начал вытряхивать «содержимое». Думаю, что он может оттуда вытряхнуть? Ведь там ничего нет. Лицо его выражало восторг. «Попался, Хорев! Мы ведь о тебе всё знаем!». И, говоря это, поднял с пола 10 рублей, свернутые в маленький комочек. Тут же выписал постановление «за незаконное хранение денег», подписал его у начальника колонии Власова, и меня вновь определили на 10 суток в ШИЗО. Надзиратель переодел меня опять в куртку и брюки и подвёл к камере №7 — к той самой знаменитой «африканке». Я сказал надзирателю: «Может быть, в другую камеру, в 1-ю или во 2-ю? Там теплее».

«Нет, — говорит, — тебя приказано поместить только сюда».

«Господи, — тревожно застучало сердце, — не моя воля, но Твоя да будет!»

Я был один в этой камере. Что гонители хотят добиться от меня, вновь посылая сюда? Мысли приходили разные, но я задал себе другой вопрос: «А что мой Господь хочет от меня, когда допустил Своё дитя поместить в эти тяжёлые условия?» Ответ на этот вопрос один: Господь хочет меня испытать и ниспослать ещё большее, чем доселе, благословение. Так благослови же, Господи, Своего раба сохранить Тебе верность при всех обстоятельствах!»

В «африканке» круглосуточно нужно держать себя в напряжении, 24 часа массажировать тело, иначе окончательно замёрзнешь. Растираешь, начиная с пальцев рук и кончаешь пальцами ног; потом раз 30 присядешь, устанешь, вроде согрелся — и быстро стараешься присесть, закрыть глаза. Поспать удаётся минуты 2—3, в лучшем случае 5, но даже за такое короткое время основательно коченеешь. Проснулся, и начинаешь всё сначала: массаж, упражнения, — словом, дремать некогда.

Наступили холодные осенние ночи. Особо трудно было по ночам. Ведь заснуть нельзя, опасаясь, что не проснёшься. Силы оставляли окончательно.

В камере вдоль одной стены уголки сняты, чтобы дверь беспрепятственно открывалась, и на этом небольшом пространстве можно поставить ноги вместе и присесть на корточки. На вторые сутки после изнурительной гимнастики я, обессиленный, присел и у меня появилось желание уснуть, может быть, уже и вечным сном, и перейти к Господу. Я попросил Господа об этом. Откровенно скажу, момент был критический. И тут я крепко уснул. Сколько проспал — не знаю. Но, проснувшись, почувствовал себя отдохнувшим. Стал растирать покрывшееся синяками тело. Лицо было отёкшим.

В «африканке» стоят бетонные тумбы для нар, но сидеть на голом цементе я боялся. Снимал одну подошву — она служила мне сиденьем, на вторую подошву клал ноги и отогревал их руками, — коченели. Только сяду, сразу засыпаю и падаю на уголки. Так было дважды. С тех пор я перестал садиться на тумбы, а если и прислонялся к стенке, сидя на корточках, то старался занять такую позу, чтобы мне было неудобно надолго оставаться в ней, — я прекрасно понимал, что могу вообще не встать, усну и замёрзну.

Однажды, стоя посреди камеры, уснул. Конечно, упал. Проснулся — голова светлая, выспался немножко. Рёбра болели, локоть и ещё где-то (не мог понять где), но не было ни перелома, ни повреждения. Синяки были, но не очень страшные.

КИПЯТОК — ИСТИННОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

В ШИЗО самое приятное время для меня — 6 часов утра: давали хлеб и 300 г кипятка. Я не испытывал нужды в пище, не знал чувства голода не потому что сытно кормили — просто не было особой потребности. Спать мне всегда хотелось, сильно уставал. Скудную пищу я воспринимал спокойно, мне хватало. Отламывая по маленькому кусочку, я жевал его долго-долго, так что даже не замечал, как он исчезал. Когда в камере был молоденький напарник, я мог часть своей пайки отдать ему, потому что не мог видеть, какими жадными глазами он смотрел на неё.

Что я не мог отдать, так это кипяток. За ночь истомишься, ждёшь утра с нетерпением. Наконец открывается "кормушка", тебе дают пайку хлеба и миску кипятку, — это истинное удовольствие для замерзающего человека! И руки погреешь, и очень приятно! Чуть остынет, торопишься выпить, чтобы согрелось всё внутри. Это воистину наслаждение, особенное торжество. Благодаришь Бога, что дождался утра.

Меня часто спрашивали о пище, чем кормят? Кормят три раза в день хлебом и кипятком. Но через день дают в обед вместо кипятка суп. Что из себя представляет суп? В тот же кипяток брошены несколько листьев капусты, иногда попадает и четвертинка картошки, половинка — никогда.

САМАЯ ТРУДНАЯ НОЧЬ

Физические силы меня оставляли. Больше всего донимала бессонница. Както утром во время очередного обхода вошёл в камеру начальник лагеря Власов и его помощник Сенечек. Самодовольная улыбка, гордая осанка... Власов обвёл взглядом камеру, остановил взгляд на мне и с долей издёвки спросил: «Не холодно ли тебе, раб Божий?»

Вначале я хотел промолчать, но он ждал ответ и получил его: «Гражданин начальник, к вам у меня нет никаких просьб или заявлений». Я знал, что он желал ещё больше посмеяться надо мной, выслушав мои жалобы.

«А здесь не холодно, — обратился Власов к Сенечеку, — ведь мы не замёрзли». Они стояли в шинели, в сапогах, в фуражке. Немного потоптавшись у порога, ушли.

Следующая ночь для меня была самой тяжёлой. От холода быстро мёрзли ноги. Из последних сил я натирал их, затем спину, руки, плечи, уши, и опять начинал всё сначала. Присяду раз 30—40, немного согреюсь, скорей присаживаюсь на корточки, прислонившись к стенке, и засыпаю на 2—3 минуты. Просыпаюсь замёрзший, и опять принимаюсь за растирание, приседания. Так продолжалось до тех пор, пока окончательно не обессилел.

Бывало даже, что не мог помолиться. Сосредоточиться тяжело, терял способность мыслить. Беспокоился: как бы сохранить разум трезвым. Столько суток без сна, а впереди неизвестно сколько ещё времени придётся не спать... Старался вспомнить какой-нибудь псалом — не получалось; заставлял себя — всё равно безрезультатно.

Думаю: дай-ка помолюсь молитвой «Отче наш». Я её полюбил с детства, держусь за эту прекрасную молитву, как за самый надёжный якорь. Но только прошепчу: «Отче наш! Сущий на небесах...» — дальше не мог вспомнить. Понимал, что хорошо знаю эти слова, но в памяти — страшный провал. Снова и снова напрягался, но закончить не получалось.

Не мог даже вспомнить подряд имён своих детей и испугался: «Неужели так притупился мой разум?»

«Сколько можно так бороться?» — промелькнула мысль. Я осмысливал, что мне могут продлить срок, и не знал, когда выберусь из «африканки». Решил: наверное, я сейчас прекращу борьбу, перестану массировать себя, не буду сопротивляться и отправлюсь уже на покой. Утопающий, когда обессилит, смиряется с тем, что пойдёт ко дну. Нечто подобное произошло и со мной. Думаю: совершу сейчас последнюю молитву, лягу у дверей и крепко усну. В том, что больше не встану, не сомневался, но закончить жизнь в тюремной камере

было для меня великим блаженством.

«О чём же я в последний раз буду молиться?» — спросил я себя. Начал перечислять: о семье, о церкви. О ком же конкретно? Вспомнил несколько имён. Скажу откровенно, трудно было думать о чём и о ком молиться.

Я стал готовиться к моей последней молитве на земле. Это были волнующие минуты в моей жизни. И тут я вспомнил проповедь, которую говорил накануне своего ареста 5 лет назад. Содержание её меня обличило и успокоило. Хотя бы вкратце поделюсь некоторыми мыслями из этой проповеди: 3 Цар. 19, 4—8.

Илия одержал победу, вошедшую в историю Божьего народа, а на другой день испугался угроз Иезавели и убежал в пустыню. Нашёл, как ему казалось, удобное место, сел под можжевеловым кустом и стал молиться Богу.

Если вчера была молитва борьбы и победы, то сегодня он просил себе смерти: «...довольно уже, Господи, возьми душу мою!..» Для Илии Бог приготовил особенно торжественный переход на небо. Огненная колесница перенесёт его. Илия, в отличие от других пророков, не испытает смерти, а его плоть изменится во мгновение ока. Но Илия, не ведая Божьих планов, просил себе смерти. Его не смущало, что тело его будет отдано на съедение птицам небесным и зверям полевым. Он просил себе смерти в час, когда усталость от борьбы подступила к нему: «Господи, возьми меня...» Бог ему ничего не ответил. Не стал его обличать. Бог дал возможность поспать уставшему пророку, затем Ангел пробудил его, накормил. Илия опять уснул, и только после этого Господь открыл ему Свою волю: «Встань, ешь, ибо дальняя дорога пред тобою». Почему Господь промолчал и сразу не ответил на молитву Илии? Потому что Илия устал и был не способен внимать Его гласу. Бог вначале дал Своему рабу возможность поспать, затем накормил, позволил опять отдохнуть, набраться сил и только после этого разбудил и объявил Свою волю.

«Братья, — говорил я тогда в своей проповеди, — когда нам тяжело, когда мы уставшие, нам не следует в такие минуты категорично разговаривать с Богом. Бог даст нам отдых, подкрепит, а завтра, пробудив, сообщит Свою волю...»

В «африканке» я размышлял: может быть, у Бога и для меня есть повеление? Умереть легче, но хочет ли этого Господь? От напряжённых раздумий и душевной тревоги голова моя неожиданно просветлела. В сознании прозвучал чёткий голос (сразу оговорюсь: никаких зрительных или слуховых галлюцинаций не было): «Перед тобой — три молитвы, какой хочешь, такой и помолись. Если ты попросишь у Меня свободы, Я дам тебе её сразу, без каких-либо компромиссных решений; если попросишь смерти, получишь и её. Но если помолишься: "Да будет воля Твоя", тогда, разреши, Я поведу тебя Своим путём!»

Какой же молитвой все-таки помолиться? Первая молитва хорошая — выйти на свободу. Но неужели я шёл в тюрьму только для того, чтобы поскорее оттуда выйти? Мне стало стыдно за такую мысль. Нет, такой молитвой я молиться не буду.

«Господи, возьми меня к Себе» — второе условие. Желание отдохнуть от трудностей и перейти в вечные обители, встретиться со всеми святыми на небе, конечно, было очень приятным. Но самовольно оставить Божье дело и поспешить на отдых, когда в Церкви Христовой столько труда, — нет! И это не подходит! В сильном боренье я провёл некоторое время. Вспомнил Езекию, который выпросил у Господа 15 лет жизни. Бог удовлетворил его просьбу, но что̀ произошло с ним потом?

«Могу ли я сейчас на чём-нибудь настаивать перед Господом?» — спросил я себя, и ответил: «Нет!»

Третья молитва меня очень привлекла, и Господь послал силы для победы. Склонившись ни колени, я помолился: «Господи, да будет воля Твоя. Только дай мне силы исполнить её. Я не могу знать, какая она, но что̀ Ты хочешь сделать с Твоим рабом, то и соверши для Своей славы. Я окончательно устал, у меня нет никаких сил бороться и молиться. Пробуди кого-нибудь из моих братьев и сестёр, чтобы поддержали меня в этот тяжёлый час».

Встав с колен, я был преисполнен радости. Было около двух часов ночи, когда Господь помог одержать святую победу, — благодарение Ему! Не знаю, какой первый гимн я спел, но хорошо помню второй:

О нет, никто во всей вселенной
Свободы верных не лишит!
Пусть плоть боится цепи тленной
И пусть тюрьма её страшит,
Но мысли, тьмой порабощённой,
Сам Бог люби свободу дал,
И цепи ей, освобождённой,
Доныне мир не отковал!

О нет, никто во всей вселенной
Нас чести нашей не лишит!
Пускай с враждою откровенной
Толпа позором нас клеймит,
Поднимем знамя правды вечной,
Любовью злобу обовьём
И честь не в славе быстротечной,
А в торжестве любви найдём.

О нет, никто во всей вселенной
Не похитит богатств у нас!
Пусть на алтарь борьбы священной
От нас возьмут в жестокий час
И серебро, и что имеем —
Мы совесть чистой сохраним,
Мы тайной счастия владеем
И ею мир обогатим!

С тысячеустным торжеством, с благоговейным трепетом я пропел три куплета и присел на выступ около туалета. Чувствую, каким-то теплом повеяло от стенки. Моментально встал. Прикоснулся — батарея горячая! Но отопительный сезон ещё не начался. Видимо, проверяли систему для подключения на зимний период. Я удивился, что проверку делали в два часа ночи! Батарея дышала теплом часа три. Отогрел я немного спину, и меня не так стало беспокоить тело, а сердце ликовало! Прижался к батарее и благодарил Бога: «Господи! Какую заботу Ты проявил обо мне! Горячая батарея — это знамение для меня, что Ты очень скоро отвечаешь на мои нужды!»

***

Я понимал, что впереди меня ждут ещё «сорок дней пути», как у Илии. Сколько эти «сорок дней» продлятся, неизвестно: три года или год — это меня не интересовало. Я верил, что Господь мог в тот же день освободить, но, поскольку я доверился Ему, Он поведёт Своим путём, как Ему угодно.

Спустя два года, в день моей встречи с церковью 19 декабря 1986 года, ко мне подошла сестра и спросила: «Что произошло с вами 23 сентября 1984 года? Бог пробудил меня в ту ночь, и я молилась о вас, чувствуя, что с вами происходило что-то очень важное». Слава Богу за Церковь Христову! «Страдает ли один член — с ним страдает и всё тело». Это наша общая борьба и общая победа.

Пережитое сохранилось в моей памяти не как нечто ужасное. Как ни странно, оно оставило приятные воспоминания Божьей милости, Его твёрдой руки и свидетельства, что Бог не посылает испытаний сверх сил.

Знаю по рассказам многих заключённых, что такой камеры нет ни в одном лагере. Я спрашивал многих братьев-узников, никто не встречал подобное. Эта камера — не прихоть администрации Омского лагеря. 9-я колония создана Управлением лагерей как «пресслагерь» для содержания в нём особо опасных заключённых.

В «африканке» томился наш дорогой брат, пресвитер Омской церкви Николай Романович Савченко, и не 25 суток, как я, а 30 суток. В тяжёлом состоянии его отправили в больницу. Меня Господь избавил от этого. Почему? Это ведомо только Богу.

В Омском лагере меня содержали в штрафном изоляторе 105 суток: 7 раз по 15 суток без перерыва. Хотя положено после 15 суток освободить хотя бы на полдня, чтобы заключённый мог сходить в баню, переодеться. Всё это время я ни разу не ходил в баню, не менял одежду. Работники КГБ создавали для меня такую невыносимую обстановку через оперчасть.

ПРЕСС-КАМЕРА

Однажды начальство решило поместить меня в «пресс-хату». Эта камера предназначена для физической расправы над заключённым, чтобы получить от него нужные показания: через кого получают наркотики? через кого передают деньги на волю? Если совершено убийство и нет доказательств вины подозреваемого, его помещают в эту камеру и выбивают признание. Иногда это делают с теми, кому начальство хочет отомстить, и по другим причинам. В официальных документах ИТУ (исправительно-трудовое учреждение) такой камеры не существует. По виду она, как ШИЗО, но в ней всегда есть 2—3 специально подобранных заключённых с садистскими наклонностями, которые действуют по заданию начальства лагеря. За труды надзиратели щедро обеспечивают их наркотиками, чаем, спиртным, табаком.

Меня завели в эту так называемую "пресс-хату". На двухъярусных нарах сидели трое заключённых. За решёткой спрятана лампочка. Тусклый свет.

— Здравствуйте, ребята, — как обычно, приветствовал я.

— О, святой отец пришёл. За что ж тебя сюда?

— Пути Его неисповедимы. Ребята, вы не возражаете, если я по своему обычаю помолюсь Богу?

— Давай, давай, батя.

Преклонив колени, я помолился Господу. Я знал, что случайно в эти камеры никого не помещают. Отсюда обычно выходят калекой или морально падшим, с которым даже не едят вместе.

Я сел с ними на нары. Начался обычный разговор, но я знал, что он постепенно перейдёт в крайнюю неприязнь ко мне, а затем, возможно, последует расправа. В таких случаях виновных не найдёшь. Я рассказал им библейские истории и старался в беседе подвести ко Христу. На следующий день открылась "кормушка", один из сокамерников о чём-то пошептался с надзирателем, который, видимо, дал им какое-то задание. И вскоре в камеру привели еврея, в чём-то провинившегося перед начальством. С первых минут они стали придираться к нему, чтобы развязать драку: «А у тебя ещё "рыжики" во рту? (То есть золотые зубы.) Давай их сюда!»

Один взял ложку, подставил остриём к коронке, сильно ударил и выбил у него золотые коронки. Конечно, золото они отдадут надзирателю.

Затем его стали избивать. Мне очень сложно было сориентироваться, какую занять позицию. Из угла камеры я невольно наблюдал, как на глазах жестоко избивали человека.

«Отвернуться, чтобы не видеть? — Не годится, — думал я. — Вступиться? — По законам преступного мира недопустимо». Было ясно: разделавшись с ним, они возьмутся за меня и я стану очередной жертвой. Но не о себе я думал, а лишь размышлял: если займу неправильную позицию, то никакие разъяснения не понадобятся. Когда же увидел, что зэки приготовились прыгать на него с верхних нар, чтобы раздавить сапогами вконец, решил, что пришло время вмешаться.

«Нет, ребята! Прыгать на него вы не будете, потому что я в камере!» — и потащил несчастного к умывальнику. Открыл кран, освежил ему лицо. Избитый пришёл в себя, застонал.

Один из истязателей подошёл ко мне, и мы вместе отошли к окну. Он озлобленно смотрел мне в глаза:

— Святой! Ты знаешь, что сделал? Ты встал нам на дороге! По нашим законам то, что мы должны были сделать с ним, теперь сделаем с тобой.

— У тебя свои законы, а я живу по своим законам: побеждай зло добром. Ты не можешь изменить своим порядкам, а я не могу изменить своим: «Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обречённых на убиение» — этому меня учит Христос. Я с этим человеком никогда не был знаком, возможно, никогда и не познакомлюсь, но всему есть предел! Я обязан вступиться даже за собаку, если ты будешь над ней издеваться, тем более за человека! Нехорошо вы поступили с ним.

— Знаешь что, ломись из "хаты"!

Я знал, что̀ это значит: мне следовало тут же стучать в дверь и просить надзирателя перевести меня в другую камеру, потому что мне опасно здесь находиться.

«Нет, ребята, я ещё ни из какой "хаты" не ломился, — возразил я. — Если вы считаете, что я вам мешаю, попросите сами, чтобы меня перевели», — подсказал я спокойным тоном.

Вначале они дышали на меня злобой, но моё спокойствие остудило их пыл. Они принялись стучать и вызывать надзирателя.

— В чем дело? — спросил дежурный по ШИЗО.

— Убери святого отсюда, делать ему здесь нечего.

Открылась дверь. На прощание я по-доброму пожал каждому руку и вышел в коридор. Надзиратель увидел еврея, лежащего на полу среди камеры, но это не вызвало в нём никаких эмоций.

— В какую "хату" тебя?

— Начальник, мне безразлично.

Посадили в камеру напротив. Слышу, как из "пресс-хаты" кричат: «Му-жи-ки! Во-ры! Если святого не то что кто-то тронет, а плохо посмотрит, голову сниму!» И ещё на своём жаргоне много непотребных слов выпалил.

Я размышлял: для чего же начальство поместило меня в "пресс-камеру"? Возможно, для психологического воздействия, чтобы расшатать мой дух. То морозили меня, то 105 суток в ШИЗО держали без выхода, теперь "пресс-хата", и всё это для того, чтобы или устрашить, или убрать из жизни.

Вспоминая пережитое, могу сказать, что надо мной исполнилось слово Господа: "Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдёшь ли через огонь, не обожжёшься, и пламя не опалит тебя», — это чудо Божье.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Очень часто на меня пытались воздействовать психологически. Приоткрывали дверь камеры, где я находился, а в соседней Сенечек избивал кого-либо дубинкой. Я слышал стоны, крики, вопли заключённых. Или на кого-либо в соседних камерах надевали смирительную рубашку. Сшита она из материала, который при увлажнении садится. Спереди такая рубашка зашнуровывается. Рукава её длиной около двух метров. Наденут её на заключённого, завяжут рукава на спине и обливают холодной водой.

Те, кому приходилось побывать в ней, говорили, что у человека возникает ощущение, будто ломаются кости. Во время издевательства присутствует врач. Больше двух часов не держат в смирительной рубашке, потому что человек постоянно теряет сознание. Нашатырным спиртом приведут в чувство и опять обливают водой. Люди кричат, стонут, и мне приходилось всё это слушать.

Итак, за пять с половиной месяцев до суда я пробыл в ШИЗО и в ПКТ в общей сложности более 137 суток, и только после этого мне предъявили санкцию на арест и перевели в тюрьму для нового следствия. Я понимал, что Господь подготавливает меня к новому, неведомому для меня пути...

Пережив эти трудности, сердце не наполнилось озлоблением или неприязнью к гонителям, слава Богу. Основные исполнители делали со мной по злому умыслу несравненно больше, чем дозволено. Но даже на них я не сетовал, а молился: «О, если бы, Господи, им была явлена Твоя милость! Если бы Ты мог ещё простить им, посетить их сердце сокрушением...»

Могу смело засвидетельствовать, что трудностей, которые невозможно перенести, я не испытал. Оглядываясь на пройденный путь, с радостью хочу сказать: «До сего места помог мне Господь!»

ЗА ЧТО ВАС СУДЯТ?

Многие заключённые не верят, что в наше время можно быть судимым за служение Богу. Когда же читаю им свой приговор, беседа проходит совсем в другом русле: все оживляются, задают во-

просы, неподдельно удивляются, открыто возражают и рассказывают о наших братьях-узниках.

Взять копию приговора в суде нетрудно, хотя для нас, верующих, это не так. Очень сожалею, что в нашей семье нет приговора моего папы. Храните все три мои приговора и обвинительные заключения, как самую драгоценную семейную реликвию. Эти документы будут отчётом о моём служении перед Богом в день суда. Они также будут обвинительным материалом для наших гонителей. Эти документы — честь для христианина, ибо в них не отражено ни одного преступления. Все деяния осуждённых узников в Господе — это служение Богу и защита Христовой истины. Мои страдания за Христа — самое большое богатство, с которым я предстану перед Богом, чтобы дать отчёт о своей жизни и служении Ему. Благодарю Бога, что Он трижды удостоил меня быть Его свидетелем на суде. Не каждому в жизни дана честь быть узником в Господе.

Находясь в заключении, я и радуюсь, и грущу. Радуюсь, что за имя Христа удостоился быть гонимым, униженным. А грущу о том, что в церкви очень много работы, а делателей мало. Работать в Христовом винограднике очень хочется, но на всё — Божья воля, как просил Иисус: «Не Моя воля, но Твоя да будет».

Осуждённых верующих всегда содержат среди уголовников, то есть с людьми, совершившими убийство, насилие, кражу, со спекулянтами, взяточниками. Обычно входишь в камеру и слышишь первый вопрос: «По какой статье судили?» Скажешь: по 142, и все недоуменно пожимают плечами. Начинаю объяснять. Как только узнают, что я верующий и нахожусь в тюрьме за служение Богу, опять удивляются:

— А почему тебя сюда, а не в политическую тюрьму сажают?

— Я не политик, я христианин, служитель. Мы в политику государства не вмешиваемся, — отвечаю, и слышу возражение:

«Советское государство и атеизм неразделимы. Если бы вы просто верили, как мы: хотим — свечку в храме ставим, хотим — грабим храм Божий, то за такую веру у нас не судят. Но если вы своими деяниями мешаете атеизму идти победным маршем по планете, вас раздавят! Вы мешаете политике нашего государства, — поясняют мне. — Цель политики нашего государства — построение коммунизма, а коммунизм и религия — несовместимы. Значит, надо создать условия для её постепенного вымирания, что и делается: закрывают храмы, мечети, молитвенные дома и костёлы. Открывают дворцы и дома культуры, стадионы, спортивные площадки, танцплощадки, устраивают гуляния, туристические походы, массовые выезды зимой лыжников, а летом грибников, проводят встречи «белых ночей» и проводы «русской зимы», — и всё это поощряется государством. А вы, как видно из вашего приговора, тоже были в лесу, но совершали на лоне природы богослужение, а это противопоказано советскому обществу. Ваши действия не будут способствовать отмиранию религии. Вы враждуете с атеизмом, а ведь он (атеизм) взят государством на идеологическое вооружение. Значит, вы выступаете против политики партии и правительства и мешаете строить атеистическое общество. В таком случае вы, верующие, — политические преступники, а не уголовники! Но почему вас сажают с нами, это не совсем понятно...»

Вот такие разговоры мне приходилось слушать не раз. Много встречается интересных людей и хороших собеседников, но со временем они рассеиваются, каждый занимается своим делом. Остаются отдельные личности, интересующиеся верой больше, глубже, некоторые из них очень близки к истине. Они с жадностью воспринимают весть о Христе как Спасителе души. Им очень дорога весть о всепрощающей Божьей любви через Кровь Христа. Они удивляются простоте учения о прощении грехов. Над некоторыми из них я совершал молитву, и они говорили: «Как хорошо, что здесь, на дне преступного общества, есть проповедники об Иисусе Христе!»

Да, неслучайно Бог послал нас в уголовный мир. Да, наши деяния никак не относятся к уголовным преступлениям, но и в тюрьмах с политическими «преступниками» мы не находимся. Мы ведь не боремся против существующего строя, не входим в какую-либо политическую партию. Учение Христа — вне политики!

БЕЗ ВЫХОДА — НА НОВЫЙ СРОК

25 сентября меня освободили из «африканки», а 30 октября опять вызвал Сенечек. Не по селектору, а послал прапорщика, чтобы тот нашёл повод привести меня в штаб.

— Где койка Хорева?! — поднял прапорщик шум.

— Что случилось?

— Почему постель плохо заправлена?! Пошли в штаб! Там напишешь объяснительную!

Среди многих помятых постелей он нашёл только одну мою.

Сенечек завёл меня в свой кабинет:

— Снимай правый ботинок!

Отдаю. Он вынимает стельку, трясёт — на пол падает скомканная 10 рублёвая бумажка. Ясно, что подкинул, как и в прошлый раз. В итоге — семь суток ШИЗО, затем добавили ещё восемь. Понимаю, что мне, видимо, уже не выйти из штрафного изолятора.

На этот раз держали в тёплых камерах, по крайней мере, нары — деревянные, а это уже много значит. Человек 9—10 ляжем плотненько друг ко другу на сплошных нарах, согреемся — и можно спать, хотя ни подушки, ни одеяла, ни матраца не дают. На голом дереве, но не чувствуешь, что жёстко. Кулак — под голову и спишь.

Во второй половине ноября прокурор объявил в штабе, что на меня как на злостного нарушителя режима содержания возбуждено уголовное дело по статье 188-3.

Через три дня этапом отправили в тюрьму. Я праздновал победу: «Господи! Это ответ на мою молитву! Я согласился, чтобы Ты совершил Свою волю, и Ты повёл меня особым путём. Благодарю Тебя, что Ты вывел меня из тесноты! Дай силы прославить Тебя в новых обстоятельствах — об этом прошу...»

Словом, я был доволен. Надеялся, что теперь всё-таки будет легче. Откровенно говоря, усталость давала о себе знать.

Следствие вели не только по статье 188-3. Обвиняли ещё и по статье 190-1 — клевета на советскую действительность. Мои объяснения, что я подвергаюсь преследованию не за преступления, а как христианин, никого не интересовали. Гонители и сами это хорошо знали. Тем не менее, прокурор убеждал: «В кассационном порядке вина твоя утверждена! Не может советский суд выносить неверное решение! Ты клевещешь на советскую власть!»

Но при закрытии дела эту статью всё же сняли. «Достаточно тебе и одной статьи! — уведомил следователь. — Всё равно обе предусматривают наказание до трёх лет».

Следствие шло быстро, спокойно. Я отдохнул за это время и физически, и духовно. Благодарил моего Бога за это.

Родные искали пути, чтобы оказать мне помощь. 5 декабря получил передачу от жены — было очень приятно; я не так радовался продуктам, как торжествовал: всё-таки нашла! И нашла всего через две недели после помещения в следственный изолятор тюрьмы. Сердечно благодарил Бога, что не затерян, но пользуюсь вниманием семьи — это особая честь.

Судили 28 января в кабинете начальника лагеря на «девятке». Присутствовали одни офицеры и начальники, и — ни одного прапорщика. За воротами стояли жена, сын, родные, друзья, омские братья и сёстры.

Судья задавал стандартные вопросы:

— Когда получил обвинительное заключение?

Тогда-то.

— Значит, прошло семь дней после вручения?

— Да, но я не имел возможности его прочитать: у меня изъяли лупу и до суда четыре дня содержали в ШИЗО. А там отняли даже обвинительное заключение!

— Кто-то мог бы прочитать его вам.

— Мог, но не обязан. Вы должны соз-

дать условия для знакомства с делом.

— Причина не основательная. Суд состоится. При желании вы могли познакомиться с делом.

— Вы нарушаете процессуальный кодекс, — напомнил я.

— Вам слова не давали! — грубо оборвал судья.

И так ни на один довод не обращали внимания. Основным мотивом обвинения служила благословенная беседа с заключёнными 15 июня. Дали два года и месяц.

Осуждённый за воровство поинтересовался: «Михаил Иванович, если бы я обокрал вашу квартиру, о чём бы вы больше всего сожалели? Что для вас самое ценное?» — «Четыре обвинительных заключения — самое большое моё богатство, с которым мне не стыдно предстать перед Богом», — ответил я ему.

Благодарю Бога, что Он удостоил меня быть Его свидетелем на суде! Не каждому дана в жизни честь быть узником в Господе. Но получить обвинение — это половина дела. Устоять на суде — великая победа. К этому нужно готовить себя смолоду. Но скитания по тюрьмам ещё впереди. Да поможет Господь быть верным Ему до конца.

Для Бога всё возможно

После суда поместили в отдельную камеру ШИЗО. Маленькая, весь пол устлан приваренными уголками, но это не «африканка». Колени преклонить невозможно, но ничего, Бог слышит молитву при всех обстоятельствах. Я не сетовал на судьбу, а глубоко и сердечно благодарил Господа за прекрасную участь быть христианином, за то, что Он дал мне милость, следуя за Ним, не озираться назад, но простираться вперёд, глядя на своего Учителя, Который совершил жертвенный подвиг во имя спасения моей души. Просил Господа, чтобы Он ободрил моими узами церковь, воодушевил многих на новые подвиги во имя Его.

Без преувеличения скажу: настроение было приподнятое. Я чувствовал себя победителем. Молился: «Господи, Ты продлил срок, значит, что-то особенное хочешь сделать для меня, и за всё, что Ты намерен сделать, благодарю! Благодарю за ту победу, которую Ты одержишь!»

В камере ходить невозможно, я сидел и с большим торжеством пел:

> О том возрадуйтесь, друзья Христовы,
> Что Иисус Своими вас назвал!
> Христос воскрес! И смертные оковы
> Своею смертью наши Он порвал!

Оковы для плоти вроде бы увеличились, но для духа они были разорваны.

Надзиратель в это время стоял у двери: в камере в ночное время петь нельзя. Но ему было, наверное, скучно, и он спросил: «Что ты поёшь-то?!» Интонация говорила о том, что он переживал обо мне. Ещё бы: в день освобождения дали новый срок! Я ему пытался объяснить, вижу — не понимает.

«За воротами верующие плачут о тебе, а ты поёшь?!» — не мог он сдержать своего недоумения.

Показного веселья у меня не было, я просто не мог поступить иначе и был совершенно свободен в совести, что пою. Не знаю, что̀ бы вы ответили, но я сказал: «Всё правильно и всё на своём месте: верующие должны плакать, а я должен радоваться. Кто несёт бремя, должен торжествовать, а кто поддерживает угнетённого, должен тревожиться».

Пример тому — святой Апостол Пётр: он в темнице, в оковах спокойно спал, а церковь бодрствовала, молилась. Не осуждаем же мы Петра за его сон. Взгляните, какой контраст: узник спокоен, а церковь в тревоге. Неужели она духовнее того, который спит? — Нет. Прекрасная духовная высота и у Петра, и у церкви.

Пётр не нуждался в таблетках для сна, он знал, что, последовав за Иисусом, выполнил всё заповеданное Богом. Его арестовали, приговор ясен, теперь можно и уснуть. Ангел Господень вошёл в темницу, яркий свет осиял камеру, но Пётр не проснулся. Толкать его надо было: «Проснись, Пётр, проснись!» Слава Богу за такой приятный сон!

Дал бы нам Бог, имея, допустим, повестку явиться завтра в суд на административную комиссию, где нас осудят на 15 суток или к штрафу, — оставаться спокойными, воздать славу Господу вместе с семьёй: «Давайте, детки, прославим Господа, завтра папа придёт без зарплаты за то, что в нашем доме постоянно проходят богослужения...»

Но спать, как ни в чём не бывало, когда ближний терпит лишения, быть спокойным, когда рядом плачут, — это уже скверное дело.

Если бы в те первохристианские дни всё происходило наоборот: Пётр не смог бы сомкнуть глаз от беспокойства, а верующие беззаботно спали, — тогда Ирод устроил бы вторую показную казнь.

В этой маленькой камере мне пришла мысль: «А что бы я хотел получить от Господа в день освобождения?» Я поразмыслил и сказал в душе: хочу помолиться Господу со всей своей семьёй, ведь в этот день я буду отмечать своё 55-летие.

«Возможно ли это? — остановил я себя. — Как из Омска достичь Кишинёва за день?» Когда же меня отправили в Улан-Удэ, я окончательно убедился, что встреча с семьёй в день освобождения неосуществима.

Многие опасности

Итак, добавив к моему 5-летнему сроку ещё два года, меня отправили в далекую Бурятию. С какими опасностями встречаются узники в тюрьме — обо всём рассказать невозможно. Опасности настигают самым неожиданным образом. Я часто убеждался в верности Божьих обетований: «...защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!.. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы летящей днем... Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым» (Пс. 90). Обратите внимание, будешь видеть пущенную в тебя стрелу, но тебя она не уязвит, потому что Бог сказал: «Ты возлюбил Меня...» Однако сердце узника пронзает много мучительных стрел-испытаний. О некоторых расскажу подробнее.

Колёса "столыпинского" вагона отсчитывали километры по сибирской земле. Конвой попался суровый. Когда солдат проходил мимо решётки соседнего купе, заключённый, шутя, выдохнул в него струю табачного дыма. Уязвлённый солдат тут же снял огнетушитель и, направив струю пены, залил ею всё купе. Конвоиры остались довольны, что научили зэков уважать начальство. За этот поступок охранник, наверное, получил благодарность: ведь заключённые в купе курили, а он «предотвратил пожар».

Я наблюдал эту сцену и думал: слава Богу, что это произошло в соседнем купе. Поистине «только смотреть будешь очами твоими!..»

В Новосибирской пересыльной тюрьме надзирателем была женщина (редкое явление среди охраны). В глазок она увидела, что заключённый, прислонившись к двери, мешает обзору камеры. Она приказала отойти от двери. В ответ он отпустил гнусную шутку со сквернословием. На помощь пришли другие надзиратели. Это означало, что сейчас должно что-то произойти, но то, что совершилось, — превзошло мои ожидания.

Открылась дверь, и две собаки без намордников ворвались в камеру. Зэки в ужасе разбегались, псы хватали их зубами за одежду, рвали на части, стягивали испуганных зэков с нар. Стоял крик, лай злых собак, а надзиратели наблюдали у дверей и улыбались.

Слава Богу, что ни один пёс не достал меня на верхних нарах. Когда собаки похозяйничали в камере, я вспоминал Божьи обетования: «Не приключится тебе зло... Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе охранять тебя на всех путях твоих...» Благодарение Богу, что Его обетования — крепкая башня, куда убегает праведник и безопасен.

В Омске в камере штрафного изолятора я из ниток вязал сетки. На обед принесли не борщ, а мутный кипяток. Когда открылась "кормушка" и всем подали порции, один из заключённых не выдержал: «Чем вы нас кормите? Сами бы ели такое». Надзиратель ответил ему грубостью, тот опять оскорбил его. Завязалась

ссора. Чтобы отомстить за оскорбление, надзиратель просунул в "кормушку" газовый баллончик, выпустил в камеру едкий слезоточивый газ и быстро захлопнул "кормушку".

Невозможно передать словами, как я чувствовал себя в наполненной газом камере. Едкий газ жёг глаза, парализовал дыхательные пути. Я упал на пол и искал хоть маленькую щелочку, откуда мог бы поступать воздух. Дышать было совершенно нечем. Кто-то попытался открыть кран, чтобы водой ополоснуть лицо, промыть глаза, но воду предусмотрительно перекрыли. Кто-то рукой полез в унитаз за водой... Приступ удушья мучил всех полчаса. Я чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег, не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Через полчаса слезоточивый газ рассеялся, дыхание начало восстанавливаться. Довольный надзиратель открыл дверь, чтобы перевести нас в жилую камеру. Он улыбался и с торжественным видом хлопал по карману, где лежал газовый баллончик.

Каждый день — испытание. Узник в Господе должен быть готов ко всему.

Улан-Удинская тюрьма

В далёком крае на границе с Монголией встречи с КГБ не закончились, я находился под их неослабным контролем. В этом я убедился, прибыв в Улан-Удинскую тюрьму.

Не знаю, кто был этот человек: начальник тюрьмы или режимно-оперативной части — он не представился, но вот что он сказал мне:

— Я внимательно ознакомился с вашими документами. Вопрос-то серьёзный: дело не в том, что вам добавили два года. Иным «добавку» дают и по 10—15 лет. Вы же, хотя и уголовный элемент, но особый. Вы посягаете на устройство государства...

— В таком случае я был бы осуждён по политической статье.

— Вы — хуже! Вы посягаете на саму структуру государства. Оно атеистическое, а вы противодействуете атеизму. В этом суть! Судить за то, что вы мешаете нам строить атеистическое государство, мы не можем — и получается парадокс...

Улан-Удинская тюрьма

Перелистывая папку с моим делом, он не унимался: «А что там писалось в ваших статьях, помещённых в «Вестнике истины»? Что они представляют собой? Где печатается этот журнал? В какой типографии?»

Суть разговора такова: как только гонители знакомились с нашими «уголовными делами», их сразу охватывал ужас: как уберечь лагерь от влияния одного верующего? Кому поручить за нами смотреть?

Читал он мои характеристики и не мог удержаться от комментариев:

— Вижу, вижу, вы человек не конфликтный, очень легко уживаетесь в массах...

— Разве это плохо?

— Для кого-то хорошо, а для вас это опасно. Мне известно, что вы уже сегодня целый час беседовали с прапорщиком...

Чудесная была беседа! Откуда он узнал? Видимо, сам прапорщик и доложил.

— Если ваши сотрудники спрашивают меня, я обязан ответить, — это во-первых. А, во-вторых, и это самое главное: Слово Божье обязывает: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчёта в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением», что я и сделал.

— Так! Отправляю вас в ЮЖЛАГ на «двойку» в образцовый лагерь. Есть вопросы?

— Охотно поеду в любое место.

Посадили в машину и привезли одного, что обычно не делают. Лагерь действительно показательный: зарядка, режим — для кого-то тяжело, а для меня эти тяготы не существовали. Заключённых заставляли не сводить с меня глаз ни днём, ни ночью, но от трудностей, как на «девятке», я был избавлен.

Служите Богу и нам

Через 11 месяцев, в марте 1986 года, в лагерь прибыли два сотрудника КГБ: из Кишинёва и местный. Представились. Фамилий сейчас не помню. Первая встреча состоялась 28 марта, в пятницу перед Пасхой, вторая — 31 марта.

В Омске сотрудники КГБ посетили меня за 8 месяцев до освобождения, здесь — чуть раньше. Внутренне я готовился опять держать экзамен и идти на новый срок. В то время я не знал, как поступили с Батуриным и другими узниками. Служители Совета церквей были для меня, как маяки: как к ним относятся, так и ко мне. Третий срок без выхода на свободу меня не волновал. Одно только заботило: устоять, сохранить верность Господу.

Беседу начали издалека, с формальностей, чтобы вызвать желание вести разговор. Сообщили о положении в братстве, что в Кишинёве община разделилась: «Ждут вашей помощи...»

«Вы освободитесь 19 декабря — есть такое предположение, — решил он порадовать меня. — Нам известно, что вы были в Совете церквей... Как там, министром иностранных дел? Встречались с иностранцами, руководили разгрузкой Библий... Нам хочется, чтобы вы занимались этой работой и дальше. Во-первых, потому что мы уже знаем вас; вы имеете авторитет на Западе, да и верующие вам доверяют. Знаем, что вы не связаны с ЦРУ, распространяете Библии даром, не продаёте.

А, во-вторых (запнулся, помолчал), это потом... Давайте составим сейчас бумагу, что вы будете нам помогать... Бумага приблизительно такого содержания: пожалуйста, разгружайте Библии, Евангелия, мы не возражаем. Но мы должны знать и быть уверены, что вам посылаются именно Библии... Чтобы от вас была информация...»

Я отказался подписывать её.

— Ладно, бумагу не надо. Давайте на магнитофон...

— Какая разница письменный сговор или устный? Всё это — безобразие! Это прямое предательство! Неверность Церкви! Неверность Богу! — в самой категорической форме отклонил я все его предложения.

— По освобождении всё-таки встречаться будем? — не отступал сотрудник КГБ.

— Никаких встреч!

Я понимал, что эти люди могут устроить неожиданную встречу, вызвав в собес по поводу пенсии или в военкомат, или в исполком. Никаких тайных встреч с сотрудниками КГБ — это принцип моей жизни, этому я учил и моих друзей.

— О письменном договоре никто не будет знать, кроме моего коллеги (показал на сидящего рядом с ним товарища), меня, вас и моего непосредственного начальника, — спешил заверить он меня.

— А я как раз против всяких тайн! Какой бы разговор у нас ни состоялся — всё будет известно церкви!

Тогда представитель КГБ выложил на стол пять журналов «Вестник истины»:

«Здесь опубликованы ваши письма детям. Мы переслали их специалистам, если подтвердится, что они содержат клевету на советскую действительность, вы будете привлечены к ответственности по статье 193... Но если даже преступление налицо, мы, как представители органов власти, можем прикрыть уголовное дело на том основании, что совершивший помогает нам раскрыть его...»

На этом разговор прервали, впереди предстояла ещё встреча. Субботу и воскресенье оставили мне на раздумье. Я размышлял не о том, как отвечать на их предложения, а готовил душу свою избежать осквернения.

СТАТУС ПОЖИЗНЕННОГО УЗНИКА

30 марта. Пасха Господня. Размышляя о великом торжестве, я настолько проникся духом Христова воскресения, что предстоящий разговор перестал меня волновать. Для меня Пасха стала величайшим праздником победы. Я торжествовал от переполнявшего меня чувства радости. По дороге к кабинету я постоянно повторял про себя: «Христос воскрес из мёртвых! Первенец из умерших! Христос воскрес из мёртвых! Первенец из умерших!» Это был прекрасный щит от раскалённых стрел дьявола! Никогда ранее я не пользовался этим щитом, но на этот раз он был незаменим. Самочувствие было отличное, дух бодр.

Они поздоровались и не успели приступить к уговорам:

— Позвольте мне первому высказать свои соображения по поводу нашей предыдущей беседы!

— Да, да! Пожалуйста!

— Закончился наш разговор угрозой открыть на меня уголовное дело за статьи, опубликованные в журнале «Вестник истины». Я много думал об этом и сообщаю своё решение: я готов на статус пожизненного узника Иисуса Христа! Готов, что имя моё пожизненно будет числиться в списках гонимых за веру. Не имеет значения, по какой статье вы будете судить, но я приговорил себя к пожизненному заключению.

— Михаил Иванович! Зачем такая категоричность? Я пришёл вам сообщить радостную весть: 19 декабря вас освободят — это совершенно точно, есть решение вышестоящих органов...

Я молчал.

— Но учтите, к этому времени мы так оповестим о вас в газетах, создадим вокруг вас через прессу такую атмосферу, что верующие постесняются протянуть вам руку. Так что смотрите...

— За какую же вину я отбыл семь лет? У каждого преступника есть потерпевшие: убитые, ограбленные, а у меня кто?

Он молча писал, писал. Видимо, собирался с мыслями:

— Против вас тоже есть очень серьёзное обвинение: вы испортили целое поколение молодёжи! За всё это с вас взыщется! Лену Кирияк знаете?

— Знаю.

— Вы её послали в издательство, она там надышалась, по всей вероятности, свинцовыми парами, а теперь умерла, в 32 года её похоронили. Разве это не ваша жертва?

— Я глубоко убеждён, что есть только один потерпевший от моих дел — государственный атеизм. Да, я внушал людям веру в Бога и мешал атеистам вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви — это я признаю, этим я занимался, в этом направлении воспитывал молодёжь...

Мы расстались. В начале июля приехал местный представитель КГБ, с которым я встречался в марте. Он, видимо, курировал ЮЖЛАГ. Встреча была короткой. Передал мне несколько писем и фотографий, задержанных начальником оперчасти:

— Кто здесь запечатлён?

— Это похороны Якова Францевича Дирксена. С ним я отбывал срок в Омском лагере.

— О вас вышла статья, не желаете прочитать? — и положил передо мной газету.

— Не желаю. Через полгода освобожусь тогда и познакомлюсь, а сейчас меня не интересует, что обо мне пишут.

Сотрудник КГБ исполнил обещание: после моего освобождения статьи в газете появились.

ОДНА УПРЯЖКА

Через несколько дней ко мне подошёл встревоженный старшина нашего отряда из осуждённых. Озираясь, он строго по секрету поведал:

— Меня вызвали в режимную часть... Заставили в течение месяца написать на тебя три нарушения, чтобы дать надзор. Что мне делать?

— Что тебе совесть подсказывает, то и делай.

— Давай поступим так, чтобы и тебе хорошо было, и мне. Не напишу я, другой напишет — какая разница? Если они наметили, всё равно своего добьются. Напишу тебе что-нибудь незначительное, чтобы ты в ШИЗО не сидел.

Так он и сделал. За два месяца до освобождения вызвали на комиссию и объявили, что за три нарушения я подвергнусь после выхода на свободу на год надзору.

«Вопросы есть?» — «Нет». Предвидел: если укажу, что нарушения надуманы, то в оставшиеся полтора месяца мне могут создать такие условия, что на следующий же день пойду в ШИЗО.

— Больше года ты оставался в тени! — сожалел один из офицеров. — За это время на тебя можно было ой-ой-ой сколько нарушений настрочить.

— Дело не в тени, — возразил я ему, — КГБ дало вам указание оформить надзор, вот вы и хватились! Вы запряжены с ними в одну упряжку...

— Что мы плохого тебе сделали? — улыбнулся он. — Мы с удовольствием тебя выпустили бы как положено, — не мы хозяева...

Я чувствовал на себе постоянную опеку органов КГБ, не говоря уже о многих заключённых, явно работавших на оперчасть. Наученные сотрудниками КГБ, они подходили ко мне с провокационными вопросами:

— Скажи, дед, когда будет война? Как там в пророчествах пишется?

— Когда освобождаешься? — спросил я.

— Через месяц.

— Ну вот и прочитаешь в Евангелии и узнаешь. Тем более, что у твоей бабушки есть Библия. Прочитай, там сказано.

Такие ответы их не удовлетворяли.

Заключённый как-то признался: «Мне поручили интересоваться буквально всем: "О нём мы должны знать каждую мелочь. У нас сильной аппаратуры достаточно, чтобы прослушать, что он говорит, но нам нужны свидетели". Говори со мной, но знай что̀! — предупредил он меня. — А мне всё равно придётся докладывать...»

Как охотники обкладывают берлогу медведя, так и сотрудники КГБ через оперчасть окружают в лагере христианина-узника. Доходит до того, что закрывают все пути для контакта с заключёнными, а открывают только те, которые желательны спецслужбам. Я это очень ярко видел.

Прошло дней 10, как я прибыл в ЮЖЛАГ, и вдруг в 8 часов вечера по селектору меня вызвали в санчасть. Что бы это значило? Оказывается, заключённый (он работал и жил при санчасти) просто решил со мной познакомиться, — странно.

«Михаил Иванович! Мне сказали, что вы верующий. Я вызвал вас под предлогом анализов — так что никто ничего...»

Сидим в кабинете главврача. От санитара до врача — там все работники оперчасти. Это хорошо известная истина. Думаю: завтра или меня, или того, кто «по доброму побуждению» решил поговорить со мной, накажут. Зачем он вызвал, да ещё по «личному» вопросу?! Да ещё по селектору?! Ведь без позволения ДПНК на селектор не выйти. Значит, всё можно этому человеку. Такое поведение сразу насторожило.

— До вас тут находился верующий (назвал фамилию), я был с ним очень в добрых отношениях.

(Передо мной действительно освободился адвентист из Ташкента, инвалид, сидел три года за нарушение Законодательства.)

— Он мне много интересного рассказывал. Чем могу, всегда тебе помогу. Если надо — обращайся во всякое время, у меня медикаменты всякие...

— Буду иметь в виду, благодарю, — я не отталкивал его и не приближал.

— Скажи мне что-нибудь о Боге.

— Ещё будет время, поговорим. Тем более, вы много слышали от верующего...

Через три дня опять вызвал по селектору. Иду к нему, а сам предполагаю: наверное, ещё какой-то предлог придумал.

— Хорошо, что пришёл!

— Знаешь, — поторопился я высказать ему своё неудовольствие, — у меня заключённые спрашивают: зачем тебя вызывали? Что я отвечу на этот раз? Опять «анализы»?

— Конечно, скажи: анализы...

— Я никогда не обманываю. Всем скажу, что никаких анализов нет, просто ты захотел поговорить.

— Ну так и скажи. Какое это имеет значение? — сразу согласился он. Чувствую — недобрый человек.

1 июня я шёл с отрядом в столовую.

«Садись за стол, где диета», — неожиданно предложил мне этот работник санчасти.

Опять загадка. Любой больной прежде чем получить диету, должен сначала написать заявление, затем требуется подпись главврача, и только после этого оформят специальное питание: утром — белый хлеб и порция масла; в обед на второе дадут подливку получше, кусочек мяса.

— Ты разве больной? — все удивлялись.

— Слава Богу! Как видишь!

— Писал заявление?

Не стал отвечать, а позже спросил у работника санчасти:

— Ты сам поставил меня на диету?

— Сделать это мне ничего не стоит! Могу каждый месяц ставить!

— Не надо так. Напишу заявление, главврач подпишет, и всё будет как положено.

Ничего не написал я ни в июле, ни в августе, а потом подумал: дай-ка я его испытаю. Подал ему заявление:

— Я написал. Если можешь, оформи, чтобы всё официально было.

— И без заявления всё будет в порядке.

— Нет-нет! Уж если диета, то только по заявлению, как всем.

С тех пор он никогда не ставил меня на диету, а я и не напоминал. Понял, что этот человек имел поручение впутать меня в нечестность, а потом обвинить.

Он не оставил коварных намерений и попросил: «Михаил Иванович, научи меня молиться». При этих словах его лицо выражало лукавство. Всю фальшь этой просьбы я отлично понял. Вспомнил, что Христос «не вверял Себя им, потому что знал всех, и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке; ибо Сам знал, что в человеке» (Иоан. 2, 24—25).

«Нет уж, Серёжа, учить тебя молиться я не буду, тебя жизнь научит. Встретишь тесные обстоятельства и возопиешь: "Господи, помилуй!" Ты ищешь пищу только для ума, но не для сердца...»

Освободившись, я прочитал в газете его измышления. Он писал, что я якобы брал масло, предназначенное для больных, и тому подобное. Если бы меня в этом уличили, точно бы отправили в ШИЗО. Они намеревались приучить меня пользоваться некоторыми благами, без которых впоследствии я не смог бы уже обходиться. Но я вовремя остановился.

Верующему человеку действительно очень сложно в лагере. Его в особой мере стараются вовлечь в беззаконие. Сто́ит только не пободрствовать, согласиться, чтобы кто-то «из добрых побуждений» приносил тебе кусочек мяса — и всё. Позволят, чтобы ты его съел, и «никто не доложит». Затем сахар принесут, и «никто не остановит», а ты будешь думать: Бог заботится обо мне, питает через «ворона». Потом так привыкнешь, что будешь искать этих нечестных подачек, "левых" передач, и настолько опустишься, что Господь от тебя отступит. А когда с тобой нет Бога, дьяволу легко тебя сразить. Я всегда бодрствовал, чтобы не впасть в это искушение, и останавливал других.

Заключённые нередко сознавались: «Мне поручили следить за тобой». Чаще всего так поступали малоопытные, не подготовленные к тонкостям слежки за мной. Администрацию больше всего волновало, что соглядатаи, их тайные агенты, входили со мной в контакт и открывали их коварные замыслы.

ПЕРЕМЕНА ВЗГЛЯДОВ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ПРОСТО

Исходя из личного опыта, я пришёл к выводу, что "левыми" подачками сотрудники КГБ надломили многих, и те изменили Господу. Я всегда категорически отказывался от всяких форм сотрудничества с КГБ. За это мне неоднократно угрожали. Предупреждали расписать в прессе так, что мне самому страшно станет, не говоря о том, что верующие не осмелятся подать мне руку. Так они разговаривают с человеком, против которого не могут найти никаких улик. Если же им удастся хоть в малейшем уловить верующего, тут уж непременно заявят: «Срок тебе обеспечен, коль не согласишься сотрудничать с нами!» Страх быть уличённым в допущенной нечестности заставил многих христиан исполнять волю сотрудников КГБ.

Таким людям могут предложить иной вариант: «Боишься сотрудничать с нами, — не надо. Но дай слово, что в твоём доме перестанут собираться верующие для богослужения».

Другому скажут: «Пообещай, что твоя жена не будет ходатайствовать об узниках» — к каждому свой подход.

Освободившись, я не узнал многих прежних братьев, отбывших срок. Они совершенно по-другому стали мыслить и поступать. Вероятно, пройдя через такие же жернова, что и я, они не устояли, и этим можно объяснить перемену их взглядов и позиций.

Встретился я в Кишинёве с узником, бывшим служителем, и спросил:

— Такой-то, маленький ростом, чёрненький встречался с тобой в лагере?

Оказывается, он пять раз к нему подходил и всё время настраивал против служителей Совета церквей. Совершенно очевидно, почему после освобождения этот брат заявил в церкви: «Совет церквей стал на политическую платформу, занимается политикой...» Вскоре этого человека отлучили.

Есть ещё одна причина, почему некоторые изменили своё поведение после заключения. Например: в беседах сотрудники КГБ настойчиво внушали мысли против служителей гонимого братства. Узник молча выслушивал лжесвидетельство, не возражал. В лагере ему предоставили особые льготы: все в сапогах, а он — в тапочках; все постриженные, а он — с причёской. Он и в столовую не ходил, у него всегда лежали в тумбочке продукты. Его срок проходил прекрасно. Но за все блага оперчасти надо рассчитываться доброй совестью, а самое главное — спасением.

СПЕЦКОНВОЙ

5 ноября, за неделю до отправления из Улан-Удэ в Кишинёв, меня вызвал местный представитель КГБ.

— Вас будут этапировать из Иркутска самолётом. Предупреждаю: не создавайте беспокойства и не думайте, что вас везут на новый срок. Считаем целесообразным освободить вас из следственного изолятора Кишинёвской тюрьмы.

— Почему самолётом? Пять недель до освобождения — я доберусь поездом...

— Нет. Это указание не наших органов.

Перед отправлением в Кишинёв надели в тюрьме наручники, завели в "воронок" меня и ещё пятерых; их посадили отдельно.

В "столыпине" мы были в одном вагоне, но их охранял простой конвой, а ко мне отнеслись особо: приставили трёх человек. Впервые я встретился со спецконвоем. Поместили одного в малое купе. Конвоиры обычно прохаживаются по вагону, смотрят за порядком, а у моего купе стояли по-очереди то один, то другой, то третий. Никуда не отлучались. Ночью, сколько ни просыпался, видел их стоящими, как часовые у мавзолея, глаз с меня не спускали. Меня это не беспокоило, просто удивляло.

Расстояние от Улан-Удэ до Иркутска поезд преодолел за 12 часов. Наручники снимали только в купе, но прежде чем вывести, обязательно защёлкивали.

В Иркутской пересыльной тюрьме меня одного сводили в баню, безусловно, по подсказке спецконвоя (я видел, как они перешёптывались). После бани отвели наверх, дали новое одеяло, подушку, матрац и даже простыню! — чего никогда не встретишь на этапе. Камера холодная, пустая, человек на 20, мне дали второе одеяло. Подследственным даже если и дают одеяло, то поношенное, ветхое, но чтобы сразу дали два — никто не поверит!

Долетели до Киева. Вели меня по аэровокзалу два солдата под руки, впереди — прапорщик, два милиционера; сзади — тоже милиционер, — такое множество на одного осуждённого! Народ смотрел с удивлением, расступался: «В наручниках!» Они создавали видимость только для окружающих, а мне наручники не причиняли неудобство, я не стеснялся.

— Мне остался месяц до освобождения, — говорю прапорщику, — разве сбегу? К тому же "красной полосы" в деле нет, не склонен к побегу, почему в наручниках?

— Так положено! — ответил.

Ну что ж, значит получил инструкцию.

«Впервые в жизни встречаем, чтобы на освобождение доставляли самолётом!» — недоумевал конвой.

Я тоже не знал почему со мной так поступают, но был искренне благодарен Богу.

Этапы — очень трудны для узников. В каждом купе "столыпина" везут обычно 15—20 человек: дым, духота, смрад, а ехать — несколько тысяч километров, за это время испытаешь немало неприятностей. За 12,5 лет мне пришлось побывать в 12 пересыльных тюрьмах: перенести нашествие бесчисленных вшей и клопов, провести неисчислимое количество бессонных ночей в холоде, в чаду. В камерах, как правило, окна разбиты — терпеть приходилось много.

В Киевской тюрьме дали хороший матрац, новое одеяло и все постельные принадлежности — и это всего на сутки! Обращались необычно хорошо: при приёме никаких обысков не производили — вот что такое спецконвой!

Из Киева благополучно прилетел в Кишинёв. Этап в три дня — чудо! Спал спокойно, в самолёте кормили. На время приёма пищи наручники снимали.

Во время полёта разговаривать запрещали, я беседовал с Господом: «Господи, ну почему Ты так высоко поднял меня? За что? Все заключённые идут по нескольку месяцев этапами, а меня доставляют самолётом. Почему? Наверное, всё же, чтобы исполнить моё желание?»

На память пришли слова из Священного Писания, которые Господь сказал Аврааму: «Я Бог всемогущий, ходи предо мною и будь непорочен». Господь обещает благословить нас, для Него нет ничего невозможного, никакие препятствия не задержат исполнение Его планов по отношению к Церкви и каждому из нас. Он говорит: «Испытайте Меня хотя в этом и убедитесь в Моём всемогуществе. Я исполню Своё обещание, только бы вы ходили предо Мной непорочно, свято».

Потом я всё больше и больше приходил к мысли, что это — ответ на мою просьбу. Мы просим у Господа чуть-чуть и думаем: многого не буду просить. Как будто Бога нельзя просить о многом. Богу же всё возможно, проси больше! Мы своим разумом порой ограничиваем действия Божьи.

Я хотел в день освобождения помолиться с семьёй, а Бог сделал несравненно больше: помолился со многими друзьями, которым так же, как и мне, дорого служение Господу. Так что этот день — праздник для всех нас! Настроение у всех высокое, дух восторженный.

С чем же можно сравнить встречу, которая состоится в Царстве Небесном по окончании всего пути? Друзей влекло в мой дом желание вместе прославить Господа. Когда же Церковь Христа войдёт в небесный дом Отца и все святые, тысячелетиями ожидавшие нас, выйдут навстречу, — тогда радости и торжеству не будет конца! Ни описать это, ни представить невозможно!

Наши встречи на земле ограничены временем. А в небе все беды закончатся, волнения останутся позади! И хотя «многими скорбями надлежит нам войти в Царство Небесное», «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь», — мы как победители войдём в Царство Небесное. Там не будет уже тех, кого мы должны прощать. Но в то же время очень много святых встретят нас! Нам будет о чём поделиться — ведь они нас ожидали! И будет о чём порадоваться!

Придя на небеса, мы многому удивимся, потому что не все пути, которыми вёл нас Господь на земле, были понятны. Бог наполнит нас Своей премудростью и, вспоминая пройденное, мы воскликнем: «Господи! как Ты премудр! А нам казалось всё таким загадочным, тяжёлым».

Чтобы на небе было меньше удивлений, вопросов, наверное, сегодня надо больше доверять Господу и за всё благодарить. Там, несомненно, мы присоединимся к хору ликующих и славящих Его, но как необходимо здесь, в тесноте, лишениях, унижениях, скорбях, восхвалить чудного Владыку неба и земли, Который воспитывает нас для жительства с Ним во веки веков.

Нужно благодарить Господа не только за встречи, но и за разлуки, томительные ожидания. Благодарить, когда нас укоряют: «Ах какими неразумными путями вы идёте! Можно было иначе, без разлук... К чему надуманные страдания, не лучше ли жить спокойно?..»

КИШИНЁВ

За четыре дня до освобождения прибыл сотрудник КГБ Токарев. Поздравил с благополучным приездом, спросил: как перенёс высоту? дальность дороги? — Опять словесная шелуха. Ожидаю главного.

«Вам готовят встречу. Приедет много народа. В принципе, я не возражаю, лишь бы ничего антисоветского не было. Жаль, что в Молдавии арестовали бригаду издательства «Христианин». Если бы вы поставили нас в известность, что намерены печатать Евангелия, не случилось бы никаких неприятностей».

(Этим он намекал: если бы мы сотрудничали с ними, — тогда нам позволили бы печатать.)

«Можно было иначе решить вопрос: сколько вам нужно Евангелий? 20—30 тысяч? — Пожалуйста! Мы дали бы разрешение — пусть Шведский или другой библейский институт напечатал бы их вам и доставил сюда — пользуйтесь, распространяйте! Мы в принципе не имеем возражений, всегда можно договориться», — рассуждал он как благодетель церкви.

«Более того, почему бы нам не найти общий язык и не оформлять в государственных типографиях заказы на Библии, Евангелия, молдавские, немецкие песенники, — какие хотите! Конечно, «Вестник истины» не придётся печатать...

Я его слушал и молчал. А он не останавливался:

— Вы знаете, что есть независимый союз под руководством Бондаренко, Совет церквей и ВСЕХБ. Три союза мы не можем признать, поймите.

— В Америке 19 союзов и уживаются! — возразил я.

— Нам не нужно три. Достаточно ВСЕХБ и Совета церквей. Михаил Иванович, у Крючкова крайняя позиция. Берите руководство Советом церквей в свои руки, регистрируйте общины, и мы признаем вас как союз.

Токарев даже не ждал ответа и тут же продолжал: «Готовься к освобождению! Четыре дня осталось! Счастливо! Мы ещё увидимся».

Больше я с ним не встречался, хотя он искал повода для встречи. В одно из воскресений, когда я отсутствовал на богослужении, пришли органы власти и спрашивали у хозяина дома молитвы: «Где Хорев?»

Борьба ещё не окончена, всё ещё впереди. Нужно иметь большую осторожность и самое главное — чтобы все беседы с КГБ были гласными.

РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ

Есть ли что невозможное для Бога?

Опять я дома, в кругу семьи, среди дорогих служителей, церкви, многочисленных друзей. Если говорить о великих Божьих делах, то я готов смело засвидетельствовать, что моё возвращение домой после семилетней разлуки — чудо, совершённое великим Богом в наши дни. На протяжении семи лет мне говорили, что с Советом церквей всё покончено и нам (членам СЦ ЕХБ) свободы не видеть. Но я знал, что последнее слово скажет Господь. В самые трудные дни испытаний меня поддерживали и приносили отраду Его обетования. Вот один из любимых текстов Священного Писания, которым я часто утешался: «С клятвою говорит Господь Саваоф: как Я помыслил, так и будет; как Я определил, так и состоится» (Ис. 14, 24).

Какое это счастье жить обетованиями Бога! Когда обстоятельства складывались так, что не оставалось никакой надежды не только на освобождение, но и на саму жизнь, когда кончались все человеческие возможности, тогда начинались Божьи деяния. В тёмные минуты я говорил себе: «Что унываешь ты, душа моя? Уповай на Бога!» И испытывал полный покой.

Хорошо помню 28 января 1985 года. Мне предстояло освобождение после 5-летних уз. Однако вместо свободы я оказался на скамье подсудимых. В тот день человек 25—30 братьев и сестёр, несмотря на мороз, собрались у ворот лагеря с надеждой увидеть меня

свободным! Но им сообщили, что моё освобождение задерживается на два года.

Каждая наша молитва, вознесённая к престолу Всевышнего, несёт с собой не только славословие, благодарность, но и просьбы, желания души. И от меня после суда в вечерней молитве прозвучала просьба к Богу. Новый приговор гласил, что теперь день моего освобождения наступит 19 декабря 1986 года. А это — день моего рождения. Итак, я просил Бога, чтобы в день моего 55-летия Он позволил мне помолиться в кругу моей семьи. Умом я сознавал, что эта просьба нереальная. Но мы имеем дело с Богом, у которого нет ничего невозможного! Поэтому я так и сказал: «Господи, Тебе всё возможно. Если Твоей воле угодно моё освобождение в этот день, то поспеши на помощь с устройством встречи с моей семьёй. Хочу прославить Тебя с женой и сыновьями!»

Да, в тот памятный вечер я праздновал победу, которую Бог совершил через суд надо мной. Гонители Церкви Христовой добавили мне срок, но я всегда слышал ободряющий призыв Иисуса: «Не бойся ничего, что̀ тебе надобно будет претерпеть» (Откр. 2, 10).

Помню, когда я славословил Господа в тот поздний вечер, открылась "кормушка" и я увидел лицо одного из офицеров, присутствовавших на суде. Он насмешливо улыбался: «Ну как, святой человек, помог тебе сегодня твой Бог?» «Да, — ответил ему, — помог». Он громко засмеялся и, показывая два пальца, убедительно проговорил: «Два года, которые тебе сегодня добавили, — это только малая ожидающая тебя часть. Неужели ты не понимаешь, что отсюда никогда не выйдешь? Ты ведь не глупый человек, чтобы этого не видеть».

А я имел счастье повторить слова самого Господа Иисуса Христа: «Вы не имели бы надо мной никакой власти, если бы не было дано вам свыше». Он покачал головой в знак сожаления, махнул на меня рукой и, закрывая "кормушку", произнёс: «Быть тебе в этой камере вечно». «Нет, — ответил я, — вечно я буду царствовать со Христом в Царствии Небесном, а здесь мне дано быть столько, сколько определил Бог». На этом наш диалог закончился, и я с глубоким чувством благодарности Богу пел:

«Радость наша совершенна —
От Христа, не от людей,
И никто во всей вселенной
Овладеть не может ей...»

Михаил Иванович в окружении детей узников: жертва Господу не напрасна!

Святая заповедь после долгой разлуки

55 лет — 55 гвоздик!

Первый день на свободе, 1986 г.

НЕТ ПОВОДА УНЫВАТЬ

Один за другим постепенно уходят
Глашатаи правды суровых времён,
Христу посвятившие юности годы,
Не сделав с другими позорный поклон.

Уходят в Отчизну, где вечная радость,
Там ждёт их Спаситель, Наставник и Друг,
Кто души избавил от смерти и ада
Ценою страданий и тягостных мук.

Их стойкость известна была всем народам,
Их пламенной верой горели сердца,
А в камерах душных давал Бог свободу,
Её никогда не постичь мудрецам.

Рыдает оркестр, тень печали на лицах,
Но знает о том христианская рать,
День взятия Церкви настолько стал близок,
Что повода нет всем святым унывать.

Воскреснет и брат Михаил, сын Ивана,
В награду получит венец золотой,
Он будет вкушать сокровенную манну,
С Владыкой воссядет на царский престол.

Один за другим постепенно уходят
Служители братства Совета церквей,
Сегодня у Господа праведник – Хорев,
Он в Небо вошёл, где нет слёз и скорбей.

В. Стрелков

«Отец мой...»

ХОРЕВ
Вениамин Михайлович

Отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его!
4 Цар. 2, 12

3 мая 2012 года водворился у Господа глава нашего семейства, верный Божий служитель — Михаил Иванович Хорев. Отец прожил 80 благословенных лет. Моя мама, Вера Георгиевна, была очевидцем его перехода в вечность. Она находилась в комнате рядом с ним. За окном лежала притихшая, немая ночь. В 23.30 жалюзи на окне неожиданно поднялись как бы от сильного ветра (вокруг было тихо: ни ветра, ни сквозняков). Брат, дежуривший в нашем доме, заметив необычное явление и дивясь происшедшему, подошёл к отцу и увидел, что он уже испустил дух. Колесница Божья и воинство небесное унесли душу Божьего служителя к торжествующему собору и Церкви первенцев на небесах.

«Бог избрал...»

Жизнь отца — это свидетельство об удивительном и необычном Божьем избрании! «Посмотри́те, братия, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных...» (1 Кор. 1, 26). Образование Михаила Ивановича — четыре неоконченных класса. В 1941 году началась война. В школу попала бомба. Зимой 1942 года семью эвакуировали из блокадного Ленинграда в Киргизию. На этом учёба отца закончилась. Но он обладал вышним образованием: «...кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1 Кор. 8, 3). Господь обучал Своего раба в школе страданий, наделил его обширным умом, мудрым сердцем, способностью к самообразованию, широким кругозором. В юности, до покаяния, отец выиграл в Ленинграде чемпионат по шахматам среди юношей. Привычка думать, размышлять, просчитывать ситуацию наперёд сохранилась у него на всю жизнь. В свете библейских пророчеств он мог часами рассуждать о положении в Палестине, Европе, Азии, Америке. Воистину «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых...» (1 Кор. 1, 27).

Отец от рождения имел инвалидность по зрению: он видел лишь одним глазом всего на 10%, но его духовное зрение было проницательным, как у Апостола Петра (Д. Ап. 8, 23). Духовным взором он созерцал красоту Божьего Слова, видел душу, замечал духовные нужды Божьего народа, верно понимал путь независимости церкви от мира и принципы законного подвизания, видел опасность автономной регистрации. Отец часто говорил: «Моя инвалидность — это особое Божье прови́дение». Как инвалид по зрению, он имел право не работать и на него не распространялась уголовная статья «о тунеядстве», что давало ему возможность в 60–80-е годы прошлого века ездить по городам СССР и совершать служение в общинах братства. Воистину «немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное».

Отец был богат Божьими благословениями, а они превыше всех богатств мира: «...мы нищи, но многих обогащаем...» (2 Кор. 6, 10). В 1985 году он писал из лагеря: *«Дорогие дети, Господь удостоил меня четыре раза защищать истину, находясь на скамье подсудимых. Мои страдания за Христа – самое большое богатство, которое я передам вам в наследство. Господь сказал: "Всякий, кто оставит... мать, или жену, или детей... ради имени Моего, получит во сто крат и жизнь вечную" (Матф. 19, 29). Верен Обещавший!»*

В жизни нашей семьи исполнились эти обетования. «Благословение Господне — оно обогащает, и печали с собою не приносит» (Притч. 10, 22).

Рождение сына Михаила

День рождения отца, 19 декабря 1931 года, совпал с датой образования КарЛага (180 лагерей Карагандинского ОГПУ), одного из подразделений гигантской системы ГУЛАГа, в котором погибли тысячи Христовых служителей. 1931 год ознаменован объявлением в СССР «пятилетки безбожия». В те годы разгула воинствующего атеизма родился лозунг: «Всемирный Советский Союз». Вожди нашего государства вознамерились подчинить богоборческой системе антихриста весь мир.

В то время в благочестивой семье Ивана Михайловича и Агриппины Михайловны родился сын. Назвали его Михаилом. Враг не ведал о тайных Божьих намерениях, что Михаил, придя в возраст и окрепнув духом, станет Божьим служителем для созидания несокрушимого Божьего Царства — Церкви Иисуса Христа, которая ниспровергнет мировое господство атеизма.

По случаю рождения сына (в семье уже было три дочери) Иван Михайлович устроил праздник: собралось 10–15 гостей. Все пели, молились. В те годы семья жила в коммунальной квартире. Соседи донесли о «нелегальном сборище», и в 1938 году радостное событие легло в основу сурового приговора: Ивана Михайловича осудили на 5 лет лагерей за проведение «нелегального религиозного собрания» и за принадлежность «к нелегальной контрреволюционной фашистской организации баптистов». Вскоре, в 1940 году, Иван Михайлович умер в лагере. Семейный праздник по поводу рождения сына обернулся смертным приговором для отца. Об этом Михаил Иванович узнал только 70 лет спустя после знакомства с архивно-следственным делом своего отца.

Возлюбил он Господа Бога своего

Михаил Иванович обратился к Господу в 18 лет.

Рассуждения о Христе стали потребностью его души. В 50-е годы он собирал в Ленинграде на квартирах молодёжь, матросов, студентов для бесед о Божьем Слове. Недавно 80-летний старец признался мне: «Твой отец был моей "повивальной бабкой". Я учился в мединституте и покаялся в Ленинграде от его проповеди».

У отца была талант рассказчика. Он любил проповедовать. Его слово о Распятом за нас и Воскресшем звучала более 200 раз в году. Из-за слабого зрения он не написал ни одного конспекта проповеди, но, готовясь поделиться с верующими библейскими истинами, много размышлял, разрабатывал в уме план, запоминал его. Содержательные, самобытные, вдохновенные проповеди достигали сердец. Они отличались логичностью, глубоким Богопознанием, особой интонацией и добротой.

Всё, что в Библии написано о признаках любящих Господа, — всё это проявилось в жизни отца. «Любящие Господа, ненавидьте зло!»; «если любишь Меня, паси овец Моих»; «если любите Меня, соблюдите заповеди Мои» — эти драгоценные призывы отец стремился исполнять с особой тщательностью.

Он любил Господа больше, чем свою семью. Из троих детей ему довелось лишь один раз встретить жену из роддома. Труд на нелегальном положении не позволил большего. На него объявляли всесоюзный розыск.

Когда мы первый раз отправлялись в школу, всех первоклассников вели за руку папы и мамы. Наш отец не провожал нас в школу, он находился в это время в узах. Когда мы окончили школу — он тоже не мог быть рядом, так как продолжал отбывать срок в стылых бараках ГУЛАГа.

Пришло время моим братьям идти в армию, папа не присутствовал на их проводах — в ответственные для сыновей дни он совершал посольство в узах.

День своей серебряной свадьбы в 1986 году ему пришлось «праздновать» за тысячи километров от дома в Улан-Удинском лагере строгого режима.

Когда мы принимали крещение, отец не стоял на берегу с букетом цветов — нашему празднику он радовался за колючей проволокой. Первый раз всей семьёй мы участвовали в вечере Господней на личном свидании в 1985 году в лагере на границе с Монголией.

Первая вечеря узника со всей семьёй

Папа не провожал своих родителей в последний путь. Мой дедушка, Иван Михайлович, сказал в день ареста: «Дети, местом нашей встречи будет Белый престол. Когда я приду к Господу, я буду там вас ожидать». Безвестная могила покоит его тело на кладбище уральского лагеря.

Мы жили в Кишинёве в двухкомнатной квартире жилой площадью 24 м^2. Папа иногда приезжал домой на день–два и опять уезжал на два–три месяца для духовного труда. В детстве я как-то задал ему вопрос: «Папа, а где ты живёшь?» «Сынок, — ответил он, — я имею 100 домов, я очень богатый». Детский ум не мог понять: если наш папа такой богатый, то почему мы живём в тесной квартире? Когда подрос, понял: во всех городах России, Украины, Белоруссии, Казахстана тысячи христиан принимали его в свой дом, укрывали в годы нелегального служения и показывали, где лежит ключ от жилища в случае их отсутствия.

Мудрые наставления

Я был сын у отца моего... Притч. 4, 3

Отец дал мне больше, чем все прочитанные книги, образование в вузе. Он учил нас иметь нелицемерную веру. В школе на каждого из нас оказывали рассчётливое давление. Одному из моих братьев втайне от родителей повязали пионерский галстук: в школе он галстук надевал, а возвращаясь домой, снимал и прятал в портфеле. Отец обнаружил это: «Сынок, ты должен быть или настоящим христианином, или настоящим пионером. Если ты пионер, значит на семейную молитву приходи в галстуке, и в собрании нужно носить галстук. Если же ты настоящий христианин, то не бойся признаться в школе, что любишь Иисуса Христа и хочешь быть Ему верным. В таком случае верни галстук пионервожатой».

Вскоре в нашей квартире провели обыск. Прокурор нашёл ежедневники, в которых мы, дети, записывали сокровенное, стал читать их вслух и смеяться. Дневники изъяли. На следующий день брат решился вернуть пионерский галстук.

— Почему ты не хочешь быть пионером?

— У нас был обыск, прокурор отобрал наши дневники, книги, а этот прокурор тоже был пионером, поэтому я не хочу.

Отец учил всегда говорить правду и мудро формировал в нас твёрдую личную позицию.

В мае 1980 года его судили на окраине Кишинёва в помещении клуба холодильного завода. Милиция и КГБ не пропускали верующих на суд. Зал заполнили публикой по спецпропускам. Мне было 15 лет, а по закону присутствовать на суде имеют право лишь лица старше 16 лет. Вместе с мамой я прошёл в зал суда. Судья увидел меня и приказал: «По причине вашего несовершеннолетия прошу покинуть зал суда». — «Гражданин судья, я — Павел, мне 17 лет». Я сказал неправду «ради благой цели». Судья разрешил остаться. На свидании в лагере отец вернулся к этому эпизоду: «Сынок, лучше было бы, если ты на распоряжение судьи ответил: "Гражданин судья, мой отец служитель церкви. Я сожалею, что мне не позволено знать, в чём его обвиняют. Папа, желаю тебе быть верным Христу!", и вышел. Это свидетельство для конвоя, судьи, прессы и всех безбожников было бы гораздо лучше, чем не-

правдой присвоенное право быть на суде». Отец преподал мне важный урок: не лгать ради благих целей, святого греха не бывает.

В детстве мама приглашала на наши дни рождения наших ровесников. За праздничный стол она ставила стул и просила его не занимать: «Дети, среди вас на этом стуле незримо будет присутствовать наш папочка».

Когда отца арестовали первый раз, мне было полгода. В день его освобождения мне исполнилось три года, я знал его только по портрету на стене. Наша первая встреча прошла необычно. Он хотел взять меня на руки: «Сынок, я твой папа, подойди ко мне», но я крепко ухватился за мамину юбку и убеждённо сообщил: «Мой папа в тюрьме». Знакомство отца с сыном требовало времени...

Если отец оставался дома, для нас это был настоящий праздник. Перед сном в течение часа он рассказывал захватывающую жизненную историю, она продолжалась несколько лет. Он практиковал домашние библейские разборы, помогал нам в составлении первых проповедей, покупал книги («Отверженные», «Хижина дяди Тома», «Братья Иосифа»).

Отец позволял нам ошибаться и мудро исправлял ошибки. Он говорил: «Дерзайте, милые. Апостол Пётр дерзнул идти по воде ко Христу, но вскоре стал тонуть. Когда он вернулся в лодку, все сидели сухие, он один был мокрый. Да, ему не хватило веры, но Господь исправил маловерие ученика. Остальные не тонули, но и не проявили веры идти по волнам. Пётр в Гефсимании в дерзновении взял меч и отсёк ухо рабу первосвященника. Господь исправил ошибку, исцелил ухо. А как исправить ошибку тех, кто убежал из Гефсиманского сада? Дерзайте, бойтесь быть равнодушными к Божьему делу, и Господь поправит все неточности».

Мои детство и юность прошли в общении с отцом на свидании в лагерях. У нас не было секретов от него. Он для нас был наставником и другом. Мы имели обыкновение в течение года записывать жизненно важные личные вопросы и на свидании с отцом обсуждали их по списку, с первого до последнего. Он уделял каждому из нас время для беседы. Мы прохаживались с ним по коридору вдоль комнат свидания и обсуждали всё сокровенное. Однажды у меня накопилось много вопросов, среди них – жалобы на маму. В 16 лет подросткам присущи протестные настроения, тем более сыновьям, воспитанным без крепкой отцовской руки. Он молча выслушал меня и начал разговор издалека: «Сынок, знаешь ли ты, какой ценой ты достался маме? После твоего рождения она ещё пять лет скиталась по больницам, а ты жил в разных семьях верующих. Ты дорого стоил ей. У твоей мамочки есть много доброго, не только недостатки...» За полчаса беседы он вычерпал из сердца всю горечь недовольства на маму; осветил, как ярким прожектором, её богобоязненность, мужество, верность, стойкость перед гонителями, заботу о семье. Моя беседа с отцом ещё продолжалась, но тут он неожиданно прервал её: «Пообещай мне, что будешь повиноваться мамочке и помогать ей». В молитве я просил прощение за неправильное отношение к ней.

Отец был чистым от сотрудничества со спецслужбами и нас учил этому. Он наставлял: «Вы всегда будете в поле зрения КГБ, потому что являетесь членами семьи служителя. Вас могут подстерегать для вербовки в военкомате, в учебном заведении, в отделе кадров, в парке. Усвойте правило: при первой же встрече со спецслужбами решительно заявите: "О встрече с вами я немедля расскажу родителям, церкви, служителю". Спецслужбы боятся огласки». Совет отца помог мне не запутаться в агентурных сетях и остаться чистым от сотрудничества.

Отец привлекал нас к жертвенному труду, к заботе о ближних. В те редкие дни, когда он находился дома, мы испытывали постоянное стечение людей. Он приучал: «Дети, пока я беседую с братьями, приведите в порядок их обувь». Забота об обуви гостей стала нашим служением.

Каждое воскресенье, идя на собрание, родители давали всем нам (троим сыновьям) по рублю, чтобы мы лично положили эти деньги в церковную сокровищницу. Отец внушил нам важную истину: «"Чти Господа от начатков твоих..." Первая стипендия, первая зарплата, первая выручка от сбора мёда, – не ваша, её нужно полностью посвятить Господу. Жертвуя Господу начатки, вы обретёте Его благоволение». Не забыть трепет, с которым я получил первую стипендию. Её я положил в церкви в сокровищницу.

Помню, как отец взял меня с собой в Одессу для встречи с курьерами из ФРГ. Прежде чем подойти к ним, нужно было проверить нет ли слежки. Мы шли позади двух иностранцев на расстоянии 100 метров. Отец заметил "хвост": на противоположной стороне улицы человек вёл наружное наблюдение. Куртка сыщика снаружи была чёрная, а внутри – рыжая. Он несколько раз на ходу переодевался, менял цвет одежды; или неоднократно маскировался: то надевал шляпу, то снимал её. В течение нескольких часов мы уходили от слежки. Встреча и беседа с иностранцами состоялась в сквере у морского вокзала. Мне было 13 лет. Спустя много времени я спросил: «Папа, зачем ты пригласил меня для этого рискованного дела?» – «Чтобы в случае моего ареста ты был свидетелем».

БОГАТЫЙ НА ВСЯКУЮ ЩЕДРОСТЬ

Получая в Москве пенсию, отец редко привозил её домой. Ему доставляло удовольствие по пути в Кишинёв раздать её нуждающимся: кому-то на отопительный котёл не хватило, кому-то на строительство дома молитвы, кому-то на лечение.

Друзья передавали отцу деньги для приобретения частного дома для семьи. Лишь много лет спустя мы узнали: на эти средства отец приобретал дома для богослужений. Он любил Церковь Христа и все средства, все силы инвестировал в Божье дело! Он говорил: «Хорошо, если в семье один собирает, а другой расточает. Плохо, если и муж, и жена только собирают или только расточают. В нашей семье Бог дал мне благодать расточать».

«ИСПЫТАНИЕ... ВЕРЫ ПРОИЗВОДИТ ТЕРПЕНИЕ» *Иак. 1, 3*

В лагере г. Омска отца помещали в камеру пыток под названием "африканка". Температура воздуха в ней не поднималась выше 3–5° градусов. На железных нарах спать невозможно. Пол разбит квадратными металлическими уголками, чтобы заключённый не согрелся, прохаживаясь по камере, а, засыпая стоя, падал и ка-

лечил себя. Михаил Иванович провёл в "африканке" 25 бессонных ночей. От истощения он не мог вспомнить в молитве имена своих детей. От переохлаждения на всю жизнь приобрёл заболевание ног. Он носил язвы Господа Иисуса на теле своём (Гал. 6, 17). Эти пытки пошатнули его здоровье, но не сломили дух.

С больными ногами отец был удивительно подвижен: в комнатных тапочках он добирался до Архангельска, Воркуты, Камчатки, рукополагал служителей, содействовал строительству домов молитвы и переселению семей миссионеров из Молдавии в отдалённые районы Севера.

На вопрос: «Как твои ноги?» — он с улыбкой отвечал: «Мои ноги за мной успевают. Моих ног хватит, чтобы дойти до Небесного Иерусалима, а там Господь даст новые ноги». Его принцип был: лучше стираться, чем ржаветь.

Будучи человеком непорочным, он испытал боль от многих стрел: «Изострили язык свой, как меч; напрягли лук свой — язвительное слово, чтобы втайне стрелять в непорочного; они внезапно стреляют в него, и не боятся» (Пс. 63, 4–5); «Огорчали его, и стреляли и враждовали на него стрельцы; но тверд остался лук его, и крепки мышцы рук его...» (Быт. 49, 23–24). Он страдал от поношений, анонимных писем, лжи в прессе, от лжебратьев, но придерживался правила: «Главное — не будь следопытом, не занимайся исследованием: кто сказал? кто написал? Сатана увидит, что ты уязвлён, и придёт в восторг от достигнутой цели. Только и будешь заниматься расследованиями. Если при жизни придумывают множество небылиц, тем более после смерти, но «праведник не убоится худой молвы». Отец не боялся нелепых слухов о нём, мужественно всё переносил и прощал всех.

Бескомпромиссный воин Христа

В трудные для церкви времена, когда многие шли на компромисс с грехом, он стоял твёрдо и непоколебимо на святых позициях.

Как и все служители Совета церквей, отец не раз оказывался перед выбором: угождать Богу — или своей плоти; поклоняться Богу в духе и истине — или поклоняться золотому истукану — законодательству о культах; совершать служение на условиях спецслужб — или, отвергнув все их условия, отправиться на тюремные нары. О некоторых экзаменах в служении, о больших искушениях он часто рассказывал нам.

1966 год. Москва. Учинив расправу над мирной делегацией верующих, ходатайствующей о прекращении преследований нашего братства, отца арестовали и содержали в Лефортовской тюрьме КГБ. На 14 сутки вызвали к следователю. В кабинете сидел незнакомец, отказавшийся назвать фамилию и должность. Вёл разговор он: «Нам известно, что география вашего служения обширна — вся территории Советского Союза. Ограничьте свою деятельность Кишинёвом. Живите дома, ведите работу так, как считаете нужным, ведь это лучше, чем сидеть в тюрьме. У вас больная жена, трое малолетних детей. Сто́ит получить первый срок, а потом вас будут арестовывать по любому поводу. Не играйте с огнём! Если вы согласны с нашим предложением, то мы оформим вам задержание за мелкое хулиганство в здании ЦК КПСС. Нет, не ангел с неба

Восточный край земли. Камчатка.

③
Хорев М. И. в самой западной церкви страны. г. Калининград

«Наведайся... и узнай о нуждах их» (1 Цар. 17, 18). Красноярск

④
Слово к любимым цыганам в церкви МСЦ ЕХБ с. Королёво, Закарпатье

вас освободит, а наши работники. Справка на освобождение будет лежать здесь, в столе следователя. Вам достаточно постучать из камеры и попросить отвести к следователю, это будет означать ваше согласие с нашим условием. Совершайте служение, ориентируясь на наши рекомендации».

В камере отец упал на колени и молился: «Господи! И Тебе дъявол предлагал все царства, "если поклонишься мне", но Ты всё это отверг». Отец предпочёл лучше страдать с Божьим народом, чем договариваться о чём-либо с недругами Церкви Христовой. Начались скитания по тюрьмам. Освободили через 2,5 года.

1972 год. В армии замучен солдат христианин Иван Моисеев. Свидетельство о его мученической кончине быстро распространилось по всему миру. Отец в то время отбывал второй срок в г. Сороки (Молдавия). Сотрудник КГБ приехал в лагерь для беседы. Среди прочих вопросов интересовался: был ли знаком лично с Иваном Моисеевым? Предложил выйти на свободу при условии: «На многолюдном молодёжном собрании скажи, как бы между прочим, что имел личную беседу с Ваней Моисеевым и он был склонен к самоубийству, просил помочь ему справиться с мыслями о суициде. Больше от тебя ничего не требуется. Остальное дело за нами».

Спецслужбам нужно было устами служителя опорочить благословенную память о мученике-солдате. Отец отверг это предложение.

Отец был бескомпромиссным. Он рассказывал мне, как высокопоставленный служитель в системе ВСЕХБ – Мицкевич Артур Иосифович – в 70-е годы пригласил его на встречу в гостиницу «Интурист», расположенную в центре Кишинёва, и предлагал пост старшего пресвитера по Молдавии.

– Какая цена? – спросил папа.

– Согласись совмещать служение Богу с исполнением Законодательства о религиозных культах.

– Эти вещи несовместимы, – ответил отец.

Артур Иосифович действовал как опытный вербовщик в церковных кругах.

«Когда вербуют спецслужбы, их понять можно: они люди мира сего, работают за плату и не заключали с Богом завет. Но когда вербуют служители – ниже падать некуда», – объяснял отец.

1985 год. Отец мужественно отстаивал перед гонителями право церкви на независимое служение Богу. Он решительно отверг компромиссную идею автономной регистрации Кишинёвской общины, и люди в штатском заявили ему: «Зря вы заняли крайнюю позицию. Вам придётся задержаться в лагере, чтобы, выйдя на свободу, вы не мешали процессу регистрации Кишинёвской общины». В январе 1985 года (в день освобождения) отца осудили в лагере на четвёртый срок и приговорили к 2 годам лагерей строгого режима.

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ

Подобно Варнаве, Михаил Иванович стал для многих верующих «сыном утешения». Варнава был «муж добрый, исполненный Духа Святого», он нашел Савла в Тарсе, привлёк его к служению и не оставил Марка. Двух замечательных тружеников – Павла и Марка – духовно взрастил Варнава.

Отец имел от Бога дар находить братьев и привлекать их к служению. Он обладал способностью ненужных делать нужными. Однажды иудеи пришли к Самсону, чтобы связать его и выдать филистимлянам (Суд. 15, 12–13). Удивительное событие: братья связывали брата! – и такие есть «таланты». Отец развязывал связанных, помогал вставать упавшим, снимал во взаимоотношениях напряжённость и делал братьев своими сотрудниками.

После похорон нам писали: «Он был для нас больше, чем служитель Совета церквей, он был отцом для наших детей»; «Я не был ему сыном, но он был для меня отцом» – под такими признаниями могут подписаться тысячи! Отцовства в нём действительно было много. Его слова дышали деликатностью, решения – взвешенностью. К нему применима характеристика: «известен у ворот». Спорные вопросы в семьях, на совещаниях служителей решались им по-отцовски, что позволяло ему пользоваться в братстве заслуженным авторитетом.

Как истинный пастырь отец любил Божий народ разных национальностей – русских, цыган, украинцев, молдаван, белоруссов – и заботился о духовном хлебе для них. После того как в Молдавии в 1939 году в основе письменности стала использоваться кириллица – русский алфавит – новое поколение не могло читать Библию: она на кириллице не существовала. Это обстоятельство тревожило отца, и он приложил немало усилий для транслитерации Библии (передачи текста с помощью другого алфавита). Он верил, что молдавский народ получит Библию, которую сможет читать, и это осуществилось! Затем для молдаван были переведены и изданы сборник гимнов, детские рассказы, а с 1997 года журналы «Вестник истины» и другая духовная литература.

Сын Гедеона, Иофам, свидетельствовал Израилю: «За вас отец мой сражался, не дорожил жизнию своею...» (Суд. 9, 17). То же можно сказать и о Михаиле Ивановиче. Вступаясь за народ, он смело брался за служение, которое влекло за собой неизбежный арест.

В одном из лагерей начальство создало невыносимые условия, заставляя заключённых вступать в СВП (секцию внутреннего порядка), чтобы доносить друг на друга – так их ломали. Быть доносчиком папа отказался категорически. Начальник режимной части ходил вокруг него с дубинкой. «Я понимал, что от одного его удара мои кости будут сломаны, – вспоминал отец, – и сказал ему: "Начальник, моё имя Михаил. Есть медведи, которые катаются в цирке на велосипеде и на мотоцикле. Я тот медведь, который дрессировке не поддаётся. Вы из меня никогда не сделаете то, что ожидаете!"»

ВЕРА... ЕСТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОЖИДАЕМОГО *Евр. 11, 1*

Отец доверял Богу в экстремальных ситуациях. В 1976 году Кишинёв потрясло пятибальное землетрясение. Произошло это ночью: зашатались люстры, упали книжные полки. Соседи в панике выбегали на улицу, оставляя квартиры открытыми. Отец собрал в комнате детей, склонился над нами и помолился о Божьей защите. Уложил спать. Ожидая повторения подземных толчков, службы спасения предупреждали жителей не возвращаться в дома. Наши соседи пробыли в парке до утра, а мы спокойно отдыхали: «...возлюбленному Своему Он дает сон» (Пс. 126, 2).

Верой он планировал проведение детских лагерей,

переселение семей миссионеров, издательские проекты, строительство домов молитвы, не имея никаких финансов, и Бог чудным образом восполнял все материальные нужды святых. Отец учил: «У нас есть на небесах великий Бог, Он инвестирует все угодные Ему проекты. Вы принесите Ему пять хлебов и две рыбки, а Он их умножит более, чем во сто крат. Но без нашей отдачи и жертвенности Бог ничего не умножит». Он пробуждал у верующих веру в свои возможности, учил вкладывать средства в Божье дело, совершал молитву благословения на строительство дома молитвы и объявлял: «Через год я приеду к вам на открытие молитвенного дома». Бог приводил всё в движение, посылал жертвенность верующим и через год церкви праздновали открытие дома. «Мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2 Кор. 6, 10).

В письме из лагеря Михаил Иванович писал:

«Любая мирская организация прежде чем приступить к деятельности, составляет сметы, заботится о финансировании, а у нас – насколько всё просто! Лишь бы каждый жил свято, ходил непорочно, и Господь благословит обильно. Людям мира сего никак этого не понять. У нас воистину, как у вдовы Сарептской: горсть муки никогда не убывает. Правда, она всё время на донышке кадки, но всегда есть! Любые кувшины опустеют без Бога! Самые крупные банкиры обнищают, а с Богом всё пополняется и умножается. Самый богатый кувшин у Бога!»

Отец верил, что место его служения – Россия. В 1973 году прокурор по особо важным делам по надзору над КГБ Молдавии официально предложил Михаилу Ивановичу сделать выбор: «У нас достаточно собрано улик, чтобы судить Вас третий раз, но нам не нужен шум на Западе, поэтому принято решение предложить Вам добровольно покинуть страну, выехать на Запад с семьёй или последует Ваш арест».

Михаил Иванович решительно заявил: «Гражданин начальник, я выбираю русскую тюрьму. Место моего служения – Россия». Сознавая ответственность за служение в Церкви Христовой, он отказался от добровольно-принудительной эмиграции. Он рассуждал так: «Если мы позвали Божий народ идти узким путём, а сами станем искать лучшие страны, значит, мы позвали церковь на путь, по которому сами не можем идти. Служитель Христа должен подавать пример верности и жертвенности церкви, доверившей ему высокое служение».

В 90-е годы, когда он посещал общины в Германии, Америке, состоящие из эмигрантов из Советского Союза, его спрашивали:

– Вы видели наши роскошные магазины, автомобили, существующую свободу. Как вы считаете, где жизнь лучше: здесь или в России?

– Лучше там, где Бог избрал и послал на служение: «пасите овец Моих». Я счастливее вас, у меня есть обратный билет в Россию...

Он любил Божий народ в России и служил ему до конца.

Отец верил, что перед пришествием Христа настанет время всеобщего отступления среди христиан, «но люди, чтущие своего Бога, усилятся и будут действовать» (Дан. 11, 32). Во все периоды Церкви будут побеждающие. Он призывал наступать на всю силу вражью.

Он верил, что пробуждение церкви в 1961 году воздвиг Бог. В 2007 году, возвращаясь из Сибири в Москву, я спросил в самолёте отца: «Что будет с нашим братством, если отойдёт в вечность Геннадий Константинович?»

Отец уверенно ответил: «Это братство воздвиг Бог, а не люди, а всё, что Бог начинает, Он и заканчивает. Он Альфа и Омега, Он Первый и Последний. Бог доведёт Свою Церковь до победного конца».

Через две недели мы приехали в Тулу на похороны Геннадия Константиновича, потом и другие служители Совета церквей покидали эту землю. Он верил, что руки Господа воздвигли братство в 1961 году и Он будет оберегать стезю святых до Своего славного пришествия.

Работа в Историко-аналитическом отделе

6 июля 2006 года Г. К. Крючков предложил совещанию МСЦ ЕХБ создать Историко-аналитический отдел. Он сказал:

«Назрела необходимость в создании такого отдела в Совете церквей, который анализировал бы периодические издания, духовную литературу, выпускаемые в России и за рубежом. Для нас важно вовремя замечать опасность и ставить заслон проникновению в нашу среду всякой ереси, лжеучению и обольщению.

Есть также много архивных документов, очень важных для верного понимания истории нашего евангельско-баптистского братства... Михаил Иванович готов взять ответственность на себя. Работа Аналитического отдела особенно будет важна для библейских курсов, чтобы готовить проповедников, способных воинствовать, защищать истину».

С этого времени Михаил Иванович осуществлял руководство Историко-аналитическим отделом. Он вдохновлял и содействовал осуществлению историко-архивных проектов для изучения истории церкви XX века. Он мыслил масштабно, стратегически, всесторонне содействовал осмыслению исторического пути братства.

Под его руководством прошли исторические конференции, изданы историко-аналитические материалы: «Церковь должна оставаться церковью», «Евангелие – или социальная доктрина», выпущены десятки дисков с историко-аналитическими материалами. Я благодарен Богу, что мог оказывать помощь отцу в этой работе. Съезд МСЦ ЕХБ в 2009 году одобрил служение Михаила Ивановича и работу Отдела, но через три месяца после съезда отдел был расформирован новым руководством братства.

Заповедная мечта

У отца была ещё не одна мечта:

– построить в Кишинёве дом молитвы для молдавской общины, в которой он и мама состояли членами церкви в последние годы;

– по случаю 50-летия его избрания на служение (в июле 2012 года) издать книгу избранных проповедей, писем, биографию;

– создать независимый Историко-Аналитический Центр для накопления, изучения и распространения исторической памяти о возникновении и развитии духовной реформации XX века.

Я убеждён, что вместе со всеми святыми, при Божьем содействии эти его мечты осуществятся. Желания праведников и после смерти Бог исполняет!

ХОРЕВ
Иван Михайлович

От сердца приветствую всех братьев и сестёр, которые приехали разделить с нами печаль и утешить нас.

Напомню о событиях из жизни двух пророков Божьих. «В то время, как Господь восхотел вознести Илию в вихре на небо, шел Илия с Елисеем из Галгала... Когда они перешли, Илия сказал Елисею: проси, что̀ сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя. И сказал Елисей: дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне. И сказал он: трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так; а если не увидишь, не будет. Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой...» (4 Цар. 2: 1, 9–12).

Первый самый важный урок: «Илия был человек подобный нам». Общаясь с папой, я всегда понимал, что он подобный мне. Он с удовольствием рассказывал (это была его самая большая драгоценность), о своём обращении к Богу. Имея христианское воспитание, он всё же осознал себя грешником, и Бог изменил его жизнь. Всё доброе, что было в нём – это не следствие его таланта, способностей, дарований. Это – Божье влияние, действие Духа Святого в его душе.

Мы иногда совершали служение вместе, ему не составляло труда признать: «Сынок, как я жалею о моментах, которые следовало бы исправить, сделать не так...» Очень приятно, что он мог сознавать ошибки, умел просить прощение. Это и мне нужно.

Второй урок из библейского повествования говорит о том, что ученику очень сложно разлучиться с наставником. Я первый раз расстаюсь с самым близким мне человеком. Илия предоставил Елисею право выбора: «Проси, что сделать тебе». Всего одну, самую главную просьбу изложил ученик. Он оставил 12 пар волов, свой бизнес, как бы мы сегодня сказали, и предпочёл духовные ценности: «Дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне».

В служении папы – проявление Духа Святого было явным. Бог действовал через него.

Когда он освободился после четвёртого срока (7 лет заключения), мы испытывали двойную радость: во-первых, – его освобождение, и, во-вторых, ему дали надзор. Это означало, что каждый вечер он должен находиться дома, а участковый милиционер должен проверять, соблюдает ли он эти ограничения. Такой радости в жизни у нас никогда не было. 12 с половиной лет мы прожили без отца – эти годы он провёл в заключении, а когда находился на свободе, тоже редко был дома. Но папа не выдержал ограничение надзора и через время уехал на совещание.

Через пять месяцев после его освобождения у меня состоялся брак. Папа готовился быть распорядителем, но утром неожиданно уехал. Народу собралось много, все хотели посмотреть на моего отца и отца невесты, освободившихся из заключения. Спрашивали: «Где Михаил Иванович?» – «Братья предложили ему уйти на нелегальное служение, чтобы не арестовали...».

Сначала мне было неприятно. На следующий день, мне захотелось встретиться с ним, получить благословение, советы. Нам разрешили увидеться с ним ночью на короткое время. Я осудил себя: плохо, что мне принесло неприятность отсутствие отца. А ему разве приятно 7 лет не иметь общения?! И брак сына оставить ради чего? – Ради Господа, ради Божьего дела!

Только Дух Святой давал ему силу, забывая себя, не считаясь со здоровьем, оставлять семью и так жертвенно совершать порученное дело.

Третий момент: Илия возносился на небо, а Елисей вслед ему произнёс: «Отец мой, отец мой!» В эти слова вложен глубокий смысл. Илия не был его физическим отцом...

Каким бы больным отец ни был, но, пока жив, он рядом. А когда уже не дышит и осталась только его храмина, – нет слов выразить боль.

Для нас отец – не только родитель. В моём свидетельстве о рождении в графе «отец» стоит прочерк. Потому что когда в ЗАГСе выдавали свидетельство о рождении, он не присутствовал, был на нелегальном положении. Но как отец духовный – он был мне очень близок. Когда мы ехали к нему на свидание, всегда знали, что можем рассказать ему всё, исповедоваться. В его присутствии решались все вопросы.

Очень приятно читать соболезнование: «Для меня ваш папа был не только членом Совета церквей, но и моим отцом».

Мы благодарны Богу за жизненный путь отца. Молитесь, чтобы и нас, и наших детей наполняло желание Елисея: иметь дух вдвойне, который был в отце. Чтобы совершаемое им служение продолжилось с большей силой и за всё прославился наш Господь.

ХОРЕВ
Павел Михайлович

Сегодня мы собрались на прощальное собрание, посвящённое жизни и служению нашего отца, мужа, служителя церкви. Вместе с вами мы поблагодарим Бога и вспомним великие и чудные дела, которые Он совершил в его жизни и служении. Отметим прекрасную жизнь веры нашего папы, несмотря на печаль разлуки и слёзы на глазах.

С шести лет он ждал встречи с отцом-узником. В ленинградской тюрьме «Кресты» они договорились увидеться у небесного престола. И маму он не смог посетить перед её отходом в вечность, потому что отбывал срок в зоне строгого режима города Сорока (Молдавия). Но вот настал счастливый час, и эта долгожданная встреча произошла!

Листая страницы книги жизни нашего папы (с детства и до последнего его дня мы называли его папочкой), я хочу вспомнить ту сторону его жизни, какую лучше всего знаю. Наш отец любил не только церковь, но и своих детей. Он был любящим отцом для многих Божьих детей, но также был горячо любящим мужем. Он любил нас и, несмотря на тюрьмы, лагеря и нелегальное служение, всегда находил время для сердечного общения с нами.

Мы, дети, воспитывались во времена суровой духовной брани между церковью и силами тьмы, возглавляемыми государственным атеизмом. Наш папа всегда стоял на передовой линии этого фронта. Он жертвовал свободой и жизнью за право поклоняться Богу в духе и истине. Больше половины детства и юности мы провели без него. Когда же папочка оставался дома, – наступал праздник! Мы засыпали под его прекрасные рассказы. Он всегда молился с нами; и мы никогда не выходили из дому без того, чтобы он не благословил нас своей молитвой.

В 1982 году на свидании в лагере Омска моя встреча с ним изменила всю мою жизнь. В 3 часа ночи он прогуливался со мной по коридору. Заканчивая беседу, папа неожиданно остановился, повернул меня к себе и задал единственный вопрос: «Сынок, ты Иисуса любишь?» (Перед моей поездкой на свидание решался вопрос: принимать мне крещение, уходя в армию, или нет?) Он повторил: «Я ни о чём ином тебя не спрашиваю. Скажи только: ты Иисуса любишь?» Я смотрел в его понимающие глаза и не знал, что̀ ответить. Слов не было. Он ласково обнял меня: «Сынок, я знаю, что ты Его любишь, но с этого дня люби ещё больше».

Даже находясь в тюрьме, папа продолжал заботиться о нас и просил братьев посещать нашу семью. Он очень любил детей и своим примером и многими наставлениями побуждал нас избрать узкий путь и следовать за Иисусом, куда бы Он ни повёл. Не раз мы слышали от него сокровенное признание: «Самый желанный для меня день, который я ожидаю с надеждой, – это когда мои сыновья заключат святой завет верности со Христом и мы всей семьёй сможем участвовать в вечере Господней». В 1985 году сердечное желание папы исполнилось. Мы приехали к нему на свидание в лагерь города Улан-Удэ (Забайкалье), и он совершил хлебопреломление. Как он ликовал! Хотя путь к этому ликованию был нелёгким.

Не поддаётся подсчёту, сколько раз ему приходилось оставлять жену и детей на неизвестное время.

Многократно ему предлагали лёгкую, безбедную жизнь со всеми удобствами и благами этого мира, – он не прельщался.

В отдельные моменты служения коварная измена наносила ему жестокий удар: близкие люди, к кому он относился с особым доверием, – оставляли его. Он испытывал боль не только физическую, но и душевную.

Я провожал его перед отъездом из Америки домой, в Кишинёв. Мы зашли в магазин, и я спросил: «Папа, что ты хочешь, чтобы я тебе купил?» Мы прошли через весь магазин и остановились у садового инвентаря. «Сынок, купи этот шланг». – «Это из Америки-то вести домой шланг?!» – «Знаешь, как мамочке будет приятно поливать огород. У неё шланга нет, она будет знать, что я думал также и о ней».

Однажды я приехал домой, он помогал маме делать аджику. Трудно было скрыть впечатление от увиденного: «Папа, разве больше некому этим заниматься?» Он ответил: «Сыночек, я делаю это для Ванечки, для Венечки и для тебя. Знаю, что аджика вам очень нравится». Такое трогательное чувство любви не могло остаться бесследным.

Последние 5 лет оказались для него очень сложными:

– смерть его друга и соработника Геннадия Константиновича Крючкова;

– закрытие Историко-аналитического отдела, руководителем которого он был в течение нескольких лет;

– выход из состава Совета церквей ЕХБ;

– подорванное здоровье, – всё это оставило глубокий след в его жизни, но не лишило желания продолжать служение.

Тяжёлыми переживаниями обернулось для него отсутствие понимания среди ранее близких ему людей, с которыми он трудился. Глядя на происходящее, я не мог не спросить: «Папа, как продолжать борьбу, когда люди так несправедливо поступают?» Во время этого разговора мы сидели с ним у камина. Огонь медленно догорал, слабое пламя подслеповато поблёскивало на поленьях, и он указал мне на два маленьких уголька: «Сынок, скажи, пожалуйста, разве для этих тлеющих угольков имеет какое-то значение, что̀ мы сегодня думаем о них?» Немного помолчал и продолжил: «Так и наша жизнь. Мы рождены, чтобы отдать тепло тем, кто в нём нуждается. Пусть остальные делают так, как они понимают».

Я редко видел папу плачущим. Как-то перед моим отъездом он вышел проводить меня до калитки. У ворот мы обнялись, я увидел слёзы на его глазах...

«Сынок, – попросил он, – обещай мне, что ты никогда не забудешь мамочку и будешь всегда заботиться о ней, что̀ бы со мной ни случилось». Я кивнул головой в знак согласия и дал ему слово: «Что бы ни случилось, я хочу, чтобы ты, папа, знал: я, да и мои братья, всегда будем заботиться о ней».

«Спасибо, сынок», – сказал он, опять обнял меня, и мы расстались.

Простившись, я ещё долго оставался под влиянием этого разговора и сознавал: когда папе было трудно и больно, он думал не о себе.

У него была мечта. Конечно, не одна. Например, он желал уйти в вечность раньше мамочки. Это осуществилось.

Вторая мечта – помочь в строительстве молитвенного дома четвёртой церкви в Кишинёве. Он определил для себя взнос в 10 тысяч евро. Невозможно предположить, где он мог бы взять такую сумму. Я знал, что у него было всего пять тысяч. «Осенью я принесу остальные пять», – пообещал он. Если бы Господь продлил ему жизнь, думаю, своё обещание он поспешил бы исполнить.

Чистое золото не получишь без огня; никогда не получится бриллиант без камней, оттачивающих его; никогда не получишь хлеба без жерновов. Папа сказал: Божий человек никогда не бывает без страданий. Да благослови вас Бог.

ГЕРМАНЮК
Степан Григорьевич

Мы пришли и приехали проводить в последний путь нашего брата, Божьего человека. Его уход в вечность собрал здесь так много людей, потому что Михаил Иванович был дорог всему нашему братству. Он прожил на земле не напрасно.

«Верою Моисей, пришед в возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное, греховное наслаждение, и поношение Христово почел бо́льшим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздаяние» (Евр. 11, 24–26).

Сколько бы мы ни произносили речей, сколько бы добрых слов ни сказали о брате, всё сводится к воздаянию. Что такое воздаяние? Это – или награда за святые поступки, или кара за грехи. Пророк Иеремия от имени Господа предсказывал о печальной участи Вавилона: «...Господь, Бог воздаяний, воздаст воздаяние» (Иер. 51, 56). Христианин, стремящийся всегда угождать Богу, дорожит небесным воздаянием. Оно – самое чудесное! Оно даёт стимул вести полноценную христианскую жизнь, укрепляет силы в борьбе и труде на этой скорбной земле. .

Я – близкий родственник Михаила Ивановича. Наши дети поженились, и теперь мы имеем 10 общих внуков. Расскажу несколько эпизодов, характеризующих его с таких сторон, которые, возможно, не все знают.

И я, и он освободились из уз почти одновременно, оба с надзором. Когда дети решили вступить в брачный союз, встал вопрос: где обговорить условия бракосочетания? Михаил Иванович предложил встретиться на нейтральной территории, в Кировограде. Он сказал тогда: «Вы не богаты, и я не богат, а народа прибудет много. Какую пищу подадим гостям?» И предложил: «Давайте сделаем необыкновенный обед: приготовим бутерброды и хлебный квас». Согласитесь, решиться на такое, могут очень редкие люди. Угощение такого рода на браке было, наверное, единственным в наших церквах.

Вспоминаю выразительные факты: я жил на Дальнем Востоке и на совещаниях служителей сообщал: «Братья, народ на острове Сахалин пробуждается. Направьте туда кого-нибудь для труда». Михаил Иванович откликнулся и послал человека. Он до сих пор несёт там служение, и успешно, – Арнаут Иван Петрович.

Мы нуждались в тружениках по низовью Амура. Никто не отзывался. Михаил Иванович отправил из Молдавии Кирияка Ивана Степановича, он усердно потрудился в тех местах.

Воздаяние у Бога есть для каждого, кто пройдёт Его путём. Жаль, что не все живущие правильно понимают это. Хоронили моего родственника в Благовещенске-на-Амуре. Он был человек видный, проститься с ним приехало много начальства, и каждый желал ему «Царства Небесного». Попросил слова и я: «Вы желаете ему Царства Небесного так, как будто оно лежит у вас в карманах. Люди добрые, а вы знаете, что нужно, чтобы получить это Царство? Христос сказал: "Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное" (Матф. 18, 3). И ещё: "Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное" (Матф. 5, 20). А в Послании к Римлянам написано: "Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе" (14, 17–18)».

Всё хорошо в меру, и в наших карманах нет ни венцов, ни наград. Воздаяние – у Бога, в Его святых руках. И сколько бы мы сегодня ни хвалили или злословили кого-то, – не убавим и не прибавим к воздаянию, которое заслужил наш брат. Оно идёт вслед за ним. Думаю, Михаила Ивановича ждёт хорошее воздаяние. Мы читаем в Святом Писании: «Не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние» (Евр. 10, 35).

В Нагорной проповеди Иисуса Христа (Матф. 6 гл.) указано, что за тайные милостыни (6 ст.), за тайные молитвы (18 ст.), за тайный пост Бог воздаст явно «каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, ярость и гнев» (Рим. 2, 6–8).

Я знаком с Михаилом Ивановичем с юности, когда служил в армии в Ленинграде. С Маховицким Фёдором Владимировичем он собирал тогда молодёжь на кладбище, я присутствовал там. Свидетельство неверующим о Боге, благословенные разборы Священного Писания невозможно забыть! Обучая молодёжь, брат Миша раздавал нам трактаты, как готовить проповедь.

Я верю, что Михаила Ивановича ждут щедрые небесные дары. Давайте не опережать воздаяние, которое приготовил для него Господь. Написано: «...воздам каждому из вас по делам вашим» (Откр. 2, 23). Будем надеяться на встречу с Михаилом Ивановичем и увидим то богатое вознаграждение, которое Господь приготовил для него.

ХОРЕВ
Михаил Иванович
(внук)

«Господи, восполни моё отсутствие Своим присутствием...» Это последние слова молитвы моего дедушки перед его вторым арестом.

19 декабря 1969 года он отправился с сыновьями в магазин за рождественскими подарками. Счастливые дети вернулись домой, но не успели ничего рассмотреть: настойчивый звонок прервал радостное занятие. Михаил Иванович открыл дверь, а на пороге – два милиционера: «Нам нужно с вами поговорить...»

«Дети, оставьте подарки, мы помолимся Господу...» Расставаясь с семьёй на неизвестное время, дедушка произнёс эти мудрые слова. Слушая молитву, один из милиционеров снял фуражку...

Церковь, братство прощаются сегодня с любимым служителем. Я прощаюсь со своим дедушкой. Его давняя просьба к Господу: «Восполни моё отсутствие Своим присутствием...» – несёт утешение. Я как будто сейчас слышу эту молитву. Ощущение Божьего присутствия даёт силу проходить с упованием предлежащее поприще и с благодарностью принимать большие утраты. И хотя смерть – это не конец, но всё же разлука. Мы имеем светлую надежду на встречу у Господа.

Хочу обратиться к поколению моих ровесников. Мы живём в пробуждённом братстве. Принято считать, что этим благословенным моментом был 1961 год. Я не хочу, чтобы духовное пробуждение ограничилось только этим годом. Думаю, каждое поколение нуждается в пробуждении, только тогда мы сможем быть благословением для идущих на смену нам.

«Благослови нас, Господи, послужить Твоему изволению!»

ГЕРМАНЮК
Вячеслав Степанович

Всех присутствующих поздравляю с праздником победы: Христос воскрес! Это пасхальное приветствие очень любил Михаил Иванович. Христос наш – победитель! Победитель смерти и ада. Он сделал и нас соучастниками Своей победы!

В 1988 году Михаил Иванович руководил похоронами моей мамы, Ульяны Сергеевны Германюк. Он сразу обратился к собравшимся: «Братья и сёстры, наше служение сегодня не будет только траурным, а победным, потому что дорогая сестра осталось верной Богу».

Священное Писание повествует о победителях и об их оружии: «Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего и не возлюбили души своей даже до смерти» (Откр. 12, 11). Христианину приходится вести духовную брань одновременно на трёх фронтах: с дьяволом, миром и нашей плотью. Каким оружием побеждать? Первое: «кровию Агнца», принесшей победу над дьяволом. Что имеем мы, христиане, в Крови Христа? Она обеспечивает чистоту сердца, совести и ума. Очень сильное оружие! «...Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1 Иоан. 1, 7). Во время гонений молодёжь любила петь гимн: «Вместе мы с вами верили...». Там есть хорошие слова: «Были пред Богом правыми, чисты пред миром были».

Борьба за чистоту подвергалась и подвергается критике, насмешкам, поношениям. Но путь борьбы за чистоту – прекрасный! Чистота во всех сферах жизни – залог победы. Апостол Иаков разъясняет: «Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна...» (Иак. 3, 17). Бог взаимодействует с нами только при условии чистоты.

Михаил Иванович использовал это оружие. Когда он посещал Дальний Восток, мы были в тех городах и поселках, где не составляло никакой трудности по очень низкой цене купить икру красную или чёрную. Я предлагал: «Михаил Иванович, давайте купим и вы домашних угостите». – «Славик, моё кредо: ничего с собой не брать. Я один из четырёх рабочих, о которых написано в книги Захарии. Мои трофеи – рога рогатого, то есть врага душ человеческих. Бог посылает меня обламывать рога, и я ничего не могу взять. Мои трофеи невидимые». Он старался сохранять чистоту, был бескорыстным и являлся в этом примером.

Второе оружие направлено против мира сего: «словом свидетельства своего». Мир не любит открытого исповедания, негодует, когда слово подтверждается жизнью проповедников. Открытое слово свидетельства о Христе – безумие для мира. «Безумствуешь ты, Павел!..» – воскликнул правитель Фест (Д. Ап. 26, 24). А Апостол говорил о правде, о воздержании и о будущем суде так, что правитель Феликс пришёл в страх (Д. Ап. 24, 25).

За слово свидетельства Божьи рабы платили высокую цену: с Иоанна Крестителя сняли голову, Стефана побили камнями... Слово свидетельства всегда содержит элемент обличения. Это – мощное оружие Божьих детей, с помощью которого они побеждают мир.

Михаил Иванович старался распространять слово свидетельства о Господе не только здесь, не только в Закарпатье, но и на Дальнем Востоке. Мы жили в посёлке Эльбан Хабаровского края, и у нас не было ни средств, ни сил сделать крышу в молитвенном доме. Он приехал, и мы с ним обошли нашу стройку. Снега выпало много, а дом стоял без крыши... Михаил Иванович убеждённо произнём: «Приедет человек». Действительно через короткое время прибыл брат, и мы за три дня поставили крышу. Радость нашу передать трудно: слово свидетельства благоуспешно распространялось через служение в молитвенном доме.

Третье оружие направлено против нашей плоти: «не возлюбили души своей даже до смерти». Этот путь проложил Иисус Христос. Он добровольно отдал Себя для искупления человечества. Этим путём шли и Христовы Апостолы. Павел восклицал: «Для меня... смерть – приобретение» (Фил. 1, 21). Божьи рабы не имели никакого страха перед смертью.

В настоящее время это оружие в большом дефиците. Характеристику христиан последнего времени Апостол Павел начинает так: «Ибо люди будут самолюбивы...» (2 Тим. 3, 2). Весь негативный список возглавляет самолюбие. Как много таких людей в среде Божьего народа и как мало верных, готовых пожертвовать ради Господа временем, здоровьем, жизнью!

К посвящённой Богу жизни ведёт живая вера, и все избирающие прямую стезю побеждали царства, творили правду, получали обетования. Совершать эти подвиги можно только, не возлюбив души своей.

Атеист, изучавший религиозные движения в нашей стране, характеризуя наше братство в годы гонений, дал такую оценку: «Совет церквей – это армия из одних офицеров, готовых умереть за свои идеалы». Прекрасная оценка!

Михаил Иванович использовал это оружие. Он не жалел себя, ехал и шёл со словом свидетельства в любые места, расточал здоровье до последних дней жизни.

Сегодня мы провожаем одного из участников великой духовной брани, доставивший победу, которой мы пользуемся с 1961 года! Какой урок извлечём для себя? – Оценить оружие, с помощью которого они одержали победу, и пользоваться им: чистота, свидетельство и готовность умереть.

Михаил Иванович и Степан Григорьевич на Дальнем Востоке

В этот день совершается не просто прощание с Михаилом Ивановичем – происходит смена поколений. Уходит поколение наших отцов. Чем мы, их дети, будем дорожить? Глядя на нашу жизнь, последуют ли за нами наши дети?

Каждому поколению предстоит своя брань. Мы – ещё на пути. Они сохранили верность Господу и победили. Да поможет нам Господь жить так, чтобы продолжалась победная поступь Его Церкви на земле до Его славного пришествия за святыми!

«Память праведника пребудет благословенна...»

Притч. 10, 7

Памятный вечер в четверг 10 мая 2012 года собрал в огромном помещении крытого кишинёвского манежа многотысячное собрание сотрудников и друзей по вере Михаила Ивановича Хорева. Весть о его переходе в вечность облетела широты земли. Печаль разлуки острой болью отозвалась в сердце многих верующих и не оставила без сочувствия никого, в том числе живущих далеко, которые не смогли приехать на прощальное богослужение, но пребывали в молитве, чтобы Бог послал утешение скорбящим.

В этот вечер слова любви и искреннего признания волнующе и трогательно звучали в многочисленных свидетельствах, подтвердивших, что Михаил Иванович действительно был духовным отцом, неутомимым пастырем, мужественным воином Христа. Живое слово призывало присутствующих к жертвенной самоотдаче, к осмысленному подвижничеству на узком пути, как жил и служил любимому Учителю Михаил Иванович Хорев.

АНТОНЮК
Николай Степанович

От имени служителей Совета церквей хочу выразить соболезнование родственникам Михаила Ивановича Хорева, Кишинёвской церкви, всем верующим, проживающим в Молдавии и всему братству по поводу кончины служителя Международного союза церквей Михаила Ивановича Хорева. «Утешайтесь надеждою...» – наставляет всех скорбящих великий Апостол Павел (Рим. 12, 12).

«Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор. 5, 1). Хотим мы того или нет, но земной наш дом, наше тело, эта хижина, в которой проживает наша душа, разрушится, – как сказал Апостол Павел. Я знаю братьев, заботящихся о своём теле, они стараются вовремя ложиться спать, хорошо питаться, то есть берегут себя.

Михаил Иванович собой не дорожил, не жалел себя для Бога, для церкви, для братства. Имея слабое здоровье, никогда не жаловался на недуги и никогда не отказывался от служения. Он ехал туда, куда его посылали и куда не посылали. Ему трудно было передвигаться, но в комнатных тапочках он преодолевал огромные расстояния, чтобы совершить тот или иной труд.

То, что мы имеем на земле, разрушается, а дом нерукотворенный, вечный, приготовленный на небе, не разрушается и не подвергается никакой порче. Бог дал нам залог Духа Святого – Он есть залог наследия нашего на небесах. Пришло время, земной дом Михаила Ивановича разрушился и он как Божий человек переселился в небесное жилище. Земные скорби, трудности, болезни и служение – закончились.

«Только бы нам и одетым не оказаться нагими», – предупреждает Апостол Павел. Будет неправильно, если мы сегодня поговорим о Михаиле Ивановиче и не подумаем о себе, чтобы нам, слыша о его жизни, подражать его вере.

Помню первую встречу с Михаилом Ивановичем. В ожидании начала вечернего воскресного богослужения (оно проходило в моём доме) Михаил Иванович, нарушив тишину, сказал:

«Братья и сёстры, поднимите, пожалуйста, руку, те кто мог бы сейчас помолиться примерно так: „Благодарю Тебя, Господи, что моя земная жизнь скоро закончится и Ты возьмёшь меня в Своё небесное жилище, и я всегда буду у Тебя на небесах. Я очень хочу, чтобы это совершилось скорее".

Ни одной поднятой руки! Я тоже раздумывал: поднять руку или нет? Михаил Иванович первый поднял руку. Посмотрите, как красиво написал Апостол Павел: «Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище» (2 Кор. 5, 2).

Люди воздыхают по разному поводу: кто-то болеет; у кого-то мало денег, у кого-то много детей; а иные, потому что нет детей, и о многом другом, а нам нужно бы воздыхать о небесном жилище.

...Думаю, не последний раз мы присутствуем на похоронах. Будут уходить братья, будут уходить сёстры, и мы будем смотреть на бездыханное тело наших друзей, переселившихся в небесные чертоги. Спросим себя: ожидаю ли

я момент, когда выдохну последнюю порцию воздуха и уйду к Господу на небеса? «Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что̀ он делал, живя в теле, доброе или худое».

В течение прошедшего часа перед нами прошла жизнь великих Божьих людей, которые до конца посвятили себя на служение Господу. Многие из них уже оставили нас, прошли через судилище Христово и получили то, что Господь для них приготовил. Мы ещё живы, и наша задача – совершать труд и служение Господу, чтобы принести плоды для Небесного Царства, предстать перед судилище Христово и не постыдиться.

СИТКОВСКИЙ
Павел Николаевич

На земле жизнь человека насыщена скорбями. Михаил Иванович тоже многими скорбями вошёл в Божье Царство (Д. Ап. 14, 22). Но в его жизни было место и радостям. Когда закончился земной путь праведника, он услышал от Господина: «войди в радость». На небе уже ничто не будет омрачать радость.

О Михаиле Ивановиче я слышал из уст своей мамы. Она очень любила страдальцев, узников, служителей и нам, малышам, часто рассказывала о них. Когда я подрос, мне довелось и самому увидеть за кафедрой Михаила Ивановича. Внутренне я был расположен к нему, знал, что он – герой веры и Божий человек.

Получая журнал «Вестник истины», мне всегда хотелось сначала прочитать самое интересное, и я находил статьи Михаила Ивановича.

По поручению Совета церквей в 1997 году моя семья переселилась из Ростовской области в Харьковскую. Около двух лет мы жили (8 детей и я с женой) в тесной комнатке с маленьким коридорчиком. Нас посетил Михаил Иванович. Ночевал. Очень тесно было, но мы с большим удовольствием приняли его.

Утром, отправляясь в путь по служению, он обратился к моей жене: «Мы сейчас помолимся. Я вижу, как вы живёте, трудно вам. Скажи, о чём бы ты хотела попросить Бога для улучшения условий, и получишь просимое.

Он помолился и уехал. Теперь у нас улучшены бытовые условия. Мы на своём опыте испытали силу молитвы и веру Михаила Ивановича, и радуемся этому.

Мы слышали сегодня о бескомпромиссности Михаила Ивановича. Однажды после тяжёлой встречи с теми, которые уклонились от пути Господнего, разрушали братство и своё отступление прикрывали красивыми фразами якобы автономная регистрация – это платформа для благовестия, Михаил Иванович в тесном кругу, вздыхая, сказал:

«Ах, как хочется на небо! Скажите, кому хочется на небо?» – обратился он к братьям. Все молчали.

«Конечно, самая большая причина, почему хочется на небо, это та, что мы встретим там Господа, Которого любим, – продолжал рассуждать Михаил Иванович. – Встретим святых Апостолов, сотрудников наших, которые ушли раньше нас, и тех, которые позже придут. Но ещё одна причина, почему мне хочется скорее на небо, – там не будет хитрецов и лицемеров».

Дорогие братья и сёстры! Михаил Иванович уже на небе. Там точно нет ни хитрецов, ни лицемеров.

ЗОЛОТУХИН
Николай Петрович

Дорогие братья и сёстры, дорогие родственники Михаила Ивановича, дети, жена и внуки. Я вместе с вами скорблю об уходе с земли дорогого служителя.

Один из братьев, который влиял на духовное формирование моей души и на приобщение меня к жизни нашего братства, – был Михаил Иванович.

На общении пресвитеров (в Туле в январе этого года), собравшем около 300 служителей, Михаил Иванович проповедовал на стих из Писания: «Одна из жен сынов пророческих с воплем говорила Елисею: раб твой, мой муж, умер; а ты знаешь, что раб твой боялся Господа» (4 Цар. 4, 1).

Я сравниваю этого человека с Михаилом Ивановичем. Он тоже боялся Господа, но не страшился сильных мира сего. Ему Господь дал духа не боязни, но силы, любви и целомудрия (2 Тим. 1, 7). Эту силу он черпал у Всемогущего.

В 1980 году в нашей местности работала подпольная редакторская группа журнала «Вестник истины». У них было много информации, и я, посещая их, пользовался возможностью прослушивать кассеты возвратившихся из уз служителей, в том числе и Михаила Ивановича. Я прослушал десять кассет с записью его воспоминаний, мне очень приятен был его бесстрашный дух.

Когда Михаил Иванович возвратился из уз, Кишинёвская церковь испытывала трудности: бо́льшая часть верующих решила идти другим путём. Ему предстояло определиться: присоединиться к большинству или остаться с малым числом верующих. Мне вспомнились слова Христа, когда к Нему собрались тысячи народа: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лук. 12, 32). Михаил Иванович остался в малом стаде, с теми, кто верно служил Господу. Он не пошёл на компромисс с миром.

И ещё одно качество Михаила Ивановича достойно подражания: он бодрствовал, чтобы курс нашего братства

остался неизменным. Он был один из сторожей, стойко защищавших независимое от мира служение Богу.

На одном из съездов ему передали записку: «Не пора ли вам оставить это место, уйти в сторону?..» Тогда было серьёзное поползновение повернуть братство в другую сторону. Помню, как он твёрдо и безбоязненно сказал: «Братья, если есть достойная замена, – пожалуйста, входите в Совет церквей, трудитесь! Но если дело касается изменения курса братства, то я не уйду!» Костыль был в его руке, он стукнул им об пол: «Я не уйду!» Приятно быть свидетелем такой поразительно твёрдой позиции.

На это прощальное служение съехалась активная часть братства. На верных и истинных возлагается ответственность сохранить курс, которым Божий народ благословенно шёл не одно десятилетие. Да поможет Господь нам быть в числе таковых.

ЕРЕМЕНКО Виталий

На воскресных богослужениях, посвящённых торжественному входу Христа в Иерусалим и празднику Пасхи, Михаил Иванович сказал в нашей церкви две последние проповеди. В понедельник он был уже безмолвен.

Я знал Михаила Ивановича не понаслышке. С ним я проехал по служению более 40 тысяч километров. У него был приятный характер. Он любил заповедь, которой учил других, в том числе и меня: «За все благодарите» (1 Фес. 5, 18). Он умел благодарить Бога, когда было очень трудно, больно, когда его не понимали. И это делало его характер лёгким и хорошим.

Возвращаясь домой из продолжительной поездки (мы въезжали с севера Молдавии), нам предстояло пересечь таможню после полуночи. Начало зимы. Ещё три часа, и мы будем дома – настроение радостное. И вдруг пошёл снег. Стало ясно, что раньше утра мы домой не доедем. У меня сразу испортилось настроение. Он посмотрел на меня и сказал:

– Виталий, посмотри, как у нас всё хорошо!

– Что вы имеете в виду?

– Нет тумана! Ты видишь, как всё ясно?

– Ещё только тумана не хватало... – вздохнул я.

Через час опустился густой туман. Я опять приуныл, замолчал.

– Посмотри, как всё хорошо! – повернулся он ко мне.

– Что вы имеете в виду?

– В машине тепло и уютно. Двигатель исправно работает. Колёса целые.

Он умел извлекать радость из обстоятельств, которые не несли радости. На нарах и в болезни он искал за что благодарить Бога, и это делало его характер красивым. В нашей церкви он свидетельствовал в последней в жизни проповеди о том, как, находясь в заключении, следователи навязали ему неприятный разговор и пытались испортить ему настроение. А он думал о том, что Христос воскрес! В этих тяжёлых обстоятельствах нашёл, за что благодарить Бога и быть радостным. Этим он был прекрасен и любезен. Люди от общения с ним не уставали.

РУМАЧИК Петр Васильевич

В книге Откровение есть замечательный стих: «И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13). Блаженство Михаила Ивановича состоит в том, что Господь, Которому он верно служил, приготовил ему дом нерукотворенный, вечный и город, в котором народа будет гораздо больше, нежели сегодня собрано здесь, – тьмы тем и тысячи тысяч! Блаженство всегда светилось на лице нашего дорогого брата и на портрете он запечатлён в притягательной улыбке, свидетельствующей, что он исполнил Божью волю.

Я знаком с Михаилом Ивановичем с молодости. Мне всегда было очень приятно встречаться с ним, участвовать в служении, он располагал к себе, как свидетельствуют многие. Для скорбящих он был желанным, потому что умел утешать. Моя покойная жена, когда трудилась в Совете родственников узников, свидетельствовала, что сёстры всегда хотели видеть его на своих общениях. Он мог ободрить их, ведь они несли служение в трудных условиях.

Несмотря на то, что лицо его всегда светилось радостью – он был твёрд, как кремень. Он мог с улыбкой разговаривать с сильными мира сего, но позиций святости никогда не уступал. Он смирялся под крепкую Божью руку, поэтому и был мужественным и смелым. Никогда не шёл впереди Христа, но всегда за Ним, поэтому имел успех в служении.

Не только с безбожниками он разговаривал решительно, хотя и не оскорбительно, но и со всякого рода изменниками, иудами. И Бог давал Михаилу Ивановичу победу.

Брат был бескомпромиссный. В то время, когда сильные мира сего пытались провести в Молдавии «киевский эксперимент» (зарегистрировать общины автономно), Михаил Иванович, не выходя на свободу, пошёл на второй срок, не подав недругам никаких надежд, и эксперимент у них не удался.

В годы гонений, когда мы вместе несли служение и с молитвой решали очень нужные для Божьего народа проблемы, особенно по обеспечению духовной литературой, мы

Румачик П. В., Хорев М. И., Батурин Н. Г.

понимали: если бы врагам Церкви стали известны наши планы, они бы стёрли нас в порошок. Но мы готовы были к любому исходу. Светлая личность моего брата и друга и светлая память о нём вдохновляли меня и многих.

Михаил Иванович очень хорошо проповедовал, до конца раскрывая глубокие темы. Не помню, чтобы у него когда-либо был конспект проповеди, но его слово имело величайший успех. Дети Божьи не только в Молдавии, но и в России, и в других республиках всегда желали иметь с ним встречи.

Его жизнь не только в молодости, но и в средние года, и в старости достойна подражания, потому что он был служителем, преданно любящим Господа. Меня это радует и ободряет. Михаил Иванович уже успокоился от всех своих трудов, физических и духовных, и добрые дела, добрая слава идут вслед за ним.

Отец Михаила Ивановича закончил жизнь в одной из лагерных зон, где я, как служитель церкви, отбывал два срока по три года, – это город Тавда в Свердловской области. Мне и Михаилу Ивановичу очень хотелось проехать туда и отыскать могилу, но не успели.

До встречи в небесах, дорогой брат!

СЧАСТЛИВАЯ ВСТРЕЧА

На крыльях северного ветра
Осколком режущего льда
В час хмурый, серый, предрассветный
Весть скорбная вошла в дома.

Сердца сжимались острой болью,
Склонялись в искренней мольбе:
«Твоя да будет, Отче, воля
Во все дни жизни на земле».

Взошёл ещё один столп Церкви
К престолу Господа Христа.
Но ВЕРА не подвластна смерти!
Жизнь вечная святым дана.

Под нежным утешеньем солнца
Растаял холод тундровой
Слезу поспешно, скорбно, молча
Роняет иней над травой.

Наш добрый брат, наш друг ушедший,
Мы сохраним в своих сердцах,
Как приезжал ты к нам на Север
И как учил народ в чумах.

Твой труд для нас – пример для жизни,
Твой путь – мерило молодым.
Мы встретимся в святой Отчизне,
Чтобы приветствовать святых.

К живущим ближе стала вечность,
Напомнив вновь, что там наш дом.
Благословен будь, брат сердечный,
В счастливой встрече со Христом!

Воркута

Виктор Кузьмич Моша с женой

Труженики издательства «Христианин»

БИБЕН Михаил

«Переноси страдания, как добрый воин...» (2 Тим. 2, 3). Это слово очень подходит к Михаилу Ивановичу. Он умел переносить страдания и преодолел большое количество нападок как от внешних, так и от внутренних, от тех, которые его не понимали.

В Закарпатье Михаил Иванович очень много потрудился не только в цыганских церквах, но и в украинских. Его любили дети, к нему тянулась молодёжь, его уважали неверующие. Из тех, кто слышал его проповеди, многие стали верующими. Его ценили служители. Почему? Потому что он был строг ко греху, и умел обличать. И цыган часто обличал, но так, что они его любили и не обижались.

Живо помню существенную поправку, которую он внёс в быт цыган. У них свадьбы затягиваются на неделю. Став верующими, предстояло пересмотреть этот обычай и перестроиться на христианский лад. Михаил Иванович так умело побеседовал, что цыгане из двух таборов, 400 человек, приняли решение: свадьба будет длится только один день! И это началось с семьи барона.

Несколько лет назад на конференции по благовестию Михаилу Ивановичу предложили помолиться о цыганах из венгерского народа. И Бог ответил на молитву: сейчас действуют уже пять венгерских групп и церквей. Венгерский народ начал приходить к Богу, каяться и принимать святое водное крещение. Вот такое Бог послал благословение!

Мы имели семь пустующих участков для постройки молитвенных домов, Михаил Иванович помолился – и сегодня на всех этих участках стоят добротные дома молитвы! При этом уточню: мы никогда не начинали строительство молитвенного дома, обладая материальными средствами. Их у нас просто не было. И Михаил Иванович никогда не дал нам для строительства ни одного доллара или евро. Нам было достаточно, чтобы он помолится! После молитвы объявляли первый сбор, и Бог посылал «воронов», люди располагались, даже неверующие давали средства – так Бог посылал благоприятное отношение к нам! Так отвечал на молитву Своего верного раба.

Михаил Иванович посетил нас полтора месяца назад. Это была его последняя поездка по Закарпатью. Услышал, что мы планируем провести семинар для проповедников, он приехал. На нём присутствовали курсанты из 10 таборов, начинающие проповедники. Прослушав из его уст историю нашего братства, о страданиях, которые пришлось претерпеть верным Богу, все очень полюбили его. Новообращённым цыганам он пообещал, что посетит их. К сожалению, теперь они будут слушать его проповеди только на дисках или на кассетах. Но мы благодарим Господа, что Михаил Иванович совершил у нас немалый труд. Без преувеличения, все табора сегодня плачут о нём, а также и украинские церкви.

Да благословит нас Бог и утешит, особенно родственников. У вас был хороший отец, хороший служитель в братстве. Мы это знаем, и у нас осталась добрая память, как о добром воине, отце и служителе. Слава Богу, что у нас впереди предстоит встреча с ним на небе.

БОГАР Иосиф, пресвитер церкви в Королёво

Полтора месяца назад Михаил Иванович был у нас. Он всегда посещал цыганские табора, потому что любил цыган.

В 1988 году Михаил Иванович первый раз пришёл в табор. У нас были 17 цыган членов церкви и сказал:

– Надо строить молитвенный дом.

– Как строить? У нас нет силы и нет средств.

Михаил Иванович с братом Мишей спросил:

– Где найти хорошее место?

– Надо говорить с цыганским бароном.

– Зовите барона, – попросил Михаил Иванович.

Барон пришёл:

– Где вам нужно землю для молитвенного дома?

О многом интересном и главном рассказывают помещённые

– Вот здесь, – указал я.

– Возьмите сколько вам надо.

Михаил Иванович совершил молитву и сказал: «Через 8 месяцев здесь будет открытие молитвенного дома». Это было весной, и Бог помог. Как раз через 8 месяцев состоялось его открытие.

И не только в этом Михаил Иванович помог, Бог благословил наше Закарпатье. У нас сегодня 12 церквей и групп из цыганского народа, в них – 1100 членов церкви из цыган. В области – 35 церквей. Он очень любил нас, и мы его любили.

Когда я в церкви объявил о смерти Михаила Ивановича, все ахнули и плакали.

Все любили Михаила Ивановича. Он был очень хорошим служителем, и не только служителем, но он для нас был как отец.

Ветхие страницы

Ветхие страницы… Приговоры, лица.
Бережно листаю памяти архив.
Поношений долю приняли не споря
Труженики Божьи необъятных нив.

ПРИПЕВ:
Позади морозы и сухие слёзы,
Окрики конвоя, лагерей угар.
Пронесли сквозь пламя Иисуса знамя
Эти люди миру, Бога чудный дар.

Мрачная «Лубянка», холод «африканки»,
Ковы богоборцев потерпели крах.
Хоть простые люди — не боялись судей,
Будто и не знали, что̀ такое страх.

Ветхие страницы… Приговоры, лица,
Ратоборцы Бога: небо — их удел.
Том листая серый, впитываю веру,
Веру не в словах лишь, но из добрых дел.

…жизни – прославить Тебя...»

Служение в братстве

4 приговора

Служение в Молдавии

Семья

на стенде фотографии о жизни Хорев М. И.а

Течение совершил, веру сохранил

11 мая 2012 года. Прощальное богослужение. Гроб с телом Хорев М. И.а установлен в центре крытого кишинёвского манежа. Отдать последний долг любви дорогому служителю приехали тысячи верующих, в том числе из ближнего и дальнего зарубежья. В течение четырёх часов звучали слова соболезнования, утешения, воспоминаний служителей МСЦ ЕХБ, Молдавского объединения, родных и близких друзей, бескорыстно любящих Михаила Ивановича. Пел сводный хор, играл духовой оркестр, и чудная гармония слаженных гимнов, казалось, вырывалась под своды бездонного неба, к престолу Небесного Отца.

Апостол Павел был уверен, что ни в чём посрамлен не будет, говоря: «...и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью» (Фил. 1, 20). Имя Спасителя прославилось также в жизни и смерти нашего любимого брата, отдавшего все годы Христу и делу Его пробуждения нашего братства. Эта жизнь достойна того, чтобы не стать ушедшей историей во славу вечного Бога.

ЕФРЕМОВ
Геннадий Сергеевич

Лично для меня Михаил Иванович был очень дорогим и очень близким. Почему? 4 января 1975 год на богослужении в Ленинграде от проповеди Михаила Ивановича покаялся я и ещё 14 человек. Бог полностью изменил мою жизнь. Общение с ним оставило в моём сердце неизгладимый след.

Не так давно я спросил у Михаила Ивановича: «Как вы себя чувствуете?» Он посмотрел на меня с милой улыбкой: «Геннадий, я побыл на кладбище в Кишинёве, посмотрел на свою могилу, — всё в порядке, всё готово! В общем-то, я уже готов к переходу. Но если мои ноги ещё хоть немножко будут ходить, если я ещё хоть немножко буду дышать, то я что-то буду делать для Бога».

Его готовность к переходу — для меня великий пример для подражания. Пусть Господь благословит и родственников, чтобы они могли точно так же подражать своему папе, дедушке, прадедушке.

ПЛЕТТ
Иван Петрович

Сотрудники издательства «Христианин» передают родным Михаила Ивановича соболезнование, запечатленное на бумаге и на картине: *«Тебе, Боже, принадлежит хвала ... Блажен, кого Ты избрал и приблизил, чтоб он жил во дворах Твоих» (Пс. 64: 2, 5). «Поистине Михаил Иванович был избран Богом не только ко спасению, но и к исполнению воли Божьей. Господь приблизил его к Себе, и его жизнь действительно прошла во дворах Бога нашего».* Этому мы свидетели.

«Мы же не из колеблющихся на погибель, но стоим в вере ко спасению души» (Евр. 10, 39). Михаил Иванович — не из колеблющихся. Он уверенно и мужественно шёл узким путём. Не колеблясь шёл и в опасные места. Когда арестовали делегацию верующих у здания ЦК в Москве и расправились с ней, нужно было узнать о её судьбе, и Михаил Иванович без страха пошёл. Это хороший пример для любого служителя. Имея от Господа откровение, что ты совершаешь угодное Господу дело, ничто не должно поколебать нас. Пусть и в нас Он найдёт непоколебимых последователей.

БУБЛИК
Александр Иванович

Наше богослужение не только прощальное, но и воспитательное. Кто займёт место ушедшего в вечность? Есть сегодня проломы в церкви или их нет? Сатана по-прежнему выставляет своих людей, которые делают проломы, кто в моде, кто в увлечении всем земным и скоропреходящем. Господь ищет человека, кто бы стал в проломе за народ Господень.

Братья, которых Бог избрал, для пробуждения церкви, получили от Бога откровение призвать Его народ пойти путём очищения и освящения. И Бог благоволил к этому движению, благословил это святое начинание, церковь устояла, чему мы с вами свидетели. Даже в том, что сегодня пришло проводить нашего брата такое множество народа, мы видим Божье благословение. Церковь Божья живёт!

Иисус Христос и ныне желает дать благодать каждому человеку, готовому откликнуться на Его призыв. Нам с вами нужно сделать сегодня правильный вывод. Только с Ним возможно победить всякий грех и одержать победу в духовной брани, потому что Он есть победитель.

КУРЕНБИН
Александр Александрович

На прощальном богослужении передаю слова соболезнования родным и близким Михаила Ивановича, братьям и сёстрам Молдавского объединения от церквей Сибири и Дальнего Востока. Мы сердечно благодарны Богу за то, что Михаил Иванович посещал отдалённые регионы братства. Его знали во всех церквах, его любили. Когда я посещал церкви нашего объединения и информировал о жизни братства, меня

часто спрашивали о Михаиле Ивановиче. И это — проявление нелицемерной любви, заботы, стремления подражать подвигу веры нашего брата.

Праведник, уходя с этой земли, оставляет благословение для грядущих поколений. Бог благословлял народы ради Авраама, ради Давида. Надеюсь, что ради таких праведников, как Михаил Иванович и многие другие служители, пожертвовавшие собой, защищая истину Евангелия, Бог будет благословлять братство и в последующие годы. От сердца желаю всем быть благодарными Богу за таких людей, которые остались на небосклоне звёздами, сияющими навеки, навсегда! Сохраним и приумножим богатство благодати, которое получали мы через наставления наших дорогих братьев.

БОРИНСКИЙ Андрей Васильевич

Мы приехали сюда, чтобы своим присутствием приумножить славу нашему великому прекрасному Богу, Которому служил Михаил Иванович и Которому служим мы. Все мы свидетели, что Михаил Иванович остался верным Богу до последнего вздоха. Он шёл верно, твёрдо, взирая на Господа Иисуса Христа как на начальника и совершителя веры, и Бог благословлял его во всём.

Если в стихах Священного Писания (2 Пар. 31, 20–21) вместо слова Езекия поставить имя и отчество нашего покойного брата, текст можно прочитать так: «Вот что сделал Михаил Иванович во всей Молдавии и во всём братстве. Он делал доброе, справедливое и истинное пред Богом. И всё что он делал, делал от всего сердца, и имел успех».

Михаил Иванович действительно очень любил молдавский народ и много добра делал нам. Он заботился, чтобы этот народ имел духовную пищу, Библию, Евангелие, песенники, журнал «Вестник истины» и детскую литературу на родном языке, и молдавский народ имеет всё это в изобилии.

Да поможет Господь нам, оставшимся, делать доброе, справедливое и истинное от всего сердца, чтобы иметь успех, как наш возлюбленный почивший брат. Да прославится в этом имя нашего Бога!

ЛЮСТ Василий «Фриденсштимме» (Германия)

От имени братства евангельских христиан-баптистов и сотрудников миссии «Фриденсштимме» выражаем соболезнование друзьям и семье брата Михаила Ивановича Хорева:

«"Иисус сказал ей (Марфе): Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет" (Иоан. 11, 25). Дорогая сестра Вера Георгиевна, дорогие дети и внуки. Дорогая церковь и сотрудники Международного совета церквей евангельских христиан-баптистов. Глубоко сочувствуем утрате вашего дорогого мужа, отца и дедушки, а также верного и неутомимого служителя Христовой Церкви и многолетнего узника за дело Божье, Михаила Ивановича Хорева.

С любовью и молитвой о вас, братство евангельских христиан и миссия "Фриденсштимме" в Германии».

Также брат Оскар Рифиниус, председатель нашего братства, просил передать личное соболезнование семье и всем служителям Совета церквей и всему братству.

Жизнь и служение брата Михаила Ивановича знакомы на Западе ещё со времен гонений. В 1978 году, когда была образована миссия «Фриденсштимме», мы получали от братства информацию об узниках, в том числе и о Михаиле Ивановиче, и старались распространить её на Западе. Очень знакома на Западе его книга «Пишу вам дети». Она переведена на немецкий и на другие языки. Служение и труд Михаила Ивановича был во славу нашему Господу. И мы желаем Божьей милости и благословений всему братству, а также семье, детям, внукам и правнукам.

УЙЛ Рин
«Фриденсштимме»
(Голландия)

Дорогая сестра Вера, дорогие дети и все возлюбленные Господом. Я стою перед вами как представитель многих тысяч христиан Голландии.

Когда я услышал о кончине брата Хорева, первое, что я вспомнил, — это знакомство с русскими братьями в 1978 году. Я тогда увидел фильм, на котором было снято запрещённое собрание в лесу. Там была собрана молодёжь, возможно, сотни или даже тысячи. И в середине этого кадра стоял наш брат Хорев. Большое впечатление на меня произвёл его серьёзный взгляд, его глаза. И всё-таки улыбка на лице. Эта фотография глубоко запала в моё сердце.

Велик наш Бог, что избрал Себе Церковь, которая по всему миру является единой в имени Иисуса Христа! Она выше культур и языков! По этой причине я сегодня стою перед вами. Мы в Голландии не особые люди. Думаю, Сам Господь положил нам на сердце заботу о страданиях и о страдающей церкви в бывшем Союзе.

На стендах, представленных здесь, на правой стороне есть семейная фотография Хоревых. Её мы размножили большим тиражом. Она стояла на каминной полке, чтобы семьи в Голландии не забыли, что об этих детях нужно молиться. Мы не знали тогда друг друга. Мы также молились о детях семьи Румачик, Козорезовых и Юдинцевых. Господь связал нас невидимыми нитями через Кровь Своего драгоценного Сына. Чуден наш Господь! Хвала Ему вовек!

ГЕРЦОГ
Андреас

«Дорогие близкие. Это великая утрата, это скорбь, переживание наших сердец. Искреннее соболезнование приносят сотрудники миссии братства христианских церквей Германии вам, дорогая сестра Вера, дорогие дети и все, которым близок и дорог наш возлюбленный брат Михаил Иванович Хорев. Закончен благословенный и насыщенный многими скорбями земной путь, и теперь Михаил Иванович может вместе с Апостолом Павлом сказать: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный...» (2 Тим. 4, 7–8).

Примите также сердечное соболезнование от сестры Ани Панкрацц из Канады. Она мне сказала: «Когда Михаил Иванович находился в тюрьме, я желала, чтобы он сохранил верность до конца и в старости был плодовит, сочен и свеж, возвещая, что праведен Господь (Пс. 91, 15–16). Мы благодарны Богу, что Он сохранил до старости Михаила Ивановича плодовитым и сочным в деле. Слова Писания говорят не о теле нашем, взятом из праха и в прах возвращающемся. Он в духе был плодовит и сочен. Для чего? Чтобы возвещать волю Господню. Наше желание и молитва к Богу приобрести от Него силы остаться верным Ему до конца и подражать вере Михаила Ивановича.

ФРИЗЕН
Андрей

Дорогие родственники! От имени церкви Зигбург-Аугусдорф выражаем сердечное соболезнование в связи со смертью вашего отца, также мужа. Хочу каждому из вас сказать: Михаил Иванович Хорев стал Божьим, потому что Бог возродил его.

О Давиде сказано, что он «в свое время послужив изволению Божию, почил и приложился к отцам своим, и увидел тление» (Д. Ап. 13, 36). То же мы можем сказать и о нашем брате Михаил Ивановиче.

В утешение скорбящим напомню: «...Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак утешайте друг друга сими словами» (1 Фес. 4, 16–18).

ЦИММЕРМАН
Георг

Выражаю соболезнование словами из послания к Евреям: «...ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще» (Евр. 11, 4). Мы вчера и сегодня получили доказательство, что человек не только внутри имеет свидетельство, что он праведник, но и многие свидетельствовали, что наш брат, Михаил Иванович, был праведником.

«Берегись тех людей, которые всё знают и на все вопросы дают ответ, как из автомата: закинешь копейку, и сразу ответ» — это наставление Михаила Ивановича — кредо моей жизни. За короткую беседу со мной он вложил в моё сердце очень важные понятия. Я ожил и стал глубже понимать взаимосвязь духовной жизни.

Жертва Авеля говорила и после его смерти. Желаю, чтобы и в нашей жизни проповедь Михаила Ивановича продолжилась, и мы, как наследием, дорожили его наставлениями.

ПУШКОВ
Евгений Никифорович

Дорогие друзья, братья и сёстры. Дорогие родные. Настали последние минуты прощания уже с телом дорогого нашего брата, вашего родственника. Когда мне сообщили, что Михаил Иванович оставил завещание, чтобы я вёл его похороны, я волновался. Вчера я очень волновался. А сейчас я ещё больше волнуюсь. Как закончить это траурное служение так, чтобы оно запечатлелось в сердце каждого? Чтобы кто-то огорчённым не остался. Многие желали исполнить что-то, но, прошу прощения, мы все связаны временем. Думаю, вы поймёте нас.

Из воспоминаний о Михаиле Ивановиче напомню один эпизод. Моя старшая дочь Маша выходила замуж, когда я отбывал второй срок на строгом режиме. Конечно, я был озабочен, мне, как отцу, хотелось помолиться, посмотреть на доченьку-невесту. Позже я получил утешение: «Папочка, у меня был хороший отец. Ты смущаешься? Место отца на бракосочетании занял Михаил Иванович и сказал: "Я буду молиться как отец, потому что настоящий отец в узах". У нас трудно было организовать оркестр, он привёз оркестр из Кишинёва». Такое приятное было попечение.

«Дорогà в очах Господних смерть святых Его!» (Пс. 115, 6). Да, дорогà. Но, милые, это не какая-то безысходность, потому что преемственность остаётся! Братство остаётся! Остаются родные, сыновья...

«Дорогà в очах Господних смерть святых Его!». Эту оценку даст Господь, не люди! Они могут ошибиться, а Господь не ошибается.

Напомню полустишие из 111 Псалма, 6 стих. «...В вечной памяти будет праведник». Если люди забудут или неправильно оценят, Господь не забудет. Да прославится имя святого триединого Бога, Отца, Сына и Духа Святого.

Будем помнить наших наставников, которые проповедовали нам слово Божье, и теперь уже, взирая на кончину, будем подражать вере их. Сегодня торжество прощания, и вчерашний день, он санкционирован. Потому что мы имеем право подражать вере ушедших в вечность (Евр. 13, 7). Да, он уже в вечности. Мы делали всё, чтобы подражать его вере и вспомнить его путь, его хождение. Да благословит нас Господь.

Нет он не умер!

Нас снова постигло огромное горе –
Покинул строй верных любимый брат Хорев.
Нет, нет он не умер, все в Божьем народе
Вам скажут: «Такие на небо уходят».

И здесь, на земле, жить они будут вечно,
Деяньям их место – в скрижалях сердечных.
О них вспоминать будут верные долго,
Учась исполненью священного долга.

Настали для верных прощанья минуты.
Торопятся старцы уйти почему-то.
В юдоли земной им, наверное, тесно,
Их дух рвётся к Богу, к лазури небесной,

Где слов осужденья сказать не посмеют
Противники Бога, земные пигмеи.

Процесс издевательств пигмеев окончен –
Земному страданью поставлена точка.

В обителях неба наш брат водворится,
Он рвался к нему как библейская птица,
Полёта прервать не смогли лицемеры,
Явил брат наш подвигов веры примеры.

Деяньям оценку даст Бог, а не люди,
И эта оценка высокою будет.
А в час восхищения Церкви Христовой
С глашатаем истины встретятся снова

Все те, кто служили Творцу непрестанно,
Воскликнув Христу: «Аллилуйя! Осанна!»
Пока же, прощаясь у края могилы,
Скорбим о тебе, наш наставник, брат милый!

В воскресных служеньях, а также средь буден
Мы память хранить о тебе свято будем.

«Мужи благочестивые восхищаются от земли»

Дорогие родственники Михаила Ивановича, дети, внуки! У некролога по поводу смерти дорогого служителя братства и вашего дедушки прекрасный заголовок: «Праведник восхищается от зла». На прощальном служении неоднократно подчёркивалось: «Мы сегодня прощаемся с праведником». Это верно и справедливо.

«Праведник умирает, и никто не принимает этого к сердцу; и мужи благочестивые восхищаются от земли, и никто не помыслит, что праведник восхищается от зла». Эти слова принадлежат перу пророка Исаии (57, 1).

Слово «восхищается» содержит элемент неожиданности. Когда из жизни внезапно уходит близкий, люди впадают в глубокий шок. Столько сокрушения, столько искреннего сожаления: опоздали оказать милость, не успели проявить внимание родному, и эту утрату уже ничем не восполнить. Поздно.

Когда пророк Исаия писал эти скорбные слова, избранный Божий народ занимался мерзким идолопоклонством и этим оскорблял Бога. И Господь находил нужным потрясать общество отвратившихся от Него людей. Он неожиданно восхищал из их среды праведника — может, они задумаются и перестанут глумиться над Богом, но у оставивших страх Божий реакции — никакой. Никто даже не помыслил, что Бог восхитил праведника от зла. Ни в одном сердце нет должной реакции: почему Бог взял праведника? — «Умер? Значит, пришло время... Когда-то и все умрут...»

Мы не можем сказать, что Михаил Иванович ушёл от нас вдруг. Мы молились, чтобы Господь сократил дни его страданий, и он ушёл в свой час. Но всё равно — в сердце боль.

Михаил Иванович был действительно благословенный, непохожий на других проповедник. Его манере доступно и образно изъяснять духовные истины невозможно подражать, она принадлежит лишь ему — таким необыкновенным даром наделил его Господь. Хотя собственноручно он не написал ни одной статьи, за исключением эпистолярного цикла «Пишу вам, дети».

Например, в дерзновенной статье «Святое неповиновение» («Вестник истины» 1978, №1, с. 17) Михаил Иванович с присущей ему откровенностью назвал Законодательство о религиозных культах от 1929 г. «истуканом XX века, которому кланяются многие христиане». Её опубликование стоило ему двух суровых приговоров и ужесточение режима содержания в Омском лагере.

Эта проповедь приобрела форму статьи следующим образом: Михаил Иванович посетил сотрудников на одной из ленинградских квартир и попросил выслушать его. Чувствовалось, что мысли, излагаемые для его будущей статьи, он выносил и желал, чтобы они стали достоянием народа Господнего.

Он проповедовал, но не так, как на обычном богослужении, а с остановками и повторами. Глядя в глаза, он пытался понять: усвоили ли сотрудники судьбоносную суть его ответственной проповеди? А в руках у сотрудников — блокнот и обыкновенная шариковая ручка... (По тем временам магнитофон был величайшей редкостью.)

Так в те далёкие годы рождались бесценные статьи многострадального служителя. Подражая примеру бесстрашных ветхозаветных юношей, Михаил Иванович как истинный пастырь заступался за простой народ, принимая основной удар на себя.

Дорогие внуки! Какой отклик в вашем сердце вызвала смерть дедушки? Какие струны души затронула? Ведь ушёл нежно любящий вас человек, который последние годы жизни, совершая служение, не ходил, а носил себя на руках — так глубока была немощь его плоти. Какие большие расстояния он преодолевал и какие сложные обстоятельства превозмогал, безмерно любя Господа и дело служения! Нам, имеющим здоровые ноги и руки стыдно, что мы так медлительны и тяжелы на подъём. До нас никак не доходит, что Церковь ждёт нашего деятельного участия в служении Богу.

Михаил Иванович всецело был отдан Богу. Даже физическая боль не мешала ему прилежно исполнять порученное Богом служение. Слово Господне повелевает: «Идите и проповедуйте». Он не мог идти. Он нёс себя, а это весьма трудно, но любовь к Богу превозмогала боль.

Приятно, конечно, видеть на фотографиях сына Ивана Михайловича, Мишу, среди тружеников в Алтайском крае и других местах. Как бы хотелось, чтобы все внуки посвятили жизнь служению Богу. Прощаясь с дедушкой, скажите в душе: «Господи, возьми нас в Свою власть, в Своё благословенное распоряжение». И да благословит вас Господь, уже повзрослевших, отдаться жертвенному служению. А кто ещё не каялся, помилуй вас Бог, услышать Его призывный голос.

Б. Л.

Верующий во Христа, если и умрёт, оживёт!

Благодарю Бога за возможность быть на прощальном богослужении и проводить в последний путь дорогого брата и служителя Михаила Ивановича. Когда он находился в узах и ему продлили срок без выхода на свободу, чтобы воспроизвести в Кишинёвской церкви «киевский эксперимент», Господь дал мне милость подставить плечо и принять непосредственное участие в разрешении этого вопроса. Я очень благодарен Богу, что Он помог одержать победу и церковь осталась на верном пути.

В Книге Иова, а она весьма древняя, сказано: «Когда умрет человек, то будет ли он опять жить?» (14, 14) Вопрос серьезный.

Хорошо, если стоящие здесь могут с уверенностью ответить: «Да, несомненно, будет жить!» Об этом свидетельствует Писание. Христос часто посещал дом Марфы и Марии и Лазаря, который умер в Его отсутствие. Опечаленные сёстры послали сообщить об этом Христу: «Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» (Иоан. 11, 21). Иисус ответил Марфе: «Воскреснет брат твой». «Знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день», — ответила она. Христос сказал: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет». Почему Он так ответил? Потому что Христос получил власть воскрешать, о чём Он засвидетельствовал: «Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Иоан. 6, 40).

Михаил Иванович, присутствуя на похоронах Василия Феодосиевича Рыжука, сказал его скорбящей жене: «Людмила Ивановна, воскреснет муж твой!» Эти короткие слова утешили её.

Михаил Иванович очень хотел, чтобы каждый помнил о воскресении Христа в трудные моменты жизни и когда мир стремится уничтожить дорогое братство, уповали на Бога, и Он вступится за Своё наследие. Прочту в утешение: «Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним... Итак утешайте друг друга сими словами» (1 Фес. 4: 13—14, 18). Христос воскрес! С этим пожеланием от Господа мы совершим молитву и приступим к тому, чтобы предать тело погребению.

В. В. Москалец

«Слова благие, слова утешительные»

Зах. 1, 13

Уважаемая, милая семья Хоревых!

Скорбит сердце моё по случаю критического состояния здоровья Михаила Ивановича и смертельного исхода. Вся моя семья до слёз тронута этим сообщением. Михаил Иванович оставил глубокие, незабываемые следы в моей жизни, в семье, а также в работе нашей миссии прошлых лет. Эту утрату невозможно передать словами. Михаил Иванович был больше, нежели служитель Совета церквей, труженик. Он — отец многим верующим.

Он формировал и мою духовную жизнь. Его отцовское отношение к нашей семье оставило наилучшие воспоминания. Он останется любимым дядей Мишей в сердце наших детей.

Я рад, что мне довелось потрудиться с Михаилом Ивановичем определённый отрезок времени как в союзе, так и на Западе в трудные годы гонений. Разум просто не вмещает столь великую утрату. Михаил Иванович был мне очень близок в критические моменты советом и утешением. В промежутках между узами он находил тёплые слова утешения и окрылял нас в нашей работе в миссии. Многим мы обязаны Михаилу Ивановичу.

Да поможет вам Господь совместно с церковью осилить эту большую утрату. Ваш отец течение совершил, веру сохранил. Храни вас Всевышний!

Ваш наименьший скорбящий об отце и благословляющий вас брат **Герман Корт.**

«Скажите праведнику, что благо ему: ибо он будет вкушать плоды дел своих» Ис. 3, 10

Окончание жизненного пути верного Божьего служителя, члена Совета церквей МСЦ ЕХБ Хорева Михаила Ивановича, — невосполнимая утрата для нашего братства. Михаил Иванович яркая и известная личность в христианской среде. Он горячо любил Господа и церковь. Всегда с огромной радостью посещал большие и малые церкви и группы, утверждая Божий народ неизменно следовать за Господом и хранить верность однажды избранному пути. Он был желанным в каждой церкви и в каждой семье, неожиданно приезжая в самое нужное для церкви время. Он любил всех христиан и его любили все любящие Господа.

На первом судебном процессе судья спросил Михаила Ивановича, в каких городах он бывал. На что он ответил: «Мне легче назвать города, где я не был».

Я познакомился с ним около 50 лет назад, в ранней юности (17 лет), и он оказал на меня доброе влияние. Это был период становления моей личности как христианина. Я благодарен Богу за возможность сотрудничать с ним и считаю его своим наставником. Это был смелый и неутомимый труженик, воплощавший в жизнь многие серьёзные решения братства. Ему поручали самые важные виды служения. Он имел заслуженный авторитет среди христиан и при этом был скромен и прост в общении, в одинаковой мере доступен и взрослым, и детям.

Я жил в Донецке. В наши края Михаил Иванович вёз из Ленинграда бумагу для печатания братских посланий на гектографе. Груз был немалый, около 150 кг. В Харцызске на вокзале его никто не встретил, и под пристальные взгляды постовых милиционеров он сдал бумагу в камеру хранения, а затем пошёл на богослужение. Встретившись с братьями, он рассказал о происшедшем. Все единодушно советовали ему уезжать, оставив бумагу в камере хранения. Он не согласился и, несмотря на риск быть арестованным, пошёл получать бумагу. На вокзале узнал, что сотрудники КГБ бумагу конфисковали и что её можно получить в областном управлении КГБ. Он приехал в Донецк в нашу семью и спросил: «Можно ли в вашем доме положить бумагу, если мне её вернут?» Мой отец согласился. Тогда Михаил Иванович попросил: «Позвольте взять с собой вашего сына, чтобы я не один шёл в КГБ.» Отец не возражал.

Мне было очень приятно исполнять такое важное дело с ответственным служителем братства. Помолившись, мы подошли к большому серому зданию. Михаила Ивановича впустили, а меня нет. Я ожидал его три часа и усердно молился Господу, чтобы его не арестовали.

Из подъезда он вышел улыбающийся: «Пойдём выносить бумагу!» Я зашёл с ним, но дежурный остановил: «Подождите внизу», а сверху по лестнице уже спускались сотрудники КГБ с тяжелыми пачками бумаги, удивляясь, как Михаил Иванович один справлялся с такой ношей.

Расскажу ещё об одном из множества эпизодов его мужественного служения. Он приехал со служителем Совета церквей в Московскую церковь на богослужение. Это было время сильных гонений на верующих в Москве. Мы подъехали к дому, а он оцеплен милиции. Мы вышли из машины и направились к дому.

Служитель, приехавший с ним, напомнил: «Мы ведь на нелегальном положении, нас могут арестовать».

Михаил Иванович ответил: «У нас с тобой был выбор — идти или не идти на богослужение. Мы решили идти, и пойдём, поскольку не можем звать верующих на путь, по которому сами не готовы идти, а за последствия отвечает Господь».

Милиция расступилась, и мы вошли сначала во двор, а потом и в дом. Собрание длилось около трёх часов. Церковь ободрилась участием братьев в служении. После собрания милицейское оцепление неожиданно сняли. Мы поблагодарили Господа и спокойно разъехались. Мне надолго запомнился этот яркий пример мужества.

Всем нам очень будет недоставать его присутствия, его посещений и его жизнерадостного упования. Память о нём сохранится в нашем сердце. Верим, что Господь восполнит и эту утрату Божьего народа и пошлёт нам встречу с ним у Белого престола.

С искренней любовью и молитвой — семья Наприенко.

Прервалась земная жизнь любимого служителя— Михаила Ивановича Хорева... От нас уходят не просто яркие личности, одарённые проповедники, заботливые пастыри, любящие отцы семейства. Мы расстаёмся с теми, кого Бог удостоил великой миссии — быть созидателями единственной в своём роде духовной реформации XX столетия, совершившейся в нашей стране.

Начало прошлого века ознаменовалось страшным событием: безбожие провозгласили государственной религией и называющие себя Божьими слугами подвизались в услужение атеизму. Чтобы совершить избавление, Бог искал среди множества праздных, ленивых, равнодушных, самодовольных, беспечных — беспокойные сердца, ревнующие о Его славе, об успехе Его дела. Благодарение Богу! Он нашёл для Своего дела чутких сердцем сподвижников. Среди них — Михаил Иванович Хорев. Ревность по доме Божьем делала его тружеником нивы Господней, не знающим покоя с молодых лет. Именно поэтому и никак не случайно Бог дал ему право присутствовать на совещании Инициативной группы в канун посещения ею ВСЕХБ 13 августа 1961 года. Избранные в Узловской церкви братья Инициативной группы впервые пригласили в подмосковную Десну на своё совещание служителей из разных церквей страны, чтобы поставить их в известность о намечаемом деле. На следующий день в воскресенье 13 августа 1961 года Крючков и Прокофьев пошли зачитать работникам ВСЕХБ своё Послание, а Михаил Иванович сопровождал братьев и ожидал на Покровском бульваре их возвращения.

Совещание Оргкомитета 1965 г.: **1.** Г. К. Крючков **2.** И. Я. Антонов **3.** С. Т. Голев **4.** Н. Г. Батурин **5.** Д. В. Миняков **6.** П. Ф. Захаров **7.** Хорев М. И.

Нет, не беспричинно участие дорогого служителя в этом судьбоносном событии! Более 50 лет назад Бог занёс меч над надменным монстром — богоборческим мировым правлением. С той минуты часы неумолимо отсчитывали время его кончины. И всё потому, что Господь нашёл в нашей стране готовые сосуды, ревнующие о поруганной славе Христа. Это были молодые Гедеоны наших дней, которых Всевышний послал в неравную брань: «Иди с этою силою твоею, и спаси Израиля... Я посылаю тебя (Суд. 6, 14). Возлюбивших Господа и Церковь больше самой жизни, Бог удостоил стать Его избранными служителями, которые заступились за церковь в атеистической сверхдержаве! Бог сподобил их быть созидателями исторической реформации XX века! Реформации удивительной, которой христианская история не знает со дней императора Константина.

Известно, что после непрекращающихся 300-летних гонений на первых христиан, сатана переменил тактику с рыкающего льва на хитрого змея: мир стал покровительствовать христианам и в итоге церковь подчинилась мирской власти. А теперь искупленные Господом полны удивления: после многовекового порабощения, когда все официальные церкви по всему миру проводили жизнь в тесном единстве с государством, — не где-нибудь, а там, где сатана поставил свой престол, прозвучал мощный призыв сбросить ярмо рабства миру и, освятившись, полностью отдаться во власть Христа!

«Только Христос для нас Царь и Владыка! В вопросах веры мы будем покорны Ему одному!» — этот призыв не только прозвучал, но и воплотился в жизнь как основополагающий принцип, неукоснительно соблюдаемый на протяжении полувека! А это уже эпоха. Сегодня мы говорим: «До скорой встречи!» одному из тех последних, через кого Бог вершил эту эпоху.

Л. С.

Дорогая Вера Георгиевна!

Самое сердечное соболезнование выражает Вам семья И. И. Левен. Пишу и плачу (дочь Аня)... Поистине Вы прошли благословенный, но очень трудный путь и вместе, и в одиночку. А теперь для одного на земле всё закончилось, для другого – ещё тяжелее. Почти всю жизнь быть вдовой при живом муже, а теперь по-настоящему... И если бы не Господь, можно обидеться на судьбу. Но знаем, Вы никогда не пожалеете, что и семейная жизнь вся была посвящена Богу. Он и утешит, и согреет сердце добрыми воспоминаниями!

Он поприще свое свершил и, сбросив тленную одежду,
Ушел к Тому, Кому служил с любовью, верой и надеждой.

«Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, и вы будете утешены...» (Ис. 66, 13) Верим, что Господь восполнит и эту утрату Божьего народа и пошлёт нам встречу с ним у Белого престола.

С любовью и участием семья **Левен, Миролюбовка, Омская обл.**

Дорогие друзья: Вера Георгиевна, дети, внуки, церковь! Примите наши искренние соболезнования. «Да услышит тебя Господь в день печали... Да пошлёт тебе помощь из святилища...» (Пс. 19, 2—3).

Скорбим вместе с вами. Ушёл от нас, ещё один верный воин Господа. Кто заменит его на поле брани? Да восполнит наш Отец Небесный эту утрату!

Дорогая сестричка Вера Георгиевна! У вас было немало кратких и долгих, полных неизвестности разлук, с любимым мужем Михаилом Ивановичем, но эта — последняя разлука. И она полна надежды и утешения на скорую встречу у Белого престола! А Михаил Иванович — в безопасности и в надёжных, любящих руках! «Ибо ещё немного, очень немного, и Грядущий придёт и не умедлит» (Евр. 10, 37).

Помним, молимся о вас. **С любовью — семья Миллер Олег, Элла и мама Эрна.**

Соболезнования

От объединений МСЦ ЕХБ
Московско-Приволжское,
Ставропольское
Уральское
Братья совета Средней Азии

От местных церквей МСЦ ЕХБ:
п. Алоя, Латвия (от цыган)
г. Армавир, Краснод. кр.
с. Артеморястовка, Украина
г. Ахтырка, Украина
г. Баку, Азербайджан
г. Барнаул, Сибирь
г. Белая Церковь, Украина
г. Белореченск, Кавказ
г. Биробиджан, Д. Восток
г. Благовещенск, Д. Восток
г. Брянск, Бежицкая церковь
г. Ванино, Хабаров. край
г. Великий Новгород
г. Волгоград
г. Воркута
г. Гродно, Беларусь
г. Гурьевск, Сибирь
г. Димитровград, Ульянов. обл.
г. Железногорск, Курская обл.
г. Искитим, Сибирь
п. Каменское, Камчатка
г. Камень-на-Оби
ст. Каневская, Краснодар. кр.
г. Канск, Сибирь
г. Кемерово, Сибирь
г. Киверцы, Украина
г. Киселёвск, Сибирь
г. Кисловодск
г. Ковель, Украина
г. Кодинск, Краснояр. кр.
г. Комсомольск-на-Амуре
г. Красновишерск, Перм. край
г. Красноуфимск, Сверд. обл.
г. Куйбышев, Новосиб. обл.
г. Кулунда, Сибирь
г. Лимбажи, Латвия
г. Магадан
г. Магнитогорск
г. Майкоп, Адыгея
п. Манилы, Камчатка
с. Мильково, Камчатка
г. Москва, Царицыно
г. Мукачево, Закарпатье
г. Мурманск
г. Мыски, Сибирь
г. Нарьян-Мар
г. Нижневартовск
г. Нижний Ломов, Пензен. обл.
г. Новокузнецк, Ильинская цер.
г. Новокузнецк, Байдаевка
г. Окуловка, Новгород. обл.
г. Осинники, Сибирь
п. Парень, Камчатка
г. Певек, Чукотка
г. Петропавловск-Камчатский
г. Рига, Латвия
пгт. Ровеньки, Белгород. обл.
г. Ростов-на-Дону
г. Рустави, Грузия
г. Саратов
г. Семенов, Нижегород. обл.
г. Славгород, Алт. кр.
п. Слаутное, Камчатка
г. Сочи, п. Лазаревское
х. Старая Станица, Ростов. обл.
г. Сумгаит, Азербайджан
г. Тараз, Казахстан
г. Ташкент, Узбекистан
г. Тбилиси, Грузия
г. Тростянец, Украина
г. Туапсе, Краснодар. кр.
с. Тюхтет, Краснояр. кр.
г. Херсон, Украина
г. Чебоксары
г. Челябинск
г. Черкесск
г. Чернигов, Украина

От церквей объединений:
Азербайджана
Благовещенского р-на, Алт. кр.
Дагестана
Омской области
Приморского края
Павлодарской обл.

От семей
Бяковы, Азербайджан
Вайнберг, Германия
Дурмановы, г. Севастополь (Украина)
Елымановы, г. Севастополь
Климовы, Голицыно, Москов. обл.
Левен И. И., Миролюбовка, Омская обл.
Миллер, Германия
Миняковы, Эстония
Охотины Давид и Юля, США
Охотины Даниил и Татьяна, США
Охотина Лариса, г. Чикаго, США
Петрусевич Влад, Канада
Попович, Закарпатье
Ткаченко, Украина
Хмара

Личные соболезнования:
Агеев Михаил
Антонюк Н. С., г. Тимашевск
Бибен Михаил, Закарпатье
Больдт Андрей, Германия
братья и сестры Павлодар. обл.
Вальдемар Шульде, Германия
Вальтер Павел
Везиков Павел, Эстония
Виктор Фаст, Германия
Вильчинская Зинаида, США
Гараджа Павел
Герман Корт, Германия
Гончаров С., США
Дик Элла, Германия
Донченко Люба, Украина
Елена Панич, Украина
Еременко В., Молдавия
Йоханес Дик, Германия
Катя, Мыски, Сибирь
Коларькова Лидия, г. Пенза
Колгарев Игорь, Москва
Ляшенко Павел, США
Майкл Бордо, Оксфорд, Англия
Меркулов Павел, В.-Новгород
Миняков Владимир, США
Надежда Литвин-Налобина
Наприенко В. Е., г. Москва
Орлов И. В., Азербайджан
Павел Вальтер, Канада
Павел, Екатеринбург
Пётр Фот, Германия
Попов Владимир
Пушкарь Семен, Украина
Пушков Е. Н., Украина
Редин Дмитрий, г. Брянск
Руденко Люба, США
Румачик П., г. Дедовск, Москов. обл.
Савченко Андрей, США
Свифт Эльза, Англия
Соловьев Ю.
Стрелков В., г. Железногорск
Тараненко Даниил, Москва
Тома и Эльза, Англия
Хлебников А., Москва
Цатурян Лиана, Туркмения
Чепуренко Алла, г. Кишинёв
Эвальд Гауф, Германия
Эверт Эдуард
Эстер Шеффер, Канада
Юдинцев Петр, Москва
Яков Левен, Германия и другие...

Соболезнования из-за рубежа
Манитоба, Канада
Миннеаполис, США
Питтсбург, США
Портланд, США
Сакраменто, США
Тонгерен, Бельгия
Хеннеф-Брёль, Германия
Миссии:
Русская Евангельская Миссия
В. А. Охотина, США
Финская Народная Миссия «Фриденсштимме»
Христианская Миссия «Голос Мира», США
Объединение Церквей ЕХБ Германии
Сотрудники радио "Голос Мира"

КРАТКИЕ ЗАПИСИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА над благовестником Совета церквей Михаилом Ивановичем Хоревым

Москва, 1966 год

В зал суда ввели подсудимого Хорева Михаила Ивановича (1931 г.р., уроженец Ленинграда, образование 7 кл., судим впервые, женат, трое детей. С 1948 г. инвалид II-й группы по зрению. Проживает в Кишинёве, Минская, д. 28, кв. 30).

Судья *(к Хореву)***:** Какие у вас просьбы к суду?

Хорев: Желаю защищаться сам.

Просьбу подсудимого удовлетворили. Судья зачитал обвинительное заключение: Хорев М. И. обвиняется по 142 ст. ч. 1 и 2 УК РСФСР.

Судья: Вы поняли, в чём вас обвиняют?

Хорев: Понял, но виновным себя не признаю.

Судья: Что вы можете показать по делу?

Хорев: С этим обвинением, не опуская глаз, я смело могу стоять не только на этом суде, но и перед судом Бога. Оно является моей честью. Мне ставится в вину участие в четырёх общениях. Как только я уверовал в 1949 году, каждый день моей жизни был днём служения Господу. Я действительно являюсь благовестником Совета церквей. Верно сказано в обвинении, что я был «рьяным», т. е. ревностным проповедником учения Христова, но я никогда не нарушал советские законы и общественный порядок.

Судья: Вы принимали участие в работе Совета церквей?

Хорев: С 1961 года и вплоть до ареста. Нашу деятельность я не считаю подпольной. Совет церквей неоднократно писал заявления и лично встречался с властями.

Судья: Расскажите о событии 1 августа 1965 года.

Хорев: В тот день совершалось крещение в небольшой речке. У меня остались самые светлые впечатления о нём. Берег речки — крутой, и пляжа, о котором говорится в обвинении никакого там нет.

5 сентября 1965 года было общение в Киеве. Его называют молодёжным, но там присутствовали и пожилые. Но пусть будет «молодёжное» — это звучит неплохо. Меня обвиняют в его организации. Я не против такое общение организовать, но это не организовывал.

В обвинительном заключении сказано, что на этом общении много говорили о неподчинении властям. Этого не было. Юношу, недавно вернувшегося из заключения (ранее его осудили за проповедь Евангелия), реабилитировали и на том общении он говорил, что пребывание в лагере не сломило его веры, и он готов продолжать служение Господу с большей ревностью.

Судья: Расскажите о событии 1—2 мая 1966 года в городе Горьком в доме В. И. Юдинцева.

Хорев: На этом богослужении было очень много народу. Мне предложили руководить собранием, и я руководил. Следователь упорно доказывал, что я был организатором. Я отказываюсь, не потому что боюсь ответственности, а потому что не организовывал.

Меня обвиняют, что я призывал родителей воспитывать детей в религиозном духе. Да, призывал! Это не противоречит ни нашему убеждению, ни советским законам. Мы в праве воспитывать своих детей в том убеждении, какое имеем сами.

Меня пригласили на общение в город Йокшкар-Олу, и когда предложили руководить, я руководил, но не организовывал его.

Судья: Вы собрались в доме для богослужений?

Хорев: Там нет специального дома для богослужений.

Судья: В Йокшар-Оле есть зарегистрированная община, а вы собрались на квартире. С 1961 года вы являетесь членом незарегистрированной общины. Государство требует зарегистрироваться.

Хорев: Местные власти отказывают в этом. С 1961 года с трехсот молитвенных домов сняли регистрацию, и верующие вынуждены собираться в частных домах и квартирах, за что их преследуют. Что же остаётся делать?

Судья: Соблюдать закон.

Хорев: Оставалось или не собираться, или идти в тюрьму.

Судья: В «Братском листке» № 7 есть призывы к безбоязненной и решительной борьбе. Вы наталкиваете рядовых членов на неисполнение законодательства о культах. Вы приветствовали юношу, нарушившего советские законы! Он не изменил своих взглядов даже после заключения.

Хорев: Прошу зачитать «Братский листок» № 7.

Судья: Если суд найдёт нужным. Вы, будучи благовестником, занимались доставкой бумаги, распространением литературы. Это входило в функции благовестника?

Хорев: Это не является моей обязанностью. Я делал это по пути. Религиозную литературу распространяют верующие, в том числе и я.

Судья: Исполнение религиозных церемоний в общественных местах является нарушением общественного порядка. В Йошкар-Оле и устроили богослужение. Но ведь этот город является политическим, административным и культурным центром?!

Хорев: И религиозным!

Прокурор: Вам известно, что проводить религиозные церемонии можно в специально установленных местах?

Хорев: Можно проповедовать везде! Я готов проповедовать и за колючей проволокой!

Судья: Что послужило поводом к разделению между верующими?

Хорев: О внутрицерковной жизни не намерен говорить в зале суда.

Прокурор: Вам разъясняли мартовский Указ 1966 года?

Хорев: Да, разъясняли.

Прокурор: Почему же вы его нарушали?

Хорев: Гражданин прокурор, вы берёте урывки из закона и преподносите их в искажённом виде.

Прокурор: Скажите, в каких городах вы были?

Хорев: Мне легче назвать города, где я не был.

Прокурор: Почему собрания, пение, игра на музыкальных инструментах проводятся не в молитвенных домах?

Хорев: Их отнимают у верующих.

Прокурор: Для какой цели вы возили бумагу?

Хорев: Для печати.

Прокурор: При обыске у вас нашли канцелярские скрепки. Для чего они?

Хорев: Разве вы не знаете? Чтоб листочки скреплять!

Прокурор: Вы ездили по заданию Совета церквей или по своей инициативе?

Хорев: И то, и другое верно.

Эксперт *(Хореву)***:** Скажите, подсудимый, где вы получили культовое образование?

Хорев: У ног Христа с Евангелием в руках.

Эксперт: Может быть, вы сделали преступление по недостаточности образования, не понимая политику партии и правительства?

Хорев: Всё делал сознательно и хорошо понимал!

Эксперт: В ваших документах вы писали, что партия и правительство решили в ближайшее время покончить с религией. Это культовое положение или политическое?

Хорев: Политического ничего нет. Мы разъясняли верующим действительное положение народа Божьего в нашей стране. Я могу привести много фактов, где в дела церкви было прямое вмешательство не только властей, но и работников КГБ.

Эксперт *(зачитывает выдержку из документов СЦ ЕХБ)***:** «Если законы нашей страны запретят веру в Бога, то верующие пойдут в катакомбы, на костры, на съедение зверям, но останутся верны своему Господу».

Хорев: Это призыв к верующим самоотверженно служить Господу, невзирая на обстоятельства.

Эксперт: В СССР очень много вероучений. Кому же из них государство должно отдавать предпочтение?

Хорев: По закону все должны быть равны... Меня арестовали в здании ЦК КПСС... Заведующий ЦК Строганов сказал мне: «Мы не допустим, чтобы в церкви делалось так, как вы хотите, а будет так, как мы хотим». Но мы не допустим, чтобы внутрицерковные вопросы решали атеисты.

Эксперт: Советское государство требует соблюдать нормы культа. Собрания должны проходить в определённых местах.

Хорев: Я сохраняю верность Господу и церкви.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

Свидетель Хорева Вера Георгиевна *(жена подсудимого, образование высшее, работает врачом-лаборантом)*

Судья: Вы состоите в той секте, где и муж?

Свидетель: Да, в той же церкви.

Судья: Вы присутствовали на собраниях, где был муж?

Свидетель: Где могла, присутствовала.

Прокурор: Где вы присутствовали, адрес скажите?

Свидетель: Адресов не запоминаю.

Судья: На собрании присутствовали дети?

Свидетель: Я прихожу слушать, а не наблюдать.

Прокурор: Подсудимый в проповедях призывал не подчинятся власти и отделиться от ВСЕХБ?

Свидетель: Его проповеди были религиозного характера, и призывов к неподчинению власти в них не было.

Свидетель Димерташ *(Киев, неверующий)*

Судья: Подсудимого знаете?

Свидетель: Видел 5 сентября. Я с друзьями собирал грибы в лесу. Услышав пение, подошел к месту, где было много людей. Там висели религиозные тексты с призывом к объединению школы и церкви. Меня поразил факт, что дети стояли в кругу с десяти утра и до четырёх дня не евши, не пивши. Как матери могут смотреть на это равнодушно? Там были представители из разных городов. Девушка из Ташкента рассказывала стихотворение. Смысл вроде и неплохой: призыв к миру, к братству, — но все сводилось к тому, чтобы не брать в руки оружие. Это очень возмутительно. Слушатели настаивали применить к верующим административные меры.

Прокурор: Вы слушали проповедь?

Свидетель: Содержание проповеди подсудимого не помню, она не вяжется с моими взглядами.

Хорев: Вы сказали, что тексты призывали к соединению школы с церковью. Я процитирую три текста, который из них говорит об этом?

Судья: Если вам суд предоставит право! Скажите только, был такой текст или нет?

Хорев: Нет.

Свидетель Ковалев И. М., *(Киев)*
(лектор-атеист, спровоцировавший в 1965 г. покушение на жизнь верующего Задорожного С., отца семерых детей)

Свидетель: Подсудимого видел один раз. С 1964 по 1966 годы регулярно посещаю собрания раскольников-баптистов. Что говорил подсудимый, не запомнил. Они стараются ввести в заблуждение людей, разжигают фанатизм и яростно выступают против советских законов.

Судья: Говорили ли они на собраниях, что не нужно подчиняться советскому законодательству о культах?

Свидетель: Они говорят, что советские законы преследуют верующих. Требуют регистрации: «Вы нас зарегистрируйте, а мы будем делать, что захотим». Есть у них Устав, он сформулирован не четко. В нём не сказано, что нужно исполнять советское законодательство.

Свидетель Куршаков С. Н. *(неверующий)*

Судья: Что вы знаете по делу и каких событий были

очевидцем? Подсудимого знаете?

Свидетель: Инициативная группа баптистов города Горького проводила в доме Юдинцева межобластную конференцию 1—2 мая, когда все демонстрировали свою мощь и силу. Меня возмутило: несколько сот собрались вопреки закону, без регистрации! Хорев знал законодательство, но не остановил эту конференцию, а руководил ею. Я, как преподаватель и атеистический работник, возмущаюсь массовым привлечением детей. Я сам присутствовал на собрании, где было более двадцати детей школьного возраста. В школе их учат одному, а там отравляют сознание. У них — хоровое пение, декламации, струнный оркестр — это целая система нарушений советского законодательства! У нас в стране нет преследований.

Проповеди проникнуты мистицизмом. Они издают и распространяют литературу нелегальным путём.

Свидетель Додыгин *(неверующий, г. Горький)*

Свидетель: Подсудимого видел первого мая, сейчас вижу второй раз. Мы с другом пошли на собрание к баптистам посмотреть. Встретили нас любезно, чин чином. Собралось их около трехсот человек. Карев там главарь.

Судья: Не Карев, а Хорев.

Свидетель: Он руководил, говорил проповедь. Регент руководил струнным оркестром. Под оркестр они пели. Литературу не видел, не раздавали.

Прокурор: Вы помните проповеди подсудимого?

Свидетель: Их трудно запомнить, потому что они собственного сочинения, например о ласточках, которые перелетают на небеса, и другие.

Судья: А деловое, политическое было у них? Например, о нарушении и непризнании советского законодательства?

Свидетель: Нет, этого не было, а в литературе — сквозит.

Судья: Вы разъясняли верующим советские законы?

Свидетель: Перед верующими всех вероисповеданий я неизменно разъясняю законы. В доме Коробкова разъяснял 4 часа 15 мин, а Юдинцев мне сказал: «Мы встретимся с вами на Божьем суде, где я буду на вас свидетельствовать». Они вожаки умные, грамотные, 16 мая увлекли 12 человек.

Судья: Подсудимый, вы выступали на собраниях с призывом оказать материальную помощь Совету церквей?

Хорев: Нет.

Судья: У вас изъята религиозная литература, записи, протоколы общего и инструктивного характера, религиозный календарь, тексты, отпечатанные на машинке, протокол Азиатского совещания. Это литература ваша?

Хорев: Лишь частично моя.

Прокурор: Подсудимый, кто избрал Совет церквей?

Хорев: Это внутрицерковный вопрос.

Судья: 14 мая 1966 года Совет по делам религий дал вам ответ. Известно ли вам о его получении?

Хорев: С 1961 года мы посылали заявления в правительство, и только за день до ареста получили ответ.

Прокурор: Почему, не дождавшись ответа, вы начали деятельность?

Хорев: Если бы мы начинали служение только после получения ответа, нам бы никогда не пришлось начать его.

Прокурор: Вы считаете, что мы неправильно поступаем, называя вашу деятельность незаконной?

Хорев: Да, неправильно.

Судья: Журнал за 1964 г. «Об освящении. Обращение ко всем служителям церкви», подписанный Советом церквей, вы распространяли?

Хорев: Все документы, подписанные Советом церквей, я распространял.

Судья *(прокурору)*: Имеется трудовая книжка подсудимого. Следует ли зачитать сведения о его награждениях и поощрениях?

Прокурор: В трудовой книжке не записывают взысканий, а поощрения могли записать по недостаточности знания человека. Считаю, нет необходимости зачитывать.

Мать Хорева *(из зала суда)*: У меня дома целая пачка благодарностей, похвал и грамот, написанных золотыми буквами!

РЕЧЬ ЭКСПЕРТА

Оргкомитет не внёс никаких изменений в секте, что бы отличало раскольников от баптистов регистрированных. Никаких новых догм. Это первое.

Второе: Хорев самоучка. Если бы он был достаточно осведомлён в политических, административных вопросах, то хорошо знал бы политику партии и понял, что своевольничать нельзя.

Если бы каждый исполнял свой культ, как заблагорассудится, что было бы? Все религиозные объединения выполняют свой культ по закону. Советское государство охраняет права верующих и запрещает в синагогах и в других религиозных учреждениях выступать с лекциями. Почему же баптисты навязывают свои взгляды людям?

Их религиозное течение заключает в себе глубокое, замкнутое направление. Деятельность других религиозных сект не требует такой конспирации. Это полностью подтверждает, что их исповедание носит не религиозный характер.

Рассмотрев материалы суда, показания свидетелей и систему работы Оргкомитета, экспертиза пришла к выводу, что деятельность Оргкомитета (ныне Совета церквей) — это борьба против советских законов. Советское государство регламентирует деятельность религиозных направлений. Дать свободу сектам — это значит дать возможность разжигать фанатизм!

Совет церквей разработал Устав, издавал и распространял «Братские листки». Это всё далеко переходит границы законов, в документах имеются прямые призывы к неисполнению законодательства о культах.

Хорев *(к эксперту)*: Я ознакомился с заключениями экспертизы. В одном из наших «Братских листков», сообщается, что более двухсот братьев томятся в лагерях и тюрьмах. Знакомы ли вы с документами, по которым эти братья впоследствии реабилитированы?

Эксперт: В обязанности экспертизы не входит рассматривать правовые вопросы. А вам никто не давал права заниматься судебной статистикой.

Далее огласили показания не явившихся свидетелей.

Свидетель Афиногенов *(Киев)*

Свидетель: 5 сентября 1965 г. я был в лесу. Туда прибыло много людей. Я понял: это — баптисты. Говорили один за другим, пел хор, выступали с религиозными стихотворениями. Один верующий сказал, что многие их братья томятся в застенках тюрем.

На собрании было много детей. Один мальчик выступил с просьбой помолиться о детях, потому что их притесняют в школах, не дают молиться. Он попросил верующих требовать, чтобы в школах преподавали религию. Ясно, что его так научили, сам он не мог этого сказать.

Потом один из руководителей спросил: «Хочет ли кто из детей вступить в секту?» Многие вышли на середину, их начали принимать в секту. Долго стояли на коленях и молились.

Особенно поразили дети. Они были вялые, болезненные, измученные, целый день не евши стояли на коленях. Я знаю, что там были приезжие из многих городов, был и Хорев. Он проводил приём в секту детей.

Судья: Подсудимый, правильно ли показал свидетель?

Хорев: Отчасти.

Судья: С чем вы не согласны?

Хорев: Мы никогда не ставим детей на колени даже в наказание. Преклонение колен у нас — великая святыня.

Судья: Говорили ли вы, чтобы детям в школе преподавали религию?

Хорев: Нет.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА

Товарищи судьи, в нашей стране существует секта евангельских христиан-баптистов с законным центром ВСЕХБ.

Несколько лет назад образовалась инициативная группа верующих, которая выступила против ВСЕХБ и повела верующих на борьбу за его смещение. Кроме корыстных целей, эта борьба преследовала и политические, о чём свидетельствуют лозунги, призывы к отмене советских законов, к отмене атеистического воспитания в школах и требования обучения детей религии в школах.

Эта группа не получила поддержки ВСЕХБ. Тогда они обратились к правительству, чтобы оно сменило ВСЕХБ. Но кому возглавить верующих государство решать не может. Провокационность Совета церквей в том, что они старались обмануть верующих и создать впечатление, что государство вмешивается во внутренние дела церкви.

Неоднократно органы власти разъясняли закон об отделении церкви от государства и школы от церкви. Но Совет церквей стал на путь открытой борьбы против политики Советского государства в отношении религии и призывал верующих не выполнять законодательство о культах. За его систематическое нарушение многие из руководителей СЦ ЕХБ привлекались к уголовной ответственности.

Нет никакого подтверждения, что Совет церквей избран верующими.

Говоря о движении, следует отделять главарей от рядовых верующих. Они, находясь в неведении и будучи малограмотны, оказывают поддержку Совету церквей, но в своё время они поймут авантюризм главарей и возвратятся в свои общины.

Товарищи судьи, свобода верующих не означает, что они не должны быть ничем ограничены, как и говорил эксперт, а должны проводить свои обряды в рамках закона.

Конечно, Совету церквей известно, что Декрет Ленина, постановления ВЦИК ограничивают деятельность верующих только религиозными обрядами.

Требование верующих права воспитывать детей в религиозном духе также противоречит интересам Советского государства.

В Советском государстве всем верующим даётся право исполнять религиозные обряды, но только после регистрации! В постановлении ВЦИК прямо подчеркивается, что недопустимо обеспечивать свободу исполнения религиозных культов тем, кто посягает на права граждан.

В дополнение к ст. 142 УК РСФСР разъясняется, что за распространение писем, листовок и организацию религиозных собраний нужно усилить ответственность.

Из материалов следует, что Хорев с 1961 по 1966 гг., будучи одним из организаторов, систематически нарушал законы, организовывал и проводил собрания. Это нашло подтверждение и в допросе подсудимого. Он сказал, что легче назвать места, где он не был и не проповедовал, чем где был. Сейчас подсудимый улыбается, а ему надо бы плакать. Показания свидетелей подтверждают, что Хорев привлекал детей, молодёжь. Обвинения по ст. 142 1 и 2 ч. нашли своё подтверждение. Прошу суд учесть поведение подсудимого в суде и его общественную опасность — разлагал детские души.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ХОРЕВА МИХАИЛА ИВАНОВИЧА

Я никогда не стал бы защищаться, чтобы выгородить себя, если бы речь шла только обо мне. Но так как речь идёт о деле, которое мне вверено церковью, я имею слово защиты.

Я действительно принимал активное участие в работе Совета церквей. Способностей особых не имел, но отдавал все силы, всё, что мог. К этому меня побуждала любовь к Господу и церкви.

Прокурор сказал, что я оставил работу, чтобы нажиться на копейках верующих, но это ничем не подтвердилось. В двух томах дела нигде не сказано, что я кого-то обобрал или отнимал добровольные пожертвования. Сказать, что меня побуждало к служению тщеславие — неверно. Если говорить о возвышении, то нужно было идти путём предательства, соглашательства. Но моя совесть не позволяла мне этого.

Сначала служения я знал, что мой путь лежит чрез скамью подсудимых, потому что верующие всегда гонимы.

Более подробно остановлюсь на документах Совета церквей, в распространении которых я принимал самое активное участие. Они составлялись на совещаниях Совета церквей и все были религиозного характера, основанные на Священном Писании. Были и информационные, в которых мы сообщали об узниках, осуждённых за Слово Божье, чтобы верующие молились о них, а также сообщали о том, как идёт дело Божье в общинах.

Меня обвиняют за общение 5 сентября 1965 года. Свидетель говорит, что оно якобы носило политический характер. Посторонним могло показаться, что верующие находятся в тюрьмах за преступление. Мы же знаем, что

друзья наши в узах за проповедь Евангелия. Церковь на каждом богослужении молится об узниках, и Господь слышит молитвы, и наши братья, отбыв сроки, были реабилитированы.

Вопрос о детях, я также не обойду молчанием. Свидетель заявил, что на общении в одном из текстов был призыв бороться за религию. Я дословно процитирую три текста, которые могли читать все присутствующие:

1. «Мы проповедуем Христа распятого».

2. «Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя».

3. «Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте».

Как видите, в этих текстах не содержится ничего политического.

Не соответствует действительности показание свидетеля, что на собрании в Киеве выступал мальчик с просьбой преподавать религию в школе.

Было так: мальчик, обратившись к родителям и присутствующим, сказал: «Четыре дня, как родители отправили детей в школу за приобретением знаний. Мы просим, помолитесь о всех детях, так как и мы имеем такие же бессмертные души, как и вы».

Что касается принятия в церковь детей, то этого не было. У нас принимают в церковь через водное крещение. А покаяния бывают в собраниях часто. И в этот раз девушка лет восемнадцати, обратившись к церкви, сказала: «Помолитесь обо мне, я хочу служить Господу». Пресвитер спросил: не желает ли кто ещё отдаться Господу? Желающих оказалось несколько десятков. Они вышли, и о них совершили молитву.

От воспитания детей мы никогда не откажемся. Благодарю Бога, что нет таких законов, которые запрещали бы верующим воспитывать своих детей, а если бы даже и были, то ради наших детей мы готовы жертвовать свободой и даже жизнью.

Дальше коснусь документов экспертизы. То, что мы молились об узниках, не нравится эксперту, и то, что по пятницам у нас пост и молитва о деле Божьем. Духовный материал «Об освящении» тоже не нравится ему, и он возмущается нашим понятием о грехе, но это, уважаемый эксперт, не должно бы вас волновать, вы же атеист.

Не нравится эксперту и письмо Совета церквей в Конституционную комиссию, где была выражена просьба верующих к правительству чётко сформулировать в вырабатываемой Конституции статью о свободе вероисповедания и другие пожелания. Каждый человек может вносить свои предложения в комиссию, а примут их во внимание или нет — другое дело.

Прокурор обвиняет, что мы, не дождавшись ответа от правительства, продолжали собираться. С 1961 года верующие обращались в правительство с просьбой зарегистрировать общины. Письма были не анонимные, но ответа мы не получали.

Утверждать, что мы просили правительство сместить ВСЕХБ, значит сознательно и грубо искажать смысл законных и справедливых просьб верующих. Единственно о чём мы просили правительство — это дать разрешение на съезд. Доказательством служат многочисленные заявления от местных общин и Совета церквей.

Почему мы собираемся в незарегистрированных помещениях? Потому что нам без всяких оснований отказывают в регистрации, а с общин, её имеющих, снимают. Приведу пример: в Барнауле в 1961 году...

Судья *(перебивая)***:** События 1961 года вам не вменяются в вину.

Хорев: Я касаюсь этого вопроса, потому что прокурор касался его. В Барнауле пресвитера Саблина отлучили верующие, но когда он обратился к властям, то те пришли в тот же день в молитвенный дом и потребовали восстановить Саблина. Когда верующие отказались, власти закрыли молитвенный дом.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ХОРЕВА МИХАИЛА ИВАНОВИЧА

Буду краток. Виновным себя не признаю ни в чём. Всё, что сделано мной, ни о чём не сожалею, и как служитель церкви совершенно спокойно готов отбывать срок. Просьб к суду не имею. Всё сложил у ног Христа!

Суд приговорил Михаила Ивановича Хорева к двум с половиной годам заключения с отбыванием в лагерях общего режима.

Когда брата вели к машине, друзья приветствовали его и бросали цветы, говорили пожелания: «Будь верен Господу! Совершай дело благовестия! Согревай холодные сердца!»

Веры цветение не затоптать!

Дверь захлопнулась в камеру
По решенью суда.
Сердце сжалось и замерло
Не на день, на года...

Но наградой по-прежнему
Из глухой темноты
И живые, и нежные
Всё летели цветы.

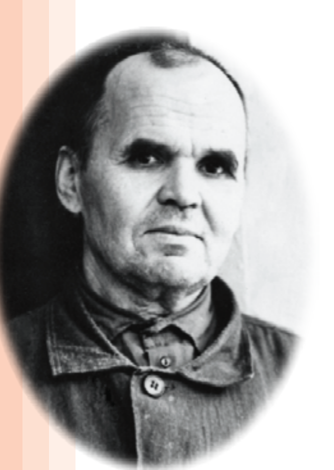
Их топтали озлобленно,
А его увели...
Но свободой изломанной
Они жили, цвели!

Прорастали в бессмертие
Сквозь запреты тюрьмы,
Становясь утверждением
В продолженьи борьбы.

И он знал без сомнения:
Нет той силы нигде,
Чтобы веры цветение
Затоптала в беде!

Знал, что правду о вечности,
О воскресшем Христе,
Палачам человечества,
Не распять на кресте!

Мир, неверьем разорванный,
Как осенний цветок
Проглядел этот сорванный,
Но живущий цветок.

НАГРАДА

Матф. 5, 10

Чем почтить вас за верность в страданиях?
Выбор наш, сознаём, не богат.
Вы в тюремном плену отчеканили
Высший орден: награду-наград.

Не из золота он, не из платины.
Бриллиантов на нём не найти,
Но цена его болью оплачена
И разлукой с женой и детьми.

Не постичь его в мире достоинство,
Как и смысл изнуряющих уз.
Под аккорды небесного воинства
Верным вручит награду Иисус.

А потом – полномочия вечности,
И души неподдельный восторг,
В том, что вера прошла через бедствия
И достигнут желанный чертог.

П. Ляшенко

Стихом прекрасного слога и глубокого содержания отозвался на уход в вечность дорогого служителя Михаила Ивановича Хорева наш христианский поэт Павел Евгеньевич Ляшенко. И никто не мог предположить, что уже через короткое время неожиданно умолкнут уста этого талантливого духовного труженика. Быстрее птицы принеслась к нам эта скорбная весть, и на неё невозможно было не отозваться искренней сердечной болью.

Памяти П. Е. Ляшенко

Смежились крепко веки у поэта
С прекрасной, христианскою душой.
О нём восплачет скорбно лира где-то
Идущих поэтической межой.

Он одарён талантом был огромным,
Его в обильной мере расточал,
А в обращеньях с братьями был скромным,
Застенчиво сияя, как свеча. (сгорая)

Он преуспел в словесности изящной.
Сроднились с музыкой его стихи.
Они бальзамом были для скорбящих,
Они вскрывали плóтские грехи.

Он вёл на Украине семинары,
Поэтов начинающих учил,
Их к совершенству звал могучим даром,
Их вдохновлял его сердечный пыл.

В годину испытаний и гонений
Его стихи звучали, как набат.
Они читались средь больших общений,
Шептал их заключённый узник-брат.

На брачный пир с виссоном и вуалью
Они входили, радуя друзей.
Они манили тех лазурной далью,
Кто Богу предан был душою всей.

Поэта сердце перестало биться,
Поэт исполнил перед Богом долг.
Весть грустная летит быстрее птицы –
Ляшенко Павел навсегда умолк.

P.S.

Но нет, он не умолк. Пускай, как прежде,
Его стихи и гимны зазвучат,
Чтоб ободрились верные в надежде,
Сильна хоть элегичная печаль!

Е. Пушков

ГЛАВНЫЙ ПРАЗДНИК СОСТОЯЛСЯ

Печали весть пришла к нам из Молдавии,
В слезах мы поспешили в Кишинёв.
Здесь брат наш Хорев Михаил Иванович,
К себе друзей позвал со всех концов.

Последнюю прощальную нам проповедь
Он говорит в собрании большом.
На этот раз решил избрать к ней поводом
Свой главный праздник – встречу со Христом!

Не раз любил он говорить нам, радуясь,
Что самый главный праздник – впереди...
И вот уже его он в небе празднует
У Господа Иисуса на груди.

«Свершилось!» – будто слышим мы из уст его,
И слёзы умиления текут...
Но песни мы поём сегодня грустные –
С вокзала жизни провожаем в путь.

Мы говорим: «До встречи!» брату нашему,
И за него Христа благодарим.
Что верностью вся жизнь его украшена,
Возложена на Божьи алтари.

Везде трудился брат наш словом пламенным,
Но в Закарпатье нёс особый труд...
Как дети, плачут в таборах цыгане все,
Кому был дорог брат, свершивший путь.

Горел, сгорал, сгорел – вознёсся к горнему!
Нам есть кому в служеньи подражать.
И образ Иисуса в брате Хореве
Не перестанет для всех нас сиять!

И. Ш. (Закарпатье)

УТОЧНЕНИЕ

В журнале «Вестник истины» № 6, 2011 г. на с. 75 допущена неточность: брак предстоял не у Вячеслава, а у Владимира Усольцева. Автор приносит читателям свои извинения.

Приветствую Вас брат Вениамин и Вера Георгиевна...

Пишу Вам из Туркмении. Меня зовут Лиана... Когда мы получили эту скорбную весть, мы плакали... Скажу честно, я никогда не думала, что можно плакать о человеке, которого я никогда не знала и не видела... Я очень любила Михаила Ивановича по его проповедям... Я мечтала когда-нибудь его увидеть. Очень жаль, что на земле этого не произошло... Но он оставил мне большой пример как любить Господа и надеяться на Иисуса Христа.

Были месяцы, когда мы с мужем слушали только проповеди Хорева... учились, терпели, мечтали и ждали. Так хочется много написать и утешить Вас... Но не могу сосредоточиться... все время плачу... Пусть Бог утешит Вас... У вас был прекрасный папа и муж...

Семья Цатурян Семен и Лиана,
Туркмения

Он любил Церковь и Церковь любила его